

Серия «Серебро Слов»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Международный
литературно-художественный
альманах

2013

*Да свершатся смелые планы!
Альманах талантам откроется!
И пусть книг армада построится
Именами новых титанов!*

*И зерно добра станет колосом –
Урожаем света и истины!
И мечтами светлыми, чистыми!
Да восславит мир наши помыслы!*
Э.Офледи

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Международный
литературно-художественный
альманах

ТОМ 1

Издательский Дом
«Серебро Слов»
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

С32

ISBN 978-5-906438-05-8

Серебряный дождь. Международный литературно-художественный альманах. Том 1. –

Коломна: Издательский Дом «Серебро Слов», 2013. – 136 с.: ил.

Серебряный дождь стихотворений, – то грустный, то весёлый, – способен обновить внутренний мир человека, столь же многогранный и бескрайний (а может быть, и больше!), сколь мир внешний...

- © Авторы, 2013
- © Минаев Д., обложка, 2013
- © Издательский Дом «Серебро Слов», 2013

Ред.коллегия:

Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России

Г.Б.Осипов

Член Правления Московской областной организации Союза писателей России

С.С.Антипов

Член Московской областной организации Союза писателей России

Д.В.Минаев

Компьютерная вёрстка:

А.А.Павельева

Корректор:

А.Е.Русских

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Телефон: 8(926) 433-33-99

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Подписано в печать 14.06.13

Формат 60x84/8. Бум. офс. №1. Печать офсетная.

Гарнитура Murriad Pro. Тираж 500 экз. Заказ № 1170

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская область, г.Коломна,

ул.III Интернационала, 2а

Тел: 8(496) 618-69-33, 8(496) 618-60-16

ПРОЙТИ СКВОЗЬ ВРЕМЯ...

Дождь...

Вот упали на землю первые, разрозненные капельки – предвестницы вот-вот готового хлынуть с неба потока, – а вы в дороге – с зонтиком или без... Или (повезло) вы сидите дома и вдруг слышите всё более частое, мерное и уютное постукивание по крыше и карнизам... Или просто рядом кто-то произнёс слово «дождь»...

Что приходит вам на ум в первые секунды?

Наверняка первой ассоциацией будет – грусть. Тихая и светлая, или задумчиво-мечтательная, или исполненная сожалений о чём-то, – а порой и с грозowymi оттенками. Это уж – что ближе вашему характеру.

Потом вы, скорее всего, вспомните, что дождик может быть и весёлым. Особенно когда моросит он из маленькой случайной тучки, а в половину неба сияет солнышко. Особенно когда ваш возраст ещё не дотянул до отметки «-дцать» и можно без оглядки на мнение окружающих шлёпать по лужам... Впрочем, не так уж сложно вернуться в этот возраст – хотя бы на время!

А потом вдруг всплывёт в сознании то главное, для чего существует дождь... Очищение. Обновление. Вы уже знаете, что вот он схлынет сейчас – и можно будет увидеть умытый и посвежевший мир таким, как будто он только что создан – в ярких красках, чистых звуках, острых запахах...

В общем, они очень похожи – Дождь и Поэзия.

Серебряный дождь стихотворений, – то грустный, то весёлый, – способен обновить внутренний мир человека, столь же многогранный и бескрайний (а может быть, и больше!), сколь мир внешний... Впрочем, противопоставление это – вовсе не такое уж строгое. Мир, словно огромное зеркало, отражает наше состояние каждую секунду. Душа человеческая может хранить в себе множество тайн и возможностей, но только от соприкосновения с внешним миром рождает она прекрасные поэтические строки.

Соприкосновение это бывает нежным и ласковым, а бывает и болезненным. Ибо мир непередаваемо красив:

*...По деревьям плавно солнце
Вниз сползает, словно рысь.
Остановится, замрёт...
Станет чёрною пантерой,
Прыгнет вниз на пурпур белый –
Жёлтым бликом на излёт.*

(Пётр Красильникян)

Но в то же время может быть и жесток:

*Над домами тучи плыли,
Фонари перегорели.
Люди больше не любили,
Люди жили, как умели.
В магазины заходили,
Покупали, продавали...
Над землёю тучи плыли,
В небе Ангелы рыдали.*

(Александр Ильин)

Большинство стихотворений, написанных за всю историю человечества, действительно отмечены той или иной степенью грусти, потому что Поэт –

крылатая душа – не может не задавать себе вопрос:

*Как здесь летать? –
Коль в этом мире
Воздух под стать
Тяжести гири.*

(Наталья Брылёва)

И большинство же стихотворений, написанных человечеством, – о Любви, которая и есть – ответ и спасение:

*В телевизоре страны с границами,
оболванив полмира с утра, –
всё толкают: в политику влиться бы, –
где обыденность воен и плах...
...А халатик и взгляд этот пристальный,
тонкий стан и несмелый кивок
намекают, что вот она, истина,
та, что людям загадывал Бог.*

(Василий Толтоус)

А ещё держаться на плаву в этом непростом мире помогает, конечно же, чувство юмора – способное и дать добрый совет:

*Доконай простосердечьем
И покорности огнём,
Докажи – кулак не вечен,
Как не вечна сила в нём.
Пусть обидчик сам рыдает,
Давится слезьми в углу,
Когда руки обломает
О бывалую скулу.*

(Ирен Авенберг), –

и напомнить то самое прекрасное время, когда

*Дождь не думает кончатся,
Тучи в лужах корчатся;
Нам скорей по ним промчатся,
Всё измерить хочется.*

(Елена Рощина)

Серебряный дождь Поэзии... Волшебный эликсир, помогающий научиться

*Завязывать там, где тонко.
Подслащивать там, где горько,
Залечивать то, что больно*

(Марина Якубовская),

*И танцевать, считая: раз, два, три...
Прислушиваясь к музыке внутри.
И жить. И петь. И изливать себя словами*

(Елена Шевченко).

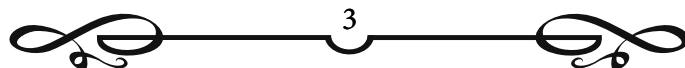
И в конечном счёте –

*Пройти сквозь время и остаться
Таким же искренним, как дождь,
И самому себе признаться,
Что ты для радости живёшь.*

(Наталья Брылёва)

Прислушайтесь... Что это там, за окнами? Кажется, дождь начинается?..

Анастасия РУССКИХ

Лев Котюков

г.Москва

Лев Константинович Котюков – ныне один из самых известных поэтов в России. Он – автор более чем тридцати книг поэзии и прозы, получивших заслуженное признание в нашей стране и за рубежом.

Он первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Московской Патриархией Международной премией имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, а также лауреат ещё тридцати семи международных, всероссийских и региональных литературных премий.

Председатель Правления Московской областной писательской организации, Секретарь Правления Союза писателей России, Заслуженный работник культуры России, Главный редактор журнала «Поэзия», академик Академии Российской словесности и ряда других академий зарубежья и России.

В борьбе плохого с хорошим
Ты можешь забыть о лучшем.
Ты можешь забыть о прошлом,
Но только – не о грядущем!

А где-то во тьме безлуны,
Где души дрожат, как тени,
Грядущие дни безумья
Ведут мертвецов в забвенье.

И все ж эта жизнь – награда
С безумьем и круговертью!
И помнить про смерть не надо, –
В грядущем навек бессмертье.

Бессмертье-любовь в грядущем,
А всё остальное – в прошлом.
И можно забыть о лучшем
В бесплодной борьбе с хорошим...

Тайна последней любви

Вновь ледяными ночами
Сердцу любовь обещаю
И золотую Весну.
Вновь, как в безлунном начале,
С белой голубкой печали
В росах небесных тону.

В слово любви обращаюсь,
Сердцу любовь обещаю.
Сердце – голубкой в огне.
К старым стихам возвращаюсь,
Но навсегда не прощаюсь
С тем, что сгорело во мне.

Полнится слово молчаньем,
Полнит молчание слово.
В небе – серебряный дым.
Всё, что казалось случайным,
Стало навек изначальным –
И до конца молодым.

Божье Молчанье – спасенье!
В Божьем Молчанье за Словом –
Тайна последней любви.
Вечно моё возвращенье!
Тайна любви – воскрешенье.
Чёрное Солнце в крови...

Северная мелодия

Ртутным светом струится морская звезда.
Леденеет лицо, леденеет вода,
Но в тиши леденелой
С нами – тайна любви! В тайне вечности мы!
Не нужны нам нездешние розы из тьмы
На земле ночью белой.

Кто припомнит названья погибших морей –
Там, где бездна ломала хребты кораблей
У последнего края?

Порождает молчанье во тьме глубина,
И земля чёрным розам навек не нужна,
Ни своя, ни чужая.

Где когда-то огонь поглотили снега –
Там сомкнулись погибших морей берега,
Зеркала, как сердца, раскололись.
К чёрным розам склоняется белая ночь,
И не в силах соблазна душа превозмочь,
И смещается Полюс.

И упорно преследует медленный сон:
В гулких тучах над морем гудит авион,
Удаляясь от суши.
И уносит безумцев в иные года,
Где Луной обратилась морская звезда,
Где любовь губит души.

Наваждение смертное сводит на нет
Из глубин мирозданья невидимый свет.
В душах – ангелов очи.
Не нужны нам нездешние розы из тьмы!
Для небесной любви Богом созданы мы
На Земле белой ночью.

Чёрным розам навеки Земля не нужна.
Порождает молчанье во тьме глубина
Белым, трепетным летом.
И бессмертье любви белой ночью во мне,
И струится морская звезда в глубине
Тихим северным светом...

Не ведаю: где нынче была и небыла.
Стою во тьме у замерших раки.
Снежинкою с невидимого неба –
В огонь времён душа моя летит.

А время – в бесконечном невозможном,
И время до рождения – во мне...
Но жизнь-снежинка на ладони Божьей
Не тает в грозно-яростном огне.

Северным летом

Эта жизнь – как северное лето,
Как осколок льдинки в кулаке.
И уходит молодость до света
Лунною дорогой по реке.

А любовь у края белой ночи
Всё молчит над берегом одна.
И напрасно кто-то там бормочет,
Что любовь без старости нужна.

И душа с мечтою молодою
Прозревает дальние века.
И нисходят с Севера грядую
В седине громовой облака.

И дорога лунная пропала,
Но не стоит плакать оттого,
Что душе и молодости мало,
Что любви не надо ничего...

Добро

Мой друг, я видел море зла...
Константин Батюшков

Что есть добро, когда оно
Не от свободы нам дано?
Когда дано одной природой?
Живым огнём объята высь,
Свободой воли дышит жизнь,
А мы томимся несвободой.

Томимся глупостью людской,
Тоской тупою городской,
Томимся в сельском захолустье.
Томимся от пустых вестей,
Таимся от живых страстей –
И не в искусстве, и в искусстве.

Уходят стылые дожди,
Но вновь безвидны впереди
Болота чёрного безлуныя.
И бьются в страхе зеркала...
«Мой друг, я видел море зла!» –
Горят слова в ночах безумья.

Пред бездной вечности душа
Молчит в потёмках, не дыша,
Страшась ужасного исхода...
Но в жизни всё предreshено:
Добро от Бога не дано!
Но, как добро, дана свобода.

Забываюсь в земной круговерти
И безбожное время гублю.
И люблю эту жизнь, как бессмертье!
Но бессмертье, как смерть, не люблю...

Замирает на миг моё время,
Как роса на гитарной струне.
И пою по-над бездной со всеми,
И со смертью – бессмертье во мне...

За пределом

Вспыхнул стог в тёмном поле, и душа на пределе, –
И не ведаешь воли, и не ведаешь цели.

Тёмен жребий Отчизны в торжестве круговерти,
И предчувствие жизни – как предчувствие смерти.

И душа вместе с телом на обрыве дыханья,
Будто всё за пределом, за пределом сознанья.

За пределом незримым только воля Господня!
И летит стылым дымом в небо стог прошлогодний.

И предчувствие смерти – как предчувствие жизни, –
И в земной круговерти, и в небесной Отчизне.

Нет нигде человека без Божественной воли.
На околице века вспыхнул стог в тёмном поле...

В незримых снах

Я вижу незримые сны.
Пусть бесится время слепое.
И пенье погибшей волны
Я слышу в дыханье прибора.

В нездешних, серебряных снах
Я душу спасти не пытаюсь.
В снегах, как в горящих стогах,
От страстной любви задыхаюсь.

Но вечность со мной до конца!
И нет мне спасенья со всеми...
И пусть разбивает сердца
Слепое, неловкое время.

Недвижна незримая высь
В земной и в небесной Отчизне.
И вечность огромней, чем жизнь,
И, может, бессмертнее жизни.

Я вижу незримые сны, –
И бесится время слепое.
Но пенье погибшей волны
Всё явственней в гуле прибора.

Я всё время моложе других,
Даже тех, что ушли молодыми.
Я не слышу себя среди глухих
И внимаю молчанью с немymi.

Обращаю мгновенья в года
И года обращаю в мгновенья.
И заветная гаснет звезда
В тёмном омуте стихотворенья.

Но не мыслю себя без любви,
Без единых заветных мгновений,
От земли отрываясь в крови,
Как дитя одиноких растений.

Ничего вспоминать не хочу,
Забываю, как сон, своё имя...
Будто равный, с немymi молчу,
Говорю, будто равный, с глухими...

Григорий Осипов

г.Москва

Григорий Борисович Осипов – известный поэт, автор ряда поэтических книг, получивших общественное признание. Лауреат литературных премий имени А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Ф.И.Тютчева, Н.С.Гумилёва, С.А.Есенина, Н.М.Рубцова и других.

Секретарь Правления Московской областной писательской организации, Заместитель Генерального секретаря профсоюза журналистов России, специальный корреспондент Государственной Думы и Совета Федерации, Главный редактор журнала «Галерея века», член редколлегии журнала «Библиотека», академик Академии Российской словесности и ряда других академий.

Вдали от родного порога
Я вновь свою жизнь торопил...
Летела навстречу дорога,
Клубилась вселенская пыль.

Летело нетленное время
Быстрой, чем земные года,
И грезилась встреча со всеми,
Кого потерял навсегда.

Со всеми, кто канул с рассветом
За далью неведомых дней.
С мечтой, затерявшейся где-то,
И новой судьбою моей.

И новые чувства мерцали,
И свет возрождался в душе,
И дивные звёздные дали
Мечту поджидали уже.

И ветер забытой дороги
Вздыхал над равниною пыль,
Скрывая земные пороги,
Где пряталась отчая быть.

И мчался к земному пределу,
И звал меня вслед за собой,
Вселяя последнюю веру,
Что встречу с бессмертной
судьбой.

Вновь наплывает вечер,
Как будто в полусне
На голову, на плечи
Ложится ранний снег.

Безмолвствует природа
Над крепью бытия,
С которой год от года
Тесней сливаюсь я.

Вновь тихий час предзимья
Повис над головой
Заботами своими,
Прохладой неживой.

И старость затаилась
За дальней кромкой дня,
Ещё являя милость,
Ещё храня меня.

Одинокая бродит гармонь.
Михаил Исаковский

Вновь вспоминаю жизнь земную.
Смотрю на звёздные огни.
Верни мне, время, жизнь былую,
Любовь забытую верни.

На берегу былой разлуки
Застынь призывною звездой.
Пусть до рассвета смолкнут звуки
Над неподвижною водой.

Над миром прежним, отшумевшим
Взмахни крылом моей судьбы
И протяни земные межи
К огням родительской избы.

Где день восходит у порога,
Где сладок дым печной трубы,
Где бесконечная дорога
Летит на зов моей судьбы.

Верни тот звёздный мир далёкий,
Где у серебряных ворот
Гуляет парень одинокий
И спать гармошка не даёт.

Где угасают все печали
И тает след былых утрат,
Где не страшат земные дали,
Откуда нет пути назад.

Вновь с надеждой жду во тьме
ответа.
Вновь из тьмы пронзает душу свет.
Но домой давно возврата нету,
Но былой любви в помине нет.

Страницей – душа моя ютится.
Внемлет наступающему дню,
Голосу пророческому птицы,
Вещему небесному огню.

Эху вечной жизни над равниной,
Гулу водопада на реке
И печали тайной журавлиной
В бесприютном, мёрзлом ивняке.

Я знаю, зачем я родился
И в чём состоит мой удел:
Чтоб чьей-то душе пригодился
И чью-то мечту обогрел.

Чтоб сердце сияло и пело
И был я доволен судьбой,
Чтоб лучшую женщину смело
По жизни повёл за собой.

Чтоб верил мечте, не остынув.
И вычерпал сердце до дна,
Чтоб вырастил дочку и сына,
Им русские дав имена.

Чтоб светлые чувства не прятал,
Ступая на отчий порог,
Чтоб помнил, что было когда-то,
Что в давние дни не берёт.

Чтоб, сердцу доверяясь всецело,
Я жил, отторгаем молвой...
Чтоб дерево жизни шумело,
Меня укрывая листвою.

Всё явственней в час
предзакатный
Вселенская тихая стынь
И берег речушки покатый
С надбровьем из тонких осин.

Замшелые серые кровли
И мёртвого поля жнивье –
В далёкой сторонке укромной,
Где сердце осталось моё.

Где веет печаль и смиренность,
И горечь от жизни былой
Над дико цветущей сиренью,
Над низкой ущербной луной.

Где брэнная жизнь скоротечна
И морок глядит из угла,
И люди не знают, что вечность
Стоит на отшибе села.

Доберусь по тропе неширокой
До родной родниковой реки,
Где не спится луне одинокой,
Где не спят под луной рыбаки.

Как всегда, на заветной лужайке
Восседают на кочках из мха,
Травят крепко-солёные байки,
Проверяют, крепка ли уха.

Посижу, помолчу, как бывало,
Подивлюсь их рыбацким делам,
Нахлебаюсь ухи до отвала,
Пропущу стержневые сто грамм.

Унесёт ветер дальние звуки,
Будет рыба идти в невода,
И горячая песня разлуки
Улетит от меня навсегда.

Завидую дворнику Паше,
Прощаю любые грехи.
Живёт – не сеет, не пашет,
А всё-таки пишет стихи.

В округе все знают об этом,
Одни лишь младенцы не в счёт.
Дворовое званье поэта
Он поднял до звёздных высот.

Похож отдалённо на Блока.
Устав от житейских невзгод,
О нашей российской мороке
Поэмы строчит круглый год.

Я сам не пашу и не сею.
Как Паша, впадаю в грехи,
И так же, как Паша, трезвея,
Пишу о России стихи.

Пишу, но похвастаться нечем,
И годы уже не вернёшь.
Но всё же талант мой замечен,
Не очень замечен, но всё ж...

Заплещется холодный свет зари,
И зверь пугливый выйдет
к водопою.
Возьму звезду Судьбы
в поводыри
И вместе с ней вернусь
к родному полю.

Откроется неведомый простор
Душе, которой многого не надо,
И запоёт небесный птичий хор,
И оживут речные водопады.

И вздрогнут сиротливые цветы
Незримых звёзд
над позднюю судьбою.
И тайный свет потерянной мечты
Наполнит сердце радостью
и болью.

Жизнь моя пролетит в одночасье
С чередой холодных дождей.
И не будет последнего счастья
На исходе непознанных дней.

Но останется горе седое
И лесов утомлённая стынь,
И любимой лицо молодое
У дороги седой, как полынь.

Зачем иду по кромке поля
К не народившейся звезде
Тропую узкой и слепую,
К слепой, мерцающей воде?!

Зачем ловлю косые ливни
И ничего не узнаю
В краю далёком сиротливом,
Где повстречал любовь свою?..

И меркнет день, и гаснут дали,
И стынет вещая звезда,
И тает горький дым печали –
И не растает никогда.

Звезда судьбы

Темнели облака сторожевые,
И стал заметней грозной тучи
крен.
И стыли мысли, словно неживые,
В преддверии недобрых
перемен.

Молчали птицы над речной
протокой,
Молчало время у земных оград,
А в тишине холодной и далёкой
Мерцал неузнаваемый закат.

Но где-то там, у Божьего причала,
У той черты,
где мир безбрежно тих,
Звезда Судьбы предвечная сияла
Над горечью тревожных дум моих.

Сияла над потерянной дорогой
В каком, и сам не ведаю, краю,
Тревожа мир печалью одинокой,
Спасая душу грешную мою.

Кляни меня за то, что глухо
внемлю
Тому, что я тобою не любим.
Кляни за то, что я пришёл на
землю,
Чтоб надышаться именем Твоим.

Кляни за всё, чего не можешь
вспомнить
В холодный день земного бытия,
Чтоб сладкой мукой жизнь мою
наполнить,
Чтоб горьким счастьем
задохнулся я.

Когда устану я творить добро
И горевать над бедами чужими,
Забьётся птица в тёмное дупло,
Моих волос поблёкнет серебро,
А я забуду собственное имя.

Взметнётся чёрный вихрь
над головой,
И чёрной птицей улетит дорога.
И день последний, тяжкий,
неживой
В мой дом войдёт
и рухнет у порога.

Летит дорога, обгоняя взгляд,
Летит быстрее
самой быстрой птицы
Туда, где озаряет звездопад
Былой любви забытые страницы.

Летит дорога,
вечный путь домой, –
Её не остановит мысль о смерти,
О том, что день,
давно забытый мной,
Не отыскать
в безумной круговерти.

Летит дорога по следам судьбы,
Где от былой судьбы
остались вехи,
Где брезжат путеводные столбы
И в лунных роцах умирает эхо.

Где тишина ложится на траву,
Где отчий дом уютится
на пригорке,
Где дым Отечества
восходит наяву
И тает в небе радостно и горько.

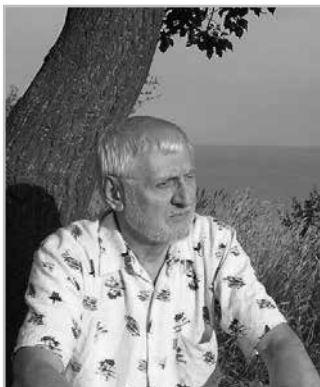
Любовь возвратится ко мне
Усталым свеченьем заката.
В пустой неживой тишине
Коснётся души виновато.

Последней зари тишина
Встревожит просторы ночные.
Я вычерпал душу до дна,
Изведал тревоги земные.

Любовь возвратится ко мне
Дыханием вечного неба
В забытой моей стороне,
Где был обращается в небыль.

Где новая песня души
Летит от земного причала
И тает в рассветной тиши,
Где нет ни конца, ни начала.

Где стынет седая звезда
Над тихой речною излукой.
Где веют былые года
Свиданьем и вечной разлукой.

Эдуард Хандюков

г.Москва

Эдуард Валентинович Хандюков родился 12 сентября 1940 года в Приазовье, в городе Мариуполе.

Окончил Ленинградское Высшее инженерное морское училище имени адмирала С.О.Макарова и Московское Высшее художественно-промышленное училище (бывш. Строгановское).

Секретарь правления МОО СП России, член редколлегии журнала «Поэзия». Действительный член Академии медико-технических наук. Лауреат Московской областной литературной премии имени Ярослава Смелякова

за 2011 год. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008-2011». Награждён Орденом «М.Ю.Лермонтов», Золотой Есенинской медалью, памятной медалью «100-летие А.Т. Твардовского».

Воды неземные

Молитва сердца – спелой вишней
Упала в неземную реку...
И этот всплеск едва был слышен
И ангелу, и человеку.

Купаясь в золоте заката,
Плывут слова, слова молитвы –
О нескончаемых утратах, –
Ушедших с миром и убитых...

Повенчаных и обручённых
Со смертью в храме Расставанья –
О, сколько их, ожесточённых,
Ушло без слёз, без покаянья?!

Но даже их – простит Всевышний,
И станут небылью невзгоды...
И вишнями падут чуть слышно
Молитвы в неземные воды.

Ряды друзей рedeют понемногу.
Их путь туда без «Фордов»
и «Тойот»,
Где ключник Пётр у дальнего
Порога
Не всем пришельцам пропуск
выдаёт.

Ряды друзей рedeют год от года,
И волосы рedeют на башке.
И символы сквозь мрак и непогоду
Не различить на стартовом
флажке.

Не различить: друзей, меня
предавших,
И тех, кого сам предал невзначай,
Талантливых,
надежду подававших,
И тех, кому дают теперь «на чай».

Сквозит с небес сквозь тучи
тонкий лучик
Подобием указки золотой.
И на кого укажет Пётр-ключник,
Тому прибыть к Обителю Святой.

Не ведаю, за что люблю тебя,
И верю в твои праздничные тосты.
Так буднично под валенком
скрипят
Твоих щедрот рассыпанные
звёзды.

За постиженьё ль смысла очага,
За естество контрастов
чёрно-белых,
За свет в окне во вьюгах
ошалелых,
За крепость чая, сладость
пирога?

Быть может, за предчувствие
весны,
Что греется у дальнего порога?
За милость всепрощающего
Бога?
За соловья на ветке бузины?
За передышку существу всему
И за тоску по тополиной ветке?
За ритуал по сердцу и уму –
Щеглов весною выпускать
из клетки?

Пасхальное

По судьбе безотрадной
В неземную юдоль
Пронесём благодарно
Мы земную любовь.

Жизни путь безвозвратный –
То ли явь, то ли сон?
Но горит благодатно
Негасимый огонь.

Неизбывна награда
Благодатной Любви,
С негасимой лампадой
Спаса Лик на крови.

И покуда лучится
Свете тихий из глаз,
Будем миром молиться,
Чтоб огонь не погас.

Бессмертен – значит, одинок.
И в одиночество ныряя,
Не отличая ад от рая,
Душа живёт, не умирая...
Бессмертию неведом срок.
Мгновений золотой песок
Неукротим в часах песочных...
Отважных, сильных, худосочных
В непостижимость
и бессрочность
Уносит Вечности поток.

Берёзовый лист в паутинке
Запутался невесом...
Всё золото мира – пушинка
На чаше горных весов.

Незримый огонь прощенья
Горит негасимо в крови
Познавших обеты пощенья,
Познавших радость любви.

На нивах безбрежных, воздушных
Сгорают земные сердца...
Зерном золотые души
Сияют в ладонях Творца.

Прошлогоднее

Неужто соловей и впрямь немой? –
Хлопочет у гнезда, но не поёт.
И этот новый май ни твой, ни мой, –
И в сердце прошлогодний снег
и лёд.

Глядится в пруд высокий косогор,
И воды вешние питают пашню
впрок,
И гонит к речке прошлогодний сор
Проснувшийся в сиренях
ветерок.

А на душе прощёные грехи –
Сугробами угрюмыми лежат...
Томятся прошлогодние стихи,
И плачет непрощённая душа.

Стена плача

О чём стенают у стены,
Целуя каменные блоки?
Камням покинутой страны
Неведомы Завета сроки.

Зачем на грани бытия
Упорно шепчут «Аллилуйя»
И на границе забытья
Ответных ищут поцелуев?..

Избранник Божий вас водил
В краю пустынном и безводном,
Но даже на пределе сил
Путь не казался безысходным.

Когда же золотой телец
Вдруг гордо встал на пьедестале,
Язычников призвал Отец
Карающей отведать стали.

Был поучительным урок, –
Но пользу чем его измерить?
Духовные одежды впрок
На вырост шьют в Любви и Вере...

Вновь море Красное в крови,
И вновь сердца полны тревоги...
И как Исход ни назови –
В крови Заветные дороги.

Молитва без слов – со слезами,
И покаяния стон...
Всевидящими глазами
Святые глядят с икон.
Когда в неизбывном горе
От слёз содрогается плоть, –
Не верит слезам стольный город,
Но верит слезам Господь.

Встречай бродягу, Одиночество,
На вираже остатних лет.
Уйду без имени, без отчества, –
В один конец у всех билет...

Встречай меня в воспоминаниях, –
Иного сердцу не дано,
Без слёз о ранних расставаниях, –
О чём забыть не суждено.

Не суждено обнять приятеля,
Поцеловать отца и мать...
Но сделай так, чтобы Создателя
В конце пути смог повстречать.

Страждущего, как дитяню,
Утешит заботливо Мать...
Сердцу светло в благодати,
Если дана благодать...

В пламени неопалимом
Сгорают унынье и страх...
Горним Иерусалимом
Тьма обращается в прах...

Окаменевшие цветы
Горят в янтарных росах.
Ожил ростком зелёным посох
И придорожные кресты...

Двоится радуга любви
В душе, познавшей Бога...
Но почему любви дорога
В мазутных пятнах и в крови?..

Тайна тайн

Упоенье поиском решений
Трудно разрешаемых задач
И преодоление сомнений
Через буреломы неудач...

Вот забавы тех, кто жаждет истин,
Тех, кто очарован новизной...
Лишь один вопрос стоит, неистов,
Непреодолимою стеной.

Тайна творчества –
она непостижима,
Как скрижалей первых
письмена...
И стоит в веках несокрушимо
Горня, незримая стена.

Сны золотые

Душа летит пчелою золотой
В сады, в луга с цветами
золотыми,
Где будем мы, как прежде,
молодыми,
Не ведая, кто грешник, кто
святой.
Где забывают жизни неуют,
Где не страшат загадкой
горизонты,
Где солнце льётся в золотые
соты,
Любимое любимым отдают...

Чужие

Мы здесь непрошенные гости,
Но каждый мнит себя царём.
Здесь после нас –
земля в коросте,
Отравлен каждый водоём...
И мы угрюмо привечаем
В бетонных джунглях жизнь,
как смерть...
Мы приучили даже чаек
На свалках городских жиреть.
Мы – инородцы, иноверцы
Для всякой мошки и цветка...
Открытое лишь миру сердце
Полёт отметит мотылька...
Поют лягушки на болоте,
Поют в сиренях соловьи...
Ужели матери-природе
Чужие – мы, они – свои?!

Родина

Здесь беспредел от края
и до края.
И, путь пройды от Каина до Кая,
Здесь правит бал, не ведая
преград,
«Святая» ложь и правда
бесовская.
И под прицелом
снайпера-Судьбы,
Под улюлюканье и гомон
голытьбы
Который век живёшь,
не пригибаясь,
Всё повторяя: «Если б?!...»
да «Кабы?!...»

Я в сны ухожу, как в реальность,
В реальность вхожу, будто в сны,
Дорогой, ведущей
в бескрайность,
Дорогою вечной Весны.

Дорогой ведут невозвратной
Манящие сердце огни:
Где Солнце Любви – незакатно,
Где ночи светлее, чем дни...

Распахнуты окна и двери,
И строки полёт обрели...
И нечем, и незачем мерить
Бескрайность поющей Земли.

Поют запоздалые рифмы,
Звенит тетивой горизонт...
И в явь обращаются мифы,
И в явь обращается сон.

Как жить по законам искусства,
Подскажут друзья и враги...
И полнятся смыслом и чувством,
Как ягоды соком, стихи.

Ничто, ничто неповторимо

Ничто, ничто неповторимо –
Дуреет мир от новизны.
Лишь сердце памятью ранимо,
Как ветка почками весны.

Во мне слились вы воедино,
Как в песне разные слова.
От тяжести такой повинно
Моя клонится голова.

Вы, мной любимые, простите,
Что вас в пути не уберёт.
Цветите, милые, цветите
На ниве стихотворных строк.

Пусть одиночества седины
На ваши не падут виски.
Любви вчерашние былины
Не бросят нынче тень тоски.

Пусть в вашей памяти цветистой
Моей былинке отцвести –
Во мне звучат далёких выстрелов
Все ваши тихие «Прости».

Леонид Дудин

**п.Белоозёрский, Воскресенский р-н,
Московская обл.**

Родился в деревне Харитонов Починок Костромской области. Служил в Группе советских войск в Германии в должности командира взвода разведки, старшим офицером батареи. После – учёба и окончание Военной инженерной академии имени Петра Великого.

В качестве представителя Главного управления космических средств работал на предприятиях, занимающихся освоением дальнего и ближнего космоса. За большой личный вклад в развитие космонавтики отмечен многими правительственными и общественными наградами.

Работал главным редактором газеты «Наши вести» и Белоозёрского телевидения, первым редактором газет «Вертикаль», «Округа», «Воскресенск литературный».

Пишет стихи и прозу. В последние годы увидели свет книги: «На вершине пирамиды», «Испытатели», «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Поехали!..», «Белоозёрский. Очерки истории», «Цветы Болгарии. Венок сонетов», «Гвардии генерал Соколов».

Действительный член Академии Российской словесности, член президиума академии, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. М.Ю.Лермонтова, И.Д.Сытина, Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова, многих региональных и областных.

Член правления Московской областной организации Союза писателей РФ, руководитель Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И.Лажечникова.

Редактор газеты «Воскресенск литературный».

Ветеран Военно-космических Сил.

Первый Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский.

Цветы Болгарии (Венок сонетов)

Посвящается Тебе

1

Мне петь дано Болгарии цветы,
Хотя они – на всей земле красивы,
Где вечные созвучия России
Пронзительны, открыты и чисты.

Я знаю – ты в стихи придёшь одна,
Что праздник без тебя не состоится,
И станешь ты на нём цветов Царица,
Познаешь радость новую сполна.

Увидишь маков целые поля,
Долины роз – в дали необозримой.
Пионы вспыхнут гаммою карминной...
И эти несравненные края

Ты примешь к сердцу, счастья не тая,
Во всей их красоте неповторимой.

2

Во всей их красоте неповторимой
Со мною розы Плевена и гор
Вели неторопливый разговор
О лепестках и ауре ранимой.

Я отвечал: «Пока ещё не вечер...»
Но верил, что придёт и мой черёд,
Когда душа негаданно замрёт,
И буду я тобой увековечен.

Возможно, по моей дороге длинной
Потянется одна немая грусть,
И вымолвить слова я побоюсь
О нашей открытости взаимной.

Но верности сейчас я поклянусь:
Ты шла навстречу горною долиной.

3

Ты шла навстречу горною долиной
В белеющие скалами места,
Тебя манила чайка неспроста,
Кружа над водопадною лавиной.

Тобою любовался мир славян,
Я вместе с ним тобою любовался,
Твой каждый шаг запоминать старался
На тропях расцветающих Балкан.

И были розы красные густы,
И были маки алые богаты,
И были горы до небес объята
Молчаньем заповедной высоты.

Любовь и я: ну в чём мы виноваты? –
Навстречу шла волнительная ты.

4

Навстречу шла волнительная ты,
Цветы на солнце видеть торопилась –
Болгарии божественную милость,
Лишённую словесной суеты.

Даль открывала сердцу твоему
Сиянье молчаливого каньона
Стремительно, открыто и влюблённо,
Не подчиняясь разуму-уму.

К святым обворожительным местам,
Но с поздней пронизательностью Леля,
Спешил и я, твои следы лелея,
Припасть к очаровательным устам.

И ни о чём нисколько не жалея,
Тебе я поклонялся и цветам.

5

Тебе я поклонялся и цветам,
Твоим нераскрывающимся вздохам...
Я жизнь отдал космической эпохе
И чуточку от времени устал.

Но есть такое место: Тюра-Там,
В миру оно зовётся Байконуром,
Где степь весною залита пурпуром –
Тюльпанами пропитан Казахстан.

Не думал, не гадал, что хороводы
Степных цветов мой предрешат удел
И встречу ту, что встретить я хотел,
Как символ веры, рая и свободы,

Чтоб песню песней, уходя, ей спел,
И мудрости, и доброте природы.

6

И мудрости, и доброте природы
В любви я признавался – и не раз.
Сюда, к цветам, принёс меня Пегас,
Спасая от неласковой погоды.

Мне Кайкёла-парк вовеки не забыть,
Полёты ласточки-береговушки,
Спокойное течение речушки,
Ручья в камнях бесхитростную прыть.

Весь парк сиял, весь – нашенской породы,
Скорее мы породы древней той,
С твоей исповедальной чистотой,
Где с русского излишни переводы.

Поэтому я в заросли густой
Смотрел светло на собственные годы.

7

Смотрел светло на собственные годы,
А годы разрывались, как в кино, –
И было мне совсем не всё равно,
Какие в отчине сейчас восходы.

Я попросил о том прокуковать
Кукушку на октавах самых низких,
Молил издать хотя бы звук по-фински, –
Но, умница, не стала рисковать.

Она, томясь, вздыхала тут и там,
По молодости, видимо, не зная,
Что говор северный Суоми края
Давно понятен плевенским местам.

И луч любви мне сердце грел, сгорая,
Далёким не нарадуясь годам.

8

Далёким не нарадуясь годам,
Мы плыли в лодке, гладью увлекаясь.
К тебе в ладонь просилась лилий завязь,
Легко скользя по солнечным бортам.

Я верил, что могла одна ты знать –
И только ты! – о замыслах соцветий,
О робком зароженье междометий,
Способных в дали дальние позвать.

Но был и тот, большой, извечный зов,
Он вёл меня, томил и, не колеблясь,
Опровергал схоластику и ересь,
Оставив лишь романтику годов.

Я узнавал их яростную прелесть –
Они, как сон, являлись из веков.

9

Они, как сон, являлись из веков,
Парили в Русь над зеркалом Дуная...
Вот Петербург, вот Эрмитаж, Даная, –
Вне времени Рембрандт, вне берегов.

До слёз хотелось линий колорит,
И теплоту, и таинство, иполог
Перенести в сонет, что очень дорог,
Как дорого с тобой поговорить.

Но строки мне никак не поддавались, –
Напрасно я переходил на крик,
Никто к Данае чтобы не проник,
И Боги бы проникнуть не пытались.

Хотя слова уже в тот звёздный миг
Объёмно золотым дождём являлись.

10

Объёмно золотым дождём являлись
Пророчества с природою вразрез.
Что в мире есть неотвратимый Зевс, –
Такие мысли не предполагались...

Одна, раскутавшись, предавшись неге,
Доверчиво Даная ловит свет,
Послушно тело за рукою вслед,
Лучась, уходит к Альфе и Омеге.

Они как суть навек сиять остались...
Я понимал, как ты была права,
Что жизнь – не только магия волхва,
Но есть полёт, истома и усталость.

А потому поступки и слова
Твоей любви девичьей не боялись.

11

Твоей любви девичьей не боялись
Мои замороженные года.
В них побывали горечь и беда,
Добро и зло, к несчастью, уживались.

Но ты могла медовое тепло
Всё отдавать, нисколько не колеблясь,
Прощала непонятную нелепость,
Когда меня в неверие несло.

Давалось утешенье нелегко:
Я ревновал тебя к славянам-братьям,
Завидовал твоим пригретым платьям
В бутонах ярко-алых облаков.

Мы в горы шли принять небес объятя
И вместе поднимались высоко.

12

И вместе поднимались высоко:
Луга альпийские у ног стелились,
В изломах скал орлы, таясь, гнездились,
И было небо очень велико.

И в этой благодатной стороне,
Тобой любуясь и благоговей,
Перед ранимой кротостью твоею
Я преклонялся искренне вполне.

И таинства моих заветных слов,
Которые на сердце зарождались,
По всей Болгарии передавались,
Что ты сама – цветок среди лугов,

Что мы в ключах серебряных купались
И в розовой купели лепестков.

13

И в розовой купели лепестков,
Хотела ты того иль не хотела,
Твоё обворожительное тело
Являлось как творение Богов.

Возможно, ты, сама того не зная,
Живя в миру, открытом и простом,
Ко мне пришла нежданно, как Даная,
В неведомом сиянье золотом.

Я сбросил прочь угрюмую усталость,
Решительно шагнул за ту черту,
Где сохнет от волнения во рту,
Где души в невесомость погружались,

Где мы, приняв полёта красоту,
Восторгом и отрадой наполнялись.

14

Восторгом и отрадой наполнялись
Над Плевеном холмы и небеса,
Дворов и переулков голоса
В неповторимость праздника вливались.

Кругом цветы. Благоуханье мая.
Горят тюльпаны. Маки в царстве роз...
Мелькает облачко твоих волос,
Весной и беспечальностью пленяя.

Высокие желания, мечты
Нежданно и негладанно сбывались,
Мы жизнью и цветами любовались,
И были наши помыслы чисты,

И чтобы беспросветного ни случилось –
Мне петь дано Болгарии цветы.

Магистрал

Мне петь дано Болгарии цветы
Во всей их красоте неповторимой...
Ты шла навстречу горною долиной,
Навстречу шла волнительная ты.

Тебе я поклонялся и цветам,
И мудрости, и доброте природы,
Смотрел светло со стороны на годы,
Далёким не нарадуясь годам.

Они, как сон, являлись из веков,
Объёмно, золотым дождём являлись,
Твоей любви девичьей не боялись
И вместе поднимались высоко,

И в розовой купели лепестков
Восторгом и отрадой наполнялись.

Крещение

Так в домах наших исстари водится:
Чтобы век на себя не пенять,
В горний храм Рождества Богородицы
Заявилась на Троицу мать.

Тридцать вёрст по болотам отмеряла,
Отгоняя приметы и страх,
И меня с превеликою верою
Принесла к алтарю на руках.

Я не ведал ни тайны крещения,
И не видел, когда в этот час
Всевеликого благословления
Скрыло облачко иконостас.

«Все застыли в желанном молчании, –
Вспоминала при радости мать, –
Разлились голоса величальные,
И с небес низошла Благодать.

А твой крёстный, подросток Серёженька,
Руку к сердцу прижав, прошептал:
– Это Ты... Ты явился мне, Боженька? –
И, крестясь, на колени упал.

Вот такой вот сиятельный случай
Осенил нас тепло и любя...
Потому ты, сынок, и везучий –
И не боязно мне за тебя».

Ничего не жду я ниоткуда,
Всё быльём, что было, поросло,
Подлости, измены, пересуды,
И добро, и радости, и зло.

На закате прошлых отношений
Лишь остались светлые мои –
Две любви, красивы и священны,
А верней, два храма на любви.

Небо

Я хочу тебя, небо, руками поймать
И раздать всем тепло понемногу,
Чтоб не часто пришлось нам от горя страдать,
Чтоб светлей улыбалось народу.

Но не избранный я. Не могу сделать так
И пойти по пути Прометей,
Коль священный огонь на стихийных ветрах
Долго жить приказал, онемея.

Ты само, может, небо, опустишься к нам,
Наши души спасая от блуда?
Неужели призывно воздетым рукам
Твоего не почувствовать чуда?

Ольга Новикова

г.Воскресенск, Московская обл.

Ольга Александровна Новикова, г.Воскресенск Московской области.
Член-корреспондент Академии Российской словесности, член Союза писателей России.

Автор поэтических сборников «Я любовь назову твоим именем», «Маков цвет», книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Житие».

Печатается в международной, центральной и местной прессе.

Награждена Золотой Пушкинской медалью «Ревнитель просвещения», медалью «За жертвенное служение» во имя св. Благоверных князей Российских Бориса и Глеба за труды во славу Отечества, Веры и народа российского, правлением Международной федерации русскоязычных писателей – медалью «Мастер словесности» и другими государственными и общественными знаками отличия.

Над поймою парил неспешно ангел,
Вокруг пустынно, рядом – никого...
Торжествен был венец, сияли длани
И облаченье белое его.

Небесная река текла чуть слышно,
Он плыл по ней, расплёскивая свет
На старый парк, пруды, усадьбу, крыши
И свет на то, чего сегодня нет.

Большой Вселенской радостью светились
Земля в цветах рябишника, река,
И красными садами восходили
По берегам дерева-облака.

Качнулся день, как встретились два взгляда,
И поспешил уйти скорее вспять...
Сынок! Ты в детстве так боялся падать,
Когда же научился ты летать?

А он парил в безбрежное сиянье,
Благословив невидимо меня,
И долго-долго длилось расставанье
Над кромкой ускользящего дня...

Исчез мой ангел, растворился, тая,
В немыслимо далёком далеке...
Осталась в сердце тень его святая
Да лепесток от облака в руке.

Светлой памяти сына

Я хватаю трубку телефонную,
Стоит лишь подать ей малый звук,
Чтоб тебе как Божьему угоднику
Слово передать из первых рук.

Нет, не передать, а только вслушаться
В тишину молчанья твоего...
Мы успели так с тобой соскучиться,
Что не надо больше ничего.

Я живу в тревоге до беспамьяства.
В детстве, слыша гром издалека,
Убегал, смеялся ты и прятался
В заросли густого ивняка...

А теперь в каком ты измерении?
Есть ли там сосновые леса?..
А к тебе приходят своевременно
Боль моя, горячая слеза?..

Всё держу я трубку телефонную,
Стиснув руки, накрепко держу...
И молчу, застыв перед иконою,
И ответа вновь не нахожу.

На кладбище кукушка куковала.
Теряя счёт, споткнулась тишина,
И, охнув, грузно стукнулась она
О свод крутой небесного овала.

Обрушилась на лес и на равнину,
И, всякому рассудку вопреки,
Неровно утрамбовывала глину
По руслу высыхающей реки.

Из давящей бесплотной тишины
Рождался безголосый крик рыданий,
Казалось, деревья, ограды, камни –
Измяты будут и погребены...

Лишь, ни о чём не ведая, кукушка
Без устали: «ку-ку...». Вне суеты.
...На мрамор мальчик уронил игрушку,
Узнав отца родимые черты.

И лик отца, запечатлённый в камне,
И сын, ручонки путая, крестясь,
Искали тоненькую крайню –
Для них спасительную связь.

В белом поле грустно одуванчики
Парашиутками кружат надо мной.
Облака светлы и так заманчивы,
Что идти не хочется домой.

Кружат молчаливо над просторами,
Уплывая плавно в маревую даль,
В тихую, глубокую, покорную,
Унося печаль...

Палисадник. Под иргой
В деревушке за рекой
Я, девчонка, рисовала
Тонкой веточкой покой.

Но навек пропал покой
За стеклянной дверью той,
Где последний раз мой мальчик:
– Мам, пока! – махнул рукой.

Может, вымолю покой
Ночью, горем залитой,
Может, сбудется желанье
За летящею звездой?..

Вдруг во сне придёт покой:
Полдень, рядышком левкой,
Я целую чубчик сына:
– Золотой мой, золотой...

Снова ночь и день-деньской
Я прошу: «Вернись, покой!
Чтобы рядом жили дети,
Чтоб не знать судьбы другой».

Только нет деревни той,
Палисадника с иргой,
Где я, радуясь, играя,
Рисовала свой покой.

Мой бедный странник, как ты жил,
Когда тебя ещё не знала?
Весь мир казался мне чужим,
Но ждать любовь не уставала...
Мой бедный странник, как ты жил?

О беспокойные сердца!
Волнуясь, в радости забились,
Как два испуганных птенца,
Не веря в то, что счастье сбылось, –
О беспокойные сердца!

Мой нежный странник, почему
Ты, отогревшись, в путь собрался,
Меня держал в своём плену,
А сам без жалости расстался?
Мой нежный странник, почему?

Я, как ребёнок после сна,
Тяну к тебе с надеждой руки.
Я знаю – ночь любви длинна,
Но бесконечна ночь разлуки!
Я как ребёнок после сна.

Мой горький странник, не сечёт
Пускай тебя молва бесчестья...
Зачем любить так горячо,
Чтоб сокрушительно отречься?
Зачем любить так горячо?

О, помоги мне, мой Господь,
Благослови святую муку
И мученическую плоть,
И предстоящую разлуку.
О, помоги мне, мой Господь!

Глаза прикрою: всё кручу педали,
Два колеса несут велосипед,
Хочу увидеть, есть ли край у дали,
И что за краем – ночь или рассвет.

Проснусь: виденья словно сон украли –
Громады туч нависли на поля,
Накрыли их намокшими крылами...
И вновь на время забываюсь я.

...Звенит, спеша, велосипед по зною,
Звенит под ним песок, звенит река,
Вот берега. Река все беды смое...
Всё зримей звоны... Звоны – в облака...

Как высоко! Не разгляжу детали,
Один лишь свет – сияющим ковром,
Здесь нет окрест ни боли, ни печали,
Здесь благодать не помнит о былом.

...Качнётся ярко контур абажура,
За круглый стол вернётся вся семья...
Другого счастья даже не прошу я,
Другой отрады не желаю я.

Мой сын наколет щипчиками сахар
И скажет просто: «Пейте, гости, чай».
Но даль зовёт... И, не изведав страха,
Уйдёт он навсегда.
И невзначай.

Память, будь на сегодня сильною
И меня унеси легко
В светлокрылое детство милое –
В очень дальнее – далеко.

Чтобы вспомнить девчонку с косами,
С конопушками в пол-лица,
Как смеётся она, курносая,
У родительского крыльца.

В отутюженном школьном платице
Хороша, словно маков цвет:
«Мам, пока!» – прозвенит проказница.
«С Богом!» – мама ответит вслед.

А отец промолчит и, радостный,
И уверенный весь притом,
Очень искренне и во святости
Дочь свою осенит крестом.

По дорожке, мелком расчерченной,
Убежит она – не догнать...
И взгрустнут под ветлой застенчивой
У калитки – отец и мать.

Вздогнула сирени ветка белая,
Синевой небесною окрашена,
Среди людей таилась ты несмелая,
Расцвела сегодня боль вчерашняя...

Не дрожи, не плачь, сирень ты, матушка,
Слёз и жалости твоей – не надобно.
Мой сынок с тобою рядом-рядышком
Навсегда уснул. Надолго-надолго...

Шелести под ветром
колыбельную,
Пусть уйдут все думы
непокойные,
Пусть одну хранит он
незабвенную
Под печали колокольные...

Светом белым и неугасающим
Пядь земли осыпь – навеки
милую...
И цветы, цветы, сирень, на
кладбище,
Над сыновнею могилую.

*Светлому человеку –
Ксении Захаровой-Воловик
посвящая*

Новый день, чуть свет, умывается,
По лугам весна разливается,
Даль сама собой залюбуется,
Что привидится, то и сбудется...

Даль туманная белотелая,
Как беды бы мне не наделала...
Не опомниться, не покаяться,
Просто жить хочу, а не маяться.

По воде скользят солнца зайчики,
И спят глаза одуванчики,
Мне бы песни петь хороводные
Да венки пустить в глади водные...

Поплывут цветы сине-синие,
Упадут на них тени-линии,
И закрутятся в дальнем омуте...
И любовь была, – да не вспомните...

На судьбу гадать мне не хочется,
Я сама себе – как пророчица,
Ходят все за мной
парни здешние...
Ох, луга мои, думы вешние...

Раскатами грома
душу
Мою разрывает –
слушай.
Зигзагами молний,
видишь,
На небе очерчен
финиш?

Дождь в окна прицельно
метит,
В порывах глумится
ветер,
За стёклами смешан
с глиной
Пух – клочьями –
тополиный.

Мне страшно, и я
погибну
Под пенной лавиной
ливня.

...В объятьях других
ночуя,
Ты боли моей
не чуешь.

Рукам бы озябшим
греться
Теплом у родного
сердца!
На пальцы дышать
нет силы,
И сердце молчит...
Застыло.

Не по сыну моему ли плачешь
Ты ночами, птица молодая?
Ты любовь пророчила, гадая,
Только в жизни вышло всё иначе.

Не по мужу ли теперь скучаешь,
Забываясь в тлеющей улыбке?
И одна ли по ночам качаешь
Мальчика, играющего в зыбке?

Как ты сладко песни напевала
Не про бедность и не про
темницы,
Обещала ласки голубицы,
Но его могила приласкала.

Ты сулила, верная подружка,
Век прожить в согласье и удаче...
Что же в его доме свет потушен,
Что же ты ночами, птица, плачешь?

Всё, как раньше... Весна. Вечера.
И кусты, и деревья
залиты последнею стужей,
Потемнели картинно
с хрустящею корочкой лужи...
Всё так зримо, как было вчера.

Вот неловко осевший сугроб
Обнимают легонько
серебряно-тонкие тени,
Словно начисто их начертал
Всемогущего гений,
Чтоб украсить печаль вечеров.

Глухо лёд под шагами хрустит,
Мир во власти мерцанья
иллюзий и цепких видений,
И никак не понять в этом
замысле
сдвигов весенних,
Почему моё сердце грустит?

Силуэты домов, как рядно,
Бестолково ложатся
под свет фонарей-великанов
И сгущаются, морщась,
ломаюсь, в асфальтовых ямах, –
Не найти дорогое окно...

Всё, как раньше. Весна. Вечера.
Но луна... вот не та,
Светлокрылая в небе голубка.

Может, это мираж. Или
просто апрельская шутка,
Или мыслей вчерашних игра.

Падают спелые капли с рябин –
С неба, что ли, взялись? –
Крупно – на ландышевый
трамплин
И... по ложбинке – вниз.

Юркнул в студёную тьму ручеёк –
И никаких вестей,
От удивления червячок
Выгнулся на листе...

Ветер отнёс мошкарку в кусты,
Как надоедный дым,
Слышно на добрые три версты
Гуды на все лады.

После дождя пять минут прошло,
И на земле опять
Жизнь суетится. И так хорошо –
Сушая благодать!

С неба однажды сошедшая жизнь
В землю должна уйти.
Дай ей вернуться. И – не держи.
Горько, но отпусти...

Никому-никому никогда
Не отдам свою грешную душу.
Ни за что я её не предаю
И обетов своих не нарушу.

Потихоньку уйду, не простясь,
Только дверь поплотнее
прикрою...
Всё лихое, что было подчас,
Всё лихое возьму я с собою.

Может, скоро узнаю покой,
Может, шаг только
до всепрощенья...
И молюсь я окрепшей рукой,
И в молитве – моё утешенье.

Друзья мои, дарите мне стихи!
Не надо од
возвышенно-помпезных,
Не надо строк
напыщенно-любезных, –
Слова пусть будут
искренне-тихи!

Пишите мне правдивые стихи,
По ним из вас я каждого узнаю,
Я крест ношу, но я же не святая –
Пред вами исповедую грехи...

Признанья непросты и нележки, –
Но нет в них лицемерия,
жеманства,
И есть ли, нет ли в жизни
постоянства, –
Дарите мне душевные стихи!

Сергей Антипов

г.Москва

Антипов Сергей Сергеевич, родился в 1973 году в Москве. В 1997 году окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) по специальности «физика металлов».

Автор шести книг. Публикации в «Московском Литераторе», журнале «Поэзия» и другой периодике.

Член Правления Московской областной организации Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Награждён золотой Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения» от Академии Российской словесности, Большой серебряной медалью им. Гумилёва и золотой медалью им. Есенина

от Союза писателей России, Лауреат премии «Золотое перо Московии» и Дипломант губернаторской премии им. Роберта Рождественского.

Наяву

Не проявлена, скрыта до времени
Многомерная явь моих снов,
Где за мрачными толстыми стенами
Ожидает свободы любовь...

Только шансы, увы, незначительны,
Настоящее – редкость всегда...
И идут за гроши искусителю
Устремления, силы, года...

Сребролюбие, похоть, тщеславие
Этот мир захватили давно,
И ничтожным, по сути, желаниям
Править бал у людей суждено...

Но однажды с улыбкой открытою,
Бескорыстна, свободна, легка,
Ты придёшь наяву Маргаритою,
Чтоб обнять своего чудака!

Знаки весны

Отраженья волнующих мыслей
Прорываются знаками в Жизнь,
И с упрямой надеждой Улисса
Я ловлю вешних дней миражи...

А они утекают капелью,
Размывая дорожную грязь,
Забываюсь на время в безделье, –
Пусть прохожие смотрят, косясь!

Мне сегодня решительно нужно
Разобрать каждый квант тишины,
Перед чувствами вновь безоружен:
Вместо «я» всюду крутится «мы»...

Как на грех, и вокруг всех по двое:
Пара бабочек, птичек, котов, –
Значит, скоро не будет покоя
От цветных будоражащих снов!

Значит, кончилась долгая стужа,
И согрелись людские сердца,
Значит, всё-таки я ещё нужен
И пройду путь Любви до конца!

На флажке

Вновь «на флажке», но пока побеждаю,
Жертвую пешки, спасая ферзя,
Очень устал постоянно по краю,
Но по-другому пока что нельзя...

Слишком запутался Гордиев узел,
Надо рубить, сантименты не в счёт,
Враг, даже в облике глупой медузы,
Может прилично доставить хлопот.

Сердце болит от обманчивой лесты
Так, что не в силах помочь корвалол, –
К чёрту иуд, по газам и под двести,
Танго не катит, даёшь рок-н-ролл!

Где-то, наверно, весь путь наш записан,
Кто-то сказал, что на правой руке,
Но удостоиться главного приза
Можно, умея играть «на флажке»!

Пророк

Пророков нет в своих болотах, –
Ценнее хлеб и колбаса,
Да посиделки по субботам:
Какие, к чёрту, голоса?!

В болоте важно, чтобы тина
Была и тёплой, и густой,
А дельтапланы, бригантины...
В болоте это всё – отстой!

И крылья – тут они помеха:
Пугают жаб и мошкарю,
В болоте правило успеха –
Прийтись умело ко двору...

И квакать громко, если скажут,
И чмокать в нужные места,
И не расстроиться продаже
Души, что больше не чиста...

В болоте жить весьма комфортно,
Но, разглядев свой путь и срок,
Из мира тех, кто духом мёртвый,
Бежит оплёванный пророк...

По дороге к храму

Седые облака – небесные гонцы,
Ворота в горний мир от века и до века
Готовы отворить любому человеку,
Чтоб к Свету мы пошли, прозревшие слепцы...

Так много нам дано, но блажь и суета
Фатально тянут вниз к страданию и печали,
И только в вышине небесной синей дали
Надеждой бьётся мысль, что жизнь не так пуста...

И между облаков лоя ответный взгляд
Того, Кто любит всех: и грешных, и убогих, –
Иду тихонько в храм по узенькой дороге
И чувствую, что Он дороге этой рад!

Спешу

Невозможно любить ожиданье,
Нелегко согреть пустоту,
Но одним идиотским желаньем
Очень просто разрушить мечту...

Тошнотворно дышать среди быдла,
Бесполезно учить дураков,
Но, объевшись халявным повидлом,
Не увидеть пророческих снов...

Ностальгия – удел слабонервных,
И, мяса придорожную грязь,
Я спешу в твоей жизни стать первым,
Побеждая, мечтая, молясь...

В парке

Небо укрыли белёсые перья,
След оставляя в осенней воде.
Стал равнодушен ко многим теперь я,
Глубже познав устремленья людей...

Воздух сегодня прозрачный и волглый,
Влажной позёмкой дымится трава.
Ждали мы счастья с тобой очень долго,
Путаясь в мыслях, делах и словах...

Вальсом прощальным – упавшие листья –
Проят деревья уснуть до Весны.
Как хорошо за любимых молиться,
Зная, что явью становятся сны.

Холод недаром очистил дорогу,
Глухо сковав надоевшую грязь.
Счастлив я с теми, кто послан мне Богом,
Всех остальных отпускаю, молясь!

Гонка за удачей

Гонка за удачей – скачка сумасшедшая,
Для кого – забава, а кому-то – рок,
Главные помехи – алкоголь и женщины,
И конечно, жадность – фраерский порок!

Гонка за удачей – дамой переменчивой –
Требует не просто полной по газам:
Можно оказаться слишком опрометчивым,
Так что будет поздно бить по тормозам!

Гонка за удачей – толпы размечтавшихся,
Жажущих признанья, денег, прочих благ,
Но, чтоб в господины выйти из приказчиков,
Нужно чтоб однажды в сердце умер раб...

Вера

Говорят, что моя вера – напоказ,
И добро, что я творю, – всего лишь пафос,
Очень сложно под прицелом злобных глаз
Не сорваться и идти, всем улыбаясь...

Очень сложно, понимая, что твой враг –
Просто-напросто завистливый иуда, –
Не вовлечься в перепалку, как дурак,
А молиться за него и верить в чудо...

Это сложно, но надеюсь, хватит сил,
Несмотря на чьи-то подлые делишки,
Сделать всё, о чём Создателя просил,
И при этом – чтоб испачкали не слишком...

Весенний недуг

В ямочке на розовой щеке,
В локоне, спадающем со лба,
Тонет сердце, как в большой реке,
Кружится безбожно голова!

Кто придумал пеньё вешних птиц?
Девушек и мартовских котов?
Трепет соблазнительных ресниц,
Ворох оглушительных стихов?

Брось-ка утопающему круг
И шепни заветные слова, –
Снова поразил меня недуг:
Хочется тебя расцеловать!

Выпиши весенний мне рецепт:
Крепкую настойку на Любви,
Я не безнадежный пациент,
Если есть лекарство для двоих!

Лику судьбы

Как причудливы лику судьбы:
То прекрасны, а то – просто жуть,
И ногам тяжело от ходьбы,
Но зовёт предначертанный путь...

Он тернистый, но очень родной,
Есть попроще, но пусто в конце...
Где-то Свет, где-то только покой
Или слёзы на скорбном лице...

От завистливых взглядов врагов
Что-то колет всё чаще в груди,
Я простить их, наверно, готов,
Остальное пусть смоят дожди...

Беспощадного времени бег
Растворит всё в годах и веках,
И лишь самый родной человек
Сердце тихо согреет в руках...

Во время болезни

Стоп! Взбунтовалось некстати уставшее тело,
Жить. Просто надобно жить, коль других приручил.
Сон в этот вечер стучится в сознание несмело,
Высь будоражит огнями далёких светил.

Знать... До чего ж иногда тяжела эта ноша.
Мир... Мы с тобой очень долго блуждали во зле.
Стать невозможно для всех дорогим и хорошим.
В тир – не хочю, чтоб пылился «Макаров» в столе!

Бог говорил что-то мне с почерневшей иконы.
Слух заполняли соседи и грохот кастрюль.
Боль словно ржавым гвоздём расцарапала горло,
Дух одиноко влюблялся в горячий июль.

Плыть по течению – много ли в этом заслуги?
Там всё равно наши фишки сгорят на зеро.
Прыть не поможет нам выйти из адского круга.
Шанс... Стол и свечка, чернила, бумага, перо...

Цена воскресенья

Пули взрыхлили экватор судьбы
Зоркою мощью жестоких орудий
С алчной бравадой неправедных судей,
Славящих лишь толоконные лбы...

Стих захлебнулся в гранитной пыли.
Кто-то сказал: неужели навечно?
Слабому просто прослыть человечным,
Знай славословья в угоду мели...

Сытый по горло продажной брехнёй
С вялой приправой слащавых иллюзий,
Выгоню с паперти пошлых иудин,
Чтобы не брызгали едкой слюной!

Ветер безумных и ярких надежд
Рвёт паруса застарелых амбиций.
К чёрту покой и прокисшие лица,
Воздух грозы опьяняюще свеж!

Высохнут раны, а шрамы – пустяк.
Швы и заплатки – теперь украшенья.
Горько познание цены воскресенья,
Но по-другому, наверно, никак...

Мягко в гробу не стелют,
Вверх не стреляют дважды,
Ставить нельзя на челядь,
Ибо потом измажут...

Клещ не кусать не может,
Шельму Создатель метит,
Верись коварной роже –
Значит, шагаешь к смерти...

Ложь разбавляют правдой,
Чтобы вкусней казалась,
Очередь за наградой
Лишь вызывает жалость...

Планы порой пугают,
С верою в Божью милость
Тихо к мечте шагаю:
Только бы получилось!

Запас

Напиши мне хоть парочку строк,
Я скучаю – такой вот чудака,
Нарасхват, но в душе одинок,
И не справишься с этим никак...

То в плену неоконченных дел,
То в потоке волнительных грёз,
Я, наверно, тебе надоел
И давно для тебя не всерьёз!

Всё равно напиши что-нибудь,
И недолгая мысль обо мне
Сблизит наши сердца хоть чуть-чуть
Наяву или в призрачном сне...

Но прекрасной мечте буду рад:
Фантазировать кто запрещал?
А ответу опять не впопад? –
Слов правдивых запас слишком мал...

Март

Под солнцем ленивого марта
Тоскливо сереют сугробы,
Вчера превращается в завтра,
И тают ушедшие годы...

Хватаюсь за них оголтело, –
Вода ледяная сквозь пальцы,
Душа со стареющим телом
Озябли и снова скитальцы...

Пускай же шальные дороги
Несут их к мечтам легкокрылым:
Пока ещё держат нас ноги,
Лицо не должно быть унылым!

Пока трепыхается сердце
И руки способны к объятьям,
Всегда есть надежда согреться
Простым человеческим счастьем!

Снова

Кончился дождь, и запахло сиренью,
Ветер тихонько качает листву,
Снова рождается стихотворенье, –
Снова надеждой дышу и живу...

Тучи уплыли куда-то на север,
Солнце играет на каплях воды,
Снова мне хочется в счастье поверить,
Снова проснуться с тобой молодым...

Мир переполнен любовью и светом,
Руки навстречу наивно тяну, –
Веря, что вслед за несложным куплетом
Снова впущу в своё сердце весну!

Сергей Калабухин

г. Коломна, Московская обл.

О крахе русской культуры (Из книги «Спорные мысли»)

В литературных кругах (и не только в них) периодически возникают одни и те же споры.

Одни оплакивают гибнущую, по их мнению, русскую культуру. И литературу как часть её. Их доводы звучат так: издатели сделали ставку на чисто коммерческую литературу. Действительно талантливых авторов просто не печатают или превращают в «литературных негров». Всё меньше людей читает книги, а прилавки магазинов заполнили откровенно развлекательное чтиво, в массе которого практически невозможно отыскать настоящую литературу – литературу мыслей, идей и чувств. Страницы так называемых «бестселлеров» щедро удобрены матом и заполнены сценами кровавого насилия и порнографии. Тиражи упали в десятки раз по сравнению с советским прошлым.

Другие снисходительно вещают в ответ, что с культурой всё в порядке, а с литературой – тем более. Доводы этих: только давно устаревшие и выкинутые на свалку истории апологеты романтизма могли писать свои слащавые романы под лозунгом «Принцессы не какают!». Мы-то с вами прекрасно знаем, каковы эти принцессы на самом деле! Папарацци не зря едят свой хлеб. Литература стремительно развивается, её язык всё более становится народным, а раз народ у нас общается повсеместно и исключительно матом, то, стало быть, мат – неотъемлемая часть русского языка, и употреблять его в своих произведениях современные авторы просто обязаны. Ну а насилие и секс – это тоже наши будни. Писатели не могут и не должны игнорировать правду жизни. Реализм, так сказать, во всей красе! Что же касается заполонивших книжные прилавки боевиков, любовных романов и «сказок для взрослых» (фэнтези), то и тут никакой беды нет. А совсем даже наоборот! У народа тяжёлая жизнь, и литература взяла на себя благородную миссию, стараясь развлечь людей, увести их от серых будней в яркую сказку. И народ рублём подтверждает правильность выбранной издателями политики.

Я всегда был сторонником первой группы, но сейчас, когда пыл очередной такой дискуссии несколько угас, неожиданно задумался: а действительно ли русская культура гибнет? И с удивлением понял: ничего подобного! Русская культура (как и все прочие) определяется не развлекательным ширпотребом, а шедеврами мысли и искусства. Именно шедевры, созданные для культурной элиты, остаются жить в веках, а всё прочее общепризнанное чтиво бесследно исчезает.

Сейчас некоторые бросаются обвинять меня в том, что я разделю народ на элиту и быдло. Не торопитесь. Я никого не собираюсь оскорблять или превозносить. Советская эпоха декларативного равенства осталась позади. Все люди – разные. И по положению в обществе, и по интеллектуальному развитию. Оставим социальную и материальную сферы за скобками. Поговорим о культуре.

Всегда, во все времена в огромной массе простого народа была, есть и будет небольшая прослойка интеллектуальной элиты. Именно она порождает и потребляет элитарное искусство. Изначально любой

нормальный человек может стать частью элиты, если ему удастся соответствующе развить свой интеллект и культуру. Достаточно привести в пример древнегреческого раба Эзопа и нашего русского мужика Михайлу Ломоносова. Они оба, несмотря на неблагоприятные стартовые условия, в итоге смогли занять достойные места в рядах культурных элит своих народов, причём в высшей категории творцов! Рождение в аристократической или просто богатой семье облегчает старт, но не гарантирует финиш. Всё зависит от самого человека. Не каждый, конечно, может стать творцом. Но любой может постараться развить свои культуру и разум и войти в ряды интеллектуальной элиты. Даже оставаясь далеко за пределами социальной. Это, конечно, очень трудно, но вполне возможно. Тем более, сейчас, в эпоху всеобщей грамотности и интернета.

Элитарное искусство многослойно и требует от своего потребителя высокого уровня развития и немалого багажа знаний. Оно наполнено идеями и так называемыми аллюзиями, разглядеть, а тем более понять которые способен далеко не каждый представитель той же элиты. Просто в силу того, что человек не может знать всё то, что известно автору, на что тот опирался в своём творчестве. Поэтому элитарные произведения всегда вызывают споры и дискуссии. Перечитывая такие книги, люди каждый раз находят в, казалось бы, досконально известном им тексте новые откровения и повороты. Ничего подобного нет и не может быть в развлекательном чтиве. Просто потому, что у чтива изначально совершенно иная задача. Оно воздействует на чувства, а не на разум, и посему доступно любому мало-мальски грамотному потребителю.

Возьмём, к примеру, русскую литературу. Она изначально была уделом и игрушкой избранной элиты русского общества. Церковную литературу по понятным причинам я тут не рассматриваю. Народ был неграмотен, и, соответственно, писатели и поэты адресовали свои произведения небольшой группе образованной части русского общества. Кроме того, со времени правления Петра Первого представители высшего русского общества всё больше разговаривали между собою на иностранных языках, оставляя русский исключительно для общения с прислугой и народом. Таким образом, две части русского общества всё более отдалялись друг от друга, говорили на разных языках. Разумеется, не нужно понимать меня буквально! Элита знала русский язык гораздо лучше простого народа. Речь о приоритетах общения. Вспомним роман Льва Толстого «Война и мир». Там многие страницы диалогов русской знати целиком написаны на французском языке. Читатели, которым был адресован роман, прекрасно знали французский язык. Толстой писал не для народа! То же самое можно сказать и обо всех прочих классиках русской литературы досоветского периода. Так что у элиты была своя литература, выросшая на лучших образцах европейской поэзии и прозы.

А как же тогда жил народ? В темноте и бескультуре? Нет, конечно! У народа была и есть своя культура: песни, сказки, частушки, поговорки, былины и т.д., и т.п. Фольклор. Собственно, такая же ситуация сложилась и у других народов, русский тут вовсе не исключение. Совокупность народных и элитарных шедевров и составляет национальную культуру. Но при этом каждая составляющая мнит себя главной!

Когда количество грамотных среди народа стало возрастать, появился и пласт «литературы для народа». Спрос, как известно, рождает предложение. Разумеется, это была и остаётся поныне чисто развлекательная литература, лишённая каких-либо философских мыслей или идей. Рядом с элитарной литературой идей, возбуждавшей каждым своим произведением жаркие споры между читателями, всё более разрастался поток «литературной жвачки», призванный развлечь, а не увлечь. Элита обсуждала проблемы общества, поднятые в романах Тургенева, Толстого, Чернышевского, Достоевского, а простой народ зачитывался дешёвыми книжонками о любовных страстях и приключениях. Литераторы обоих направлений взяли на вооружение созданный Пушкиным язык, максимально приближенный к разговорному, но ни о каком культурном сближении народа и элиты речь не шла.

Мало обучить народ грамоте. Это только первый шаг на долгом пути повышения культуры. Нужно ещё дать людям научные и философские знания, расширить их кругозор, приобщить и к собственным, и к зарубежным источникам знаний, а вот этого-то как раз элита делать не хотела. Были, конечно, энтузиасты, которые «шли в народ», организовывали школы для крестьянских детей и т.п. Расцвет типографского дела в России и появление целой индустрии дешёвых книжек «для народа» тоже сыграли свою роль. Лев Толстой сам перевёл «французские страницы» своего романа, чтобы он стал доступен не только для русской элиты. Но тут нужен государственный, системный подход, а не утопические порывы одиночек. Поэтому разрыв культур сохранился. Они так и существуют параллельно до сих пор, не смешиваясь, но оказывая влияние друг на друга.

Почему же периодически раздаются стенания о гибели русской культуры? Тут, на мой взгляд, существуют как минимум три причины.

Первая – это наличие в нашем недавнем прошлом советского периода, когда была предпринята реальная попытка насильно сблизить культуры народа и элиты. Но сделано это было, как и большинство начинаний советской эпохи, весьма неуклюже, так как нигде в мире ничего похожего ранее не происходило. Не было исторического опыта, на который могли бы опереться советские экспериментаторы.

Да, первый шаг был успешно сделан: народ реально получил всеобщую среднюю грамотность и возможность дальнейшего культурного роста. С другой стороны, старая элита русской культуры была практически уничтожена или дискредитирована по политическим мотивам. А новая, почти лишённая корней, выросла из того же народа. То есть, движение снизу было, а вот сверху протянуть руку помощи было уже некому.

И всё же уровень общей культуры советского народа был гораздо выше, чем в царское время и ныне. В СССР в свободном доступе оставались лучшие образцы русской и зарубежной литературы. Русская классика входила в школьную программу, по ней снимались фильмы, ставились спектакли. Одним словом, государство оставило «маяки», к которым нужно тянуться, и решительно пресекало любые явления, ведущие, по его мнению, к деградации. Да, многие книги тогда были дефицитом, но, возможно, именно это обстоятельство подвигало читателей на их поиск

и прочтение. Однако классика была в обязательном порядке в каждой публичной библиотеке, издавалась многотысячными и даже миллионными тиражами. Книжки не просто читали – их обсуждали! Сейчас никто ничего не ищет, а обсуждения свелись к банальным «понравилось» или «не понравилось». Обсуждать, собственно, и нечего. Отсюда и ощущение всеобщего упадка и разрушения культуры.

Вторая причина – непомерное разбухание объёма развлекательного чтения. Грамотных стало больше, а культурных меньше. Потому как с крахом советской школы и роспуском молодёжных организаций о повышении культуры народа никто больше не заботится. Ну а если за растением не ухаживать, оно завянет.

Третья причина – власть фактически смотрит сквозь пальцы на внедрение нынешними «экспериментаторами» ненормативной лексики в литературу, театр и кино. Да, на государственных каналах телевидения и в других СМИ цензура мат отсекает. Но разве литература, театр и кино находятся вне государственных интересов и влияния? Разве они вне русской культуры, о повышении или хотя бы сохранении которой должно заботиться государство? Когда в ходу двойные стандарты, они сразу же перестают быть таковыми, а потому легко нарушаются и становятся предметом насмешек.

Пресловутый лозунг «Мат – часть русского языка» стал индустриальной для нынешних «деятелей искусства». «Народ так говорит!» – заявляют они. Ну и что? Во-первых, не весь народ. Во-вторых, не всегда и не везде. В-третьих, народ ещё и водку пьёт, и морды бьёт. Это беда народа, его болезнь, а не достоинство. С бедой надо бороться, болезнь лечить, а не культивировать их. Да, принцессы тоже какают, но интересны они вовсе не этим. Раньше, в советские времена, детские сады, школы, пионерские и комсомольские организации были призваны воспитывать детей – будущий народ. Они объясняли, «что такое хорошо, а что такое плохо». С этого начиналась для детей официальная культура. Личная культура всегда начинается и заканчивается в семье.

Хочу задать вопрос. Чего вы сами хотите: чтобы ваши дети стали лучше, культурнее вас, или чтобы они начали пить водку, изъясняться исключительно матом и считать верхом искусства похабные анекдоты? В каком обществе вы сами хотите жить? Думаете, Пушкин, Достоевский или Горький не знали мата? Конечно, знали! Но прекрасно обошлись без него в своих произведениях, стали классиками русской литературы. Потому что они были настоящими деятелями культуры. Деятелями! Делали культуру, а не разрушали её. Нынешние апологеты мата просто плохо знают русский язык. Им не хватает словарного запаса, вот они и сбиваются на лёгкий путь матерщины. Есть, конечно, и сознательно спекулирующие на низменных вкусах и инстинктах толпы. С настоящей культурой подобные поделки не имеют ничего общего.

Почему мы называем Александра Пушкина «наше всё»? Потому что Пушкин постарался преодолеть пропасть между элитарной и народной культурами. Он фактически создал современный литературный язык, на котором до сих пор старается говорить и писать русская культурная элита. Ссылки Пушкина в деревню, где поэт был надолго оторван от литературной среды и был вынужден общаться только с крестьянами, слушать их рассказы и сказки своей няни – всё это подвигло поэта на эксперименты с языком. Пушкин постарался сблизить элиту и народ, но сделал это весьма осторожно, а не так, как пытаются делать нынешние «экспериментаторы». Пушкин убрал «высокий штиль» элиты, но не опустился до простонародной безграмотности. У него не может быть ситуации, когда конюх говорит, как князь, а княгиня скандалит, как кухарка. У каждого персонажа, представителя

русского общества, свой язык, а вот речь автора обязана быть абсолютной грамотной, если, конечно, он сам не является персонажем произведения. Пушкин старается поднять народную культуру, а не опустить собственную, элитарную. В этом заключена определяющая разница между ним и нынешними «экспериментаторами», старающимися писать так, «как говорит народ». Поэтому Пушкин – наше всё! А нынешние бесследно сгинут. Русская культура будет развиваться и расти за счёт тех, кто тянет народ вверх, а не старается зафиксировать его в положении безграмотности и нищеты духа.

Мы знаем Гомера как автора двух великих поэм: «Илиады» и «Одиссеи». Ещё мы знаем, что Гомер был слепым, и, следовательно, просто не мог столь красочно и подробно описывать природу, внешность героев и их доспехи. Из этого факта некоторые исследователи даже выводят отрицание авторства Гомера. На мой взгляд, данное противоречие вполне объяснимо. Вспомним всё того же Пушкина с его прекрасными сказками о Золотом Петушке, царе Салтане и т.д. Никто не сомневается в авторстве Пушкина, хотя всем известно, что сказки-то ему рассказывала его няня, та самая Арина Родионовна, воспетая самим поэтом. Пушкин переложил на стихи народные сказки и с тех пор по праву считается их автором. Точно такая же ситуация вполне могла быть и у Гомера. Певец не мог видеть описываемые события, но он наверняка о них слышал из уст окружающих и преобразовал услышанное в поэмы, а кто-то эти поэмы позднее записал, указав автором Гомера.

Вот так сошлись два мира: народный и литературный. В Древней Греции и крепостнической России. После Пушкина многие образованные люди старались сблизить эти два мира. Ходили «в народ», записывали сказки, песни, пословицы. Так дошли до наших дней русские сказки, собранные, например, А.Н.Афанасьевым и А.Н.Толстым. И ни тот, ни другой даже не попытались приписать их авторство себе, хотя наверняка и произвели необходимую литературную обработку текстов.

Ведь что значит «сочинил народ»? Только то, что автор не смог записать созданное им произведение из-за неграмотности или по какой-либо иной причине. Даже сейчас, в пору всеобщей грамотности, когда любой может «застолбить» собственное авторство, эта проблема всё же остаётся. Существуют прекрасные рассказчики, что называется – «душа общества». Но когда они садятся за стол и пытаются записать собственные рассказы, то не могут связать двух слов! Так и уходят их устные творения «в народ», пока на их пути не встретятся очередные гомеры или пушкины. И тогда «народное» обретёт своего нового автора, а два параллельных мира вновь сольются, обогатив общую культуру.

Я к чему делаю такие, казалось бы, выходящие за пределы обсуждаемой темы отступления? Для того, чтобы вы поняли причины, по которым я уже не могу однозначно примкнуть ни к одной из сторон этого давнего спора. Да, с культурой у нас ныне далеко не всё в порядке, но в то же время я не могу согласиться с тем, что она гибнет!

Культура развивается. Начатый Пушкиным процесс сближения элитарного с народным, насильно ускоренный и расширенный в СССР, вновь войдёт в естественное русло. Да, сейчас он переживает, как это всегда бывает в динамических системах, резкий откат назад, но постепенно «маятник» стабилизируется.

Посмотрите: кто кричит о крахе? Разумеется, представители и любители элитарной составляющей русской культуры. Эти крики начались не вчера. Им не первая сотня лет! Когда в России практически не было собственной литературы, и печатались только церковные тексты, элита была вынуждена доволь-

ствоваться книгами зарубежных авторов. Она выросла на них. Европейская литература оказала огромное влияние на русских писателей. Настолько огромное, что Ивана Лажечникова называли русским Вальтером Скоттом, а Михаил Лермонтов даже был вынужден написать широко известные строки: «нет, я не Байрон, я – другой». Только в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков русская литература добилась равноправного и достойного положения в мировой. В Европе её даже называют чудом. Вот только что никакой русской литературы не было, и вдруг она возникает мощным потоком и оказывает огромное влияние на мировую литературу, а потом столь же внезапно исчезает. И ныне опять её не видеть.

Конечно, элите обидно. Где нынешние пушкины, чеховы, толстые и Достоевские? Караул! Культура гибнет! Успокойтесь, господа и дамы. Количество гениев на столетие в среднем неизменно. Они есть и сейчас, но, возможно, заняты не литературой, а бизнесом, политикой или спиваются в заброшенной деревушке. Чтобы талант раскрылся, нужны благоприятные условия и усилия самого носителя этого таланта. Даже если нынешний Достоевский что-то и пишет, то издателям его творения не нужны. А критики, которые могли бы его отыскать и указать перстом на нового гения русской словесности, заняты не поиском талантов или разгромом бездарей, а рекламой чтива. Им нужно содержать семью и кушать самим. За критику сейчас не платят, а вот реклама чтива в цене!

И развлекательное чтиво, как бы ни воротили от него нос снобы, не вчера родилось. Оно было в ходу и в среде той же элиты, когда о грамотности простого народа никто и не помышлял. Те же любовные «французские романы», которыми зачитывались девушки и дамы, например. А чем так уж сильно отличается от нынешнего приключенческого или фэнтезийного романов бывший когда-то столь популярным в среде элиты «рыцарский роман»? Людям действительно хочется иногда просто развлечься. Ничего постыдного в таком желании нет. А раз есть желание и спрос на его удовлетворение, то...

Вопрос исключительно в качестве развлекательного чтива, а вовсе не в его количестве. Если качество рассчитано на неприятный вкус малокультурной толпы, то вполне естественно, что элита считает себя ущемлённой и начинает возмущаться падением уровня культуры. Издатели, конечно, иногда пытаются заполнить возникший дефицит элитарного чтива, вбрасывая на прилавки книги Пелевина, Акунина и им подобных. Но издавать чтиво для толпы гораздо проще и выгоднее в наше время культурного отката. «Народные» тиражи всегда превышали и превышают «элитарные».

Итак, мой вывод: Русская литература не может погибнуть. Она уже состоялась! Это не сиюминутное явление. Русский фольклор и русская классика никуда не делась. Они навсегда останутся в мировой культуре. Обогаются ли они новыми именами и произведениями? Несомненно! Довольно скоро алчные издатели утратят свою власть. Уже сейчас электронные публикации всё более теснят бумажные издания. Пресловутая «борьба с пиратством» – на самом деле судорожные попытки коммерсантов от культуры удержать в своих руках власть и доходы. Сами писатели, как и во времена Пушкина, оставившего после своей смерти огромные долги, практически не могут прожить на свои гонорары. За исключением весьма немногочисленной горстки производителей именно коммерческого развлекательного чтива. Нынешним пушкиным и Достоевским больше нет необходимости обивать пороги издательств. Всего лишь нужны новые белинские, которые могли бы отыскать их произведения в электронной бездне интернета и указать взыскующим новым гениев русской словесности. Все-го лишь...

Владимир Когтев

г. Луховицы, Московская обл.

Три «Исаакия» крестьянина Максима Салина

Старинное село Дединово на Оке, бывшее до 1929 г. в составе Зарайского уезда Рязанской губернии, а ныне – Луховицкого района Московской области, хранит память о многих исторических событиях не только местного значения, но и, скажем так, всероссийского масштаба. Мы, прежде всего, вспоминаем, например, о строительстве на дединовской верфи в 1667-1669 гг. первого русского военного корабля «Орёл» (на котором впервые был поднят прообраз нынешнего Государственного Флага России), о посещении села Дединово Петром I, о рязанском ополчении 1812 г., собиравшемся в Дединове, и его предводителе, дединовском помещике Л.Д. Измайлове (который, кстати, был прообразом пушкинского Троекурова), о прославленном в послевоенные годы XX века местном колхозе им. Ленина, где трудились 9 Героев Социалистического Труда, а также о других событиях, знание которых для краеведов, всех нас, весьма важно. Важно и знание имён дединовцев, наших земляков, оставивших свой след в истории. К сожалению, многие имена людей, живших в XVII, XVIII, XIX, и даже XX вв., в настоящее время малоизвестны или совсем неизвестны, что с исторической, и особенно краеведческой, точки зрения очень печально. «Ведать край» – это значит, в том числе, находить и воскрешать забытые события и имена...

В данной статье речь пойдёт о дединовце Максиме Салине – простом крестьянине, крепостном, ставшем волею судьбы студентом (учеником) Императорской Академии Художеств, а затем принявшем активное участие в строительстве знаменитого Исаакиевского Собора в Санкт-Петербурге. Кто-то может заметить: дескать, участников строительства этого Собора было очень много, да и учеников в Академии Художеств (за всю её историю) – немало. Это так. Но, во-первых, как-то «не вяжутся» (применительно к первой половине XIX века) слова «ученик Академии...» и «крепостной крестьянин». И во-вторых, далеко не у каждого строителя или «ака-

демического студента» имеется на счету... сразу три «Исаакия».

Чтобы понять, о чём идёт речь, обратимся к биографии героя нашей статьи.

Увы, мы не найдём сколько-нибудь подробных сведений о Максиме Салине в «больших» энциклопедиях и исторических трудах. Даже в Рязанской энциклопедии (весьма обстоятельной) персоналии на него нет. В недавно вышедшей энциклопедии Луховицкого района Московской области небольшая справочная статья о Салине имеется¹. Я не буду здесь приводить её, лишь замечу: в неё, к сожалению, «закрались» ошибки. Кроме того, имеется работа В.И. Яковлева «Рязанский барин и его петербургский крепостной», опубликованная в книге «Насельники рязанских усадеб»².

Макет корабля «Орёл», построенного в с. Дединово дединовскими плотниками-корабелами.

Есть ещё повесть детского писателя Александра Вересова «Исаакиева деревня» (См.: Вересов А. Старые мастера. – Л.: Дет. лит., 1971). Сразу замечу: в ней жизнь Максима Салина представлена именно художественно, домыслов больше, чем фактов. Но написана эта повесть весьма интересно. Можно найти и ещё несколько публикаций на эту тему в луховицких и рязанских источниках. Однако биография нашего героя значительно интереснее и насыщеннее, нежели в известных публикациях. О чём, конечно же, могут поведать (и поведали) документы...

И вот теперь начну основную часть своей статьи почти как в детективе: «Однажды...»

Однажды один из ведущих луховицких краеведов, директор Дединовской средней школы, Сергей Александрович Кочетков передал мне фотокопии архивных документов о Максиме Салине, которые меня заинтересовали, так как многие из них подписаны известными историческими деятелями, например, президентом Академии Художеств А.Н. Олениным, министром народного просвещения А.Ш. Шишковым, а также руководителями других ведомств Российской империи первой половины XIX в. (а посвящены они... судьбе простого крестьянина). Приведу полностью один из них, а именно – письмо Министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына «Господину президенту Императорской Академии Художеств»

(письмо датировано 6 мая 1822 г.): «Г. [господин – прим. авт.] Начальник Главного Штаба Его Императорского Величества относится ко мне, что живущий в С.-Петербурге крестьянин Максим Тиханов Салин поднёс Государю Императору сделанную им по своему изобретению модель великолепного христианского храма. Его Величество, желая, дабы способности сего крестьянина в архитектуре были усовершенствованы, Высочайше повелеть соизволил причислить его к ведомству Императорской Академии Художеств, в число ея учеников, с тем, чтобы Ваше Превосходительство обратили на него особенное внимание и поручили его хорошему Архитектору или каменного дела Мастеру.

О таковой Высочайшей воле, для надлежащего исполнения оной, уведомляя вас, Милостивый Государь мой, прилагаю при сем в подлиннике доставленную ко мне от Г. Начальника Главного Штаба Его Императорского Величества отпускную, данную Салину от бывшего его господина, Генерал-Лейтенанта Измайлова...»³.

Вот, оказывается, с чего вдруг всё «завертелось» в судьбе Салина – по воле императора Александра I. Скажу, что на эту волю (повеление) царя указывают и ссылаются авторы всех документов, связанных с М.Салиным.

Интересен и второй документ, а именно – отпускная на Максима Салина, из которой мы узнаём, что «... Генерал-Лейтенант и Кавалер Лев Дмитриев сын Измайлов отпустил вечно на волю, Рязанской губернии, Зарайского уезда, села Дединова крепостных моих крестьян Максима Тиханова сына Салина, тридцати одного года, с женою его Анною Кузьминою, двадцати шести лет, [...] их дети, Пётр, одиннадцати, [...] Иван, пяти, Алексей, двух, дочь Матрёна, четырёх лет [...] Почему и волен он, Максим, с женою... и детьми их [...] с сей отпускной жить, где они пожелают, и избрать род жизни на законном праве, какой похотят – до которых впредь как мне, так и наследникам моим дела нет...»⁴.

Таким образом, из этого документа мы узнаём, что Максим Салин получил вольную вместе со своей семьёй в 1822 г. (документ датирован 11 апреля 1822 г.), т.е. ещё до поступления в Академию Художеств, а не в 1835 г., как о том говорится и в Луховицкой энциклопедии, и в вышеназванной работе

В.Яковлева, и в других публикациях.

Кроме того, Максим Салин был дединовским, а не «петербургским» крепостным Л.Д.Измайлова. В Петербурге же Салин находился «на оброке», работая в молочной лавке. Ещё замечу: отпускную и возможность быть зачисленным в ученики Академии художеств Максим Салин получил, благодаря, в том числе, усилиям князя П.М.Волконского (начальника Главного Штаба), в частности, в результате переписки его и Измайлова. Им же была послана Л.Д.Измайлову от имени императора золотая табакерка «...с портретом Его Величества и с алмазными украшениями» за «...согласие дать вечную свободу крепостному крестьянину Максиму Салину...» (Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 519. Оп. 5. Д. 408).

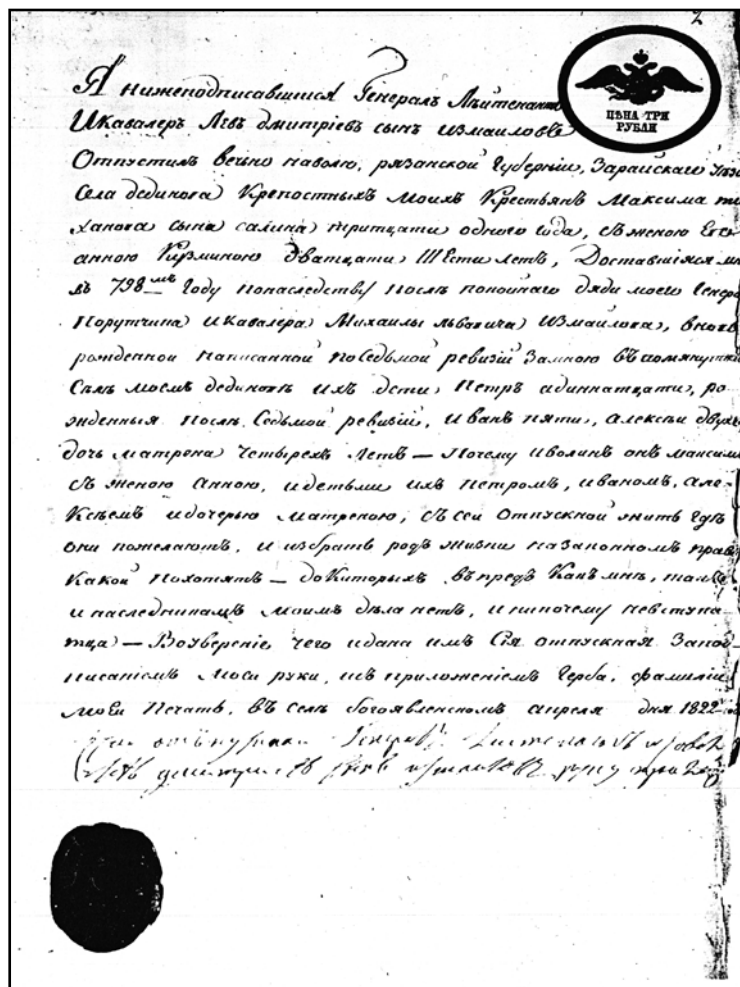
Эта отпускная даёт нам возможность установить (хотя бы примерно) год рождения Максима Салина. Если в апреле 1822 г. он значится «...тридцати одного года», то он мог родиться в начале (до апреля) 1791 г.,

либо во второй половине 1790 г. Определить более точную дату нет возможности, т.к. пока не найдены метрические церковные книги с. Дединово за тот период.

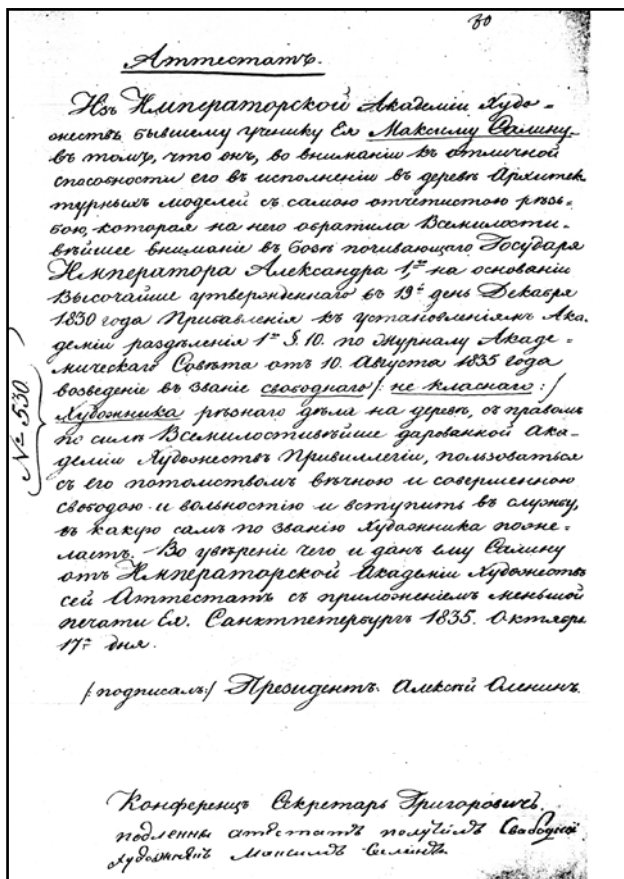
23 августа 1822 г. Максим Салин причислен к ведомству Академии Художеств с определением: «...не помещая вместе с учениками, так как он человек семейный, допустить ходить в рисовальные, а потом и в художественные классы, поручив его в главное ведение г. Старшего профессора архитектуры Михайлова, с тем, чтобы он по усмотрению своему употребил его на практике при строениях, производимых как в академии, так и в других местах...»⁵. Перед этим, летом 1822 г., Максим Салин имел возможность съездить в с. Дединово за своей семьёй по билету, выданному Академией художеств 23 мая 1822 г.⁶.

Мы видим, что руководство Академии Художеств и лично её президент А.Н.Оленин (что следует из содержания имеющихся документов) уже с самого начала проявляли об ученике Салине особую заботу. Повторю: причина этого – «высочайшее повеление».

Каковы же были успехи Салина в обучении? Надо сказать, что учиться в полном объёме, как все другие студенты (ученики) Академии Художеств, Салин просто не мог. Во-первых (и об этом уже говорилось

«Отпускная» на Максима Салина и его семью
от Л.Д.Измайлова

Аттестат «свободного художника» Максима Салина

ранее), он был семейным, вследствие чего должен был содержать семью. Конечно, ему лично на пропитание, а также на одежду («куртку и панталоны» – как сказано в документах) и обувь деньги выдавала Академия. Позже на содержание Академии были приняты два сына Салина. Но это только частично решало вопрос проживания семьи (напомню: у Салина была жена и четверо детей). Поэтому Максим Салин должен был сам зарабатывать деньги. Кроме того, и возраст Салина, его малограмотность не позволяли ему освоить достаточно быстро все академические дисциплины. Об этом он и сам пишет в своём прошении «В Императорскую Академию Художествъ» от 14 декабря 1822 г.⁷ На что правление Академии принимает решение (от 16 декабря 1822 г.): «...дабы ему облегчить способ к содержанию его семейства доставлением ему случая работать из платы по ведомству Гоф-Интендантской конторы, в которой он может заниматься практикою на строительных работах...» При этом, чтобы он «... мог усовершенствовать себя в резьбе из дерева...»⁸.

Позже, в декабре 1827 г., М.Салин решением правления Академии Художеств был определён «...в ведение Комиссии для построения Исаакиевского собора по строительной ея части...», в связи с чем ему было выдано Свидетельство, где отмечалось, что он «...обучался формовальному искусству и черчению архитектурных ордеров, с изрядным успехом, [...] равно и поведения был добропорядочного...»⁹. Примечательно, что и в последующие, 1828 и 1829 г., велась активная переписка между ведомствами о судьбе Салина. Приведу лишь цитату из письма министра Императорского двора президенту Императорской Академии Художеств (письмо от 13 апреля 1829 года): «... писал к Вам, [...] чтобы Вы приказали спросить Салина, желает ли он вступить

в звание десятника при строении Исаакиевского собора? Но как на сие никакого отзыва Вашего в деле нет, то я прошу ваше Превосходительство уведомить меня: помещён ли Салин в десятники к строению Исаакиевского собора?»¹⁰. В этих документах мы находим запросы и о судьбах двух старших сыновей Салина. Замечу, что один из них был обучен, так же, как и отец, формовальному мастерству, другой – направлен к литографу для обучения печатному и гравировальному делу.

Итак, с конца 1827 по 1853 г., как установлено по материалам Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», Максим Салин работал на строительстве Исаакиевского собора десятником (смотрителем). В 1835 г. Максим Салин пишет прошение в Императорскую академию художеств с просьбой о «...возведении [...] в звание подмастерья или мастера резнаго на дереве дела...». Интересна резолюция, которую собственноручно наложил на этом прошении президент Академии художеств А.Н.Оленин: «Отличная способность ученика сей Академии Максима Салина в исполнении в дереве архитектурных моделей, самую отчетлистую резьбою...» (заметим, что это весьма высокая оценка мастерства нашего земляка, данная ему одним из лучших знатоков различных искусств того времени). И далее: «...Максим Салин, по мнению моему [пишет А.Н.Оленин – прим. авт.], имеет право на звание мастера резнаго дела в дереве...»¹¹.

В октябре 1835 г. Максиму Салину был выдан Академией Художеств Аттестат, с возведением его «...в звание свободнаго /не класснаго/ художника резнаго дела на дереве...», что давало ему право «...пользоваться с его потомством вечною и совершенною свободою и вольностию и вступить в службу, в какую сам по званію художника пожелает...»¹². Аттестат также подписан лично президентом Академии Художеств А.Н.Олениным.

В музее «Исаакиевский собор» Санкт-Петербурга хранится (и мы её можем увидеть в экспозиции) деревянная модель этого известного на весь мир памятника архитектуры, которую изготовил Максим Салин. Из материалов музея видно, что первую модель Исаакиевского собора Салин сделал ещё до 1835 г. Позже ту модель император Николай I подарил прусскому королю. К 1846 г. Салин изготовил новую модель собора (её масштаб – 1:166 к размеру самого собора), которую архитектор Монферран назвал «весьма полезною во время производства строения». Очевидно, деревянная модель Салина использовалась тогда как рабочий макет строящегося собора, а также – для показа именитым гостям. Мастерство же Салина было высоко оценено материально – за модель впоследствии он получил 500 рублей. В экспозициях Луховицкого историко-художественного краеведческого музея и Дединовского краеведческого музея представлены фотографии, где изображены модели М.Салина – Исаакиевского собора и Александровской колонны на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге.

Как уже было сказано выше, Максим Салин работал на строительстве Исаакиевского собора до 1853 г. Был уволен, очевидно, по болезни, ведь уже в следующем, 1854 г., его разбил паралич. Точная дата его смерти неизвестна, но это произошло после 1861 г., т.к. ещё в том году Салин обращался к властям с прошением об оказании ему материальной помощи.

Итак, на счету героя нашей статьи, простого крестьянина из села Дединово, обучавшегося в Императорской Академии Художеств, действительно, три «Исаакія» – сам Собор, в строительстве кото-

(вторая пол. XVII в.), Пресвятой Троицы (1696 –1700 гг.), Воскресенской (Петропавловской) и Казанской (обе – XIX в.), и искусная отделка домов и дворовых построек¹³. Причём мастерство это сохранилось и до наших дней. Дединово до сих пор красуется своими домами с резными наличниками и богатым убранством фасадов. Об этом и в центральной прессе писалось¹⁴.

рого он принимал участие, и две точные его модели (а может, и больше. Мог ведь сделать, как говорится, и «для себя»).

В заключение зададимся вопросом: откуда берёт своё начало мастерство Максима Салина, где его корни? Конечно же, в родном селе Дединово. Издавна славились дединовские мастера по дереву: столяры, плотники, корабельщики и, в том числе, резчики. Зримым воплощением мастерства местных резчиков явились и богатые резные иконостасы дединовских церквей – Рождества Богородицы

Так что своё мастерство «Максим Тиханов, сын Салина», из крепостных, вольноотпущенный, привёз в столичный град Петербург из родного села Дединово. И это мастерство позволило нашему земляку не только стать «вечно вольным» (вместе с потомством своим), но и занять своё место в российской культуре.

Хочу выразить искреннюю благодарность за предоставленные материалы краеве

веду С.А.Кочеткову, сотрудникам Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», а также научно-исследовательского музея и библиотеки Российской академии художеств.

Село Дединово. Кадр из кинофильма «Колхоз на Оке». (1957 г.)

1. См.: Энциклопедия Луховицкого муниципального района. М., 2009. С.191.
2. Яковлев В. Рязанский барин и его петербургский крепостной // Насельники рязанских усадеб. Рязань, 2007. С. 71-78.
3. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 173. Л.1; 1 об.
4. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 173. Л.2; 2 об.
5. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 173. Л.4.
6. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 173. Л.6.
7. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 173. Л.7; 7 об.
8. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 173. Л.9; 9 об.
9. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 716. Л.3.
10. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 931. Л.8.
11. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 1971. Л.78; 78 об.
12. РГИА. Фонд 789. Оп. 1, ч. II. Ед. хр. 1971. Л.80.
13. См.: Памятники архитектуры Московской области. М., 1999. Вып. 3. С. 208-215.
14. См., например: Викторов А. Дединовские узорочья // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 116-117.

Ирен Авенеберг

г.Киров

Пошуткуем?...

Тише едешь – дальше будешь!

Скорый поезд вихрем к югу,
Товарняк – в обратный путь,
Только нам Ж/Д – не скука,
Не торопимся ничуть!

Обгоняйте, кто хотите,
Мы не против, даже ЗА!
Брюхи в море полощите,
В виде срочного груза!

Мы ж на каждом полустанке
И у каждого столба
Все давно прождали жданки,
Пропуская впредь себя.

Не бояре, честно слово!
Кондиционер – мечта!
Мат загнём и рады снова
Минералочке без льда.

Наш обычный пассажирский –
«Тише едешь – дальше будешь!» –
Славной выдержке российской
Протрубите бравый туш!

Те, со скорого, обратно
Выедут, того гляди...
Были, нет ли, непонятно –
А у нас всё впереди!

Ты люби меня, люби!

Ты люби меня, люби!
Утром, вечером и ночью.
Без ужимок и скорби,
Чтоб не тайно, а воочью.

После завтрака, в обед
И, естественно, на ужин,
С первым лучиком, в рассвет,
В полночь, и в жару и в стужу.

На пригорочке лесном,
И в ложбинке влажноватой,
И под письменным столом,
И в альковном пухе с ватой.

На дорожной колее,
В стоге сена и в амбаре,
В многолюдной толчее,
Под брандспойтом на пожаре.

На кладбище, под луной,
И на пляже, против солнца,
Над ледовой полыньей,
Да везде, уж где придётся!

Прозу жизни раздолбим!
Как в последний раз сойдёмся!
Ты люби меня, люби...
Вдруг мы завтра не проснёмся!

Слёзы горькие бегут

Слёзы горькие бегут...
Слёзы льются по щекам...
Они падают на грудь,
Они капают к ногам.

Слёзы крупные, с горох,
Чистые, будто алмаз...
Этот жизненный подвох
К нам является подчас.

Этот жизненный подтекст,
Вроде б даже ни о чём,
Как обыденный рефлекс,
Изнутри бежит ручьём.

Влагу не унять из глаз,
Слишком бурная река...
Пусть соседи ставят таз
Под капли с потолка.

Вся вода, что есть во мне,
Убегает в решето...
И грозит уже вполне
Стать пустыней на все сто.

Вот проверочка на слом!
Вот мытарства, хоть куда!
Все глаза горят огнём.
Как коктейли, просят льда.

Я терплю сквозь «Ох» и «Ах»,
Стиснув зубы посильней,
И ножом, тем, что в руках,
Действую быстрее, быстрее.

Со всей пылкостью в душе
Я разбить спешу дотла
На последнем вираже
Средоточье всего зла.

Я реву уже всерьёз...
Я рычу, как пережат...
Громохаю в стиле гроз...
Грохочу, как водопад...

Враг – коварен и могуч.
Аж, сжимает сердце стук...
До чего же он горюч...
Этот растреклятый лук!

Я выбираю шведский стол!

Та пенка, что на молоке,
Вкуснятина на кипячёном,
Она по времени реке
Каким-то дьявольским законом

Меня явилась мучить вновь
Из детских ясельных кошмаров,
Когда вся застывала кровь
При виде к завтраку какао.

Тот страх от чая с молоком –
Клещ, затесавшийся в сознание...
Сравнимо с беспощадным сном
Супа молочного дыханье.

Великолепный рацион,
Меню для всех госучреждений –
Вкушай, отвесивши поклон,
И без крамольных рассуждений.

От причинённых пенкой зол
Не зарастёт доселе рана...
Я выбираю «шведский стол»!
Или водичку из-под крана!

У меня велико горе...

У меня велико горе...
По душе слёз поток градом...
Я утопилась бы в море,
Если б было Оно рядом.

Сиганула б в Окно махом,
Да этаж, как назло, первый.
Остаются «охи» с «ахом»,
Под советы б Ерець нервы...

Только как усмирить сечи,
Расштормившиеся мер без?
Ведь с НИМ свидания вечер...
А губу развезло – герпес!

Моей любви горит закат

Затмило солнце непогодой...
Моей любви горит закат.
И я бросаю в неба своды
Слезою замутнённый взгляд.

Душа болит... Почти не бьётся
Мышца, что сжалась в груди...
Мне лишь безумье остаётся
Да мрак крошечный впереди.

А всё моя дурная робость
И нерешительности грех...
Эх, прыгнуть, что ль, скорее
в пропасть –
Главой вперёд, ногами вверх?!

Д.М.
Если стукнули по правой,
То – не повод «гнать волну»!
Жалко, что ли?! Щёк навалом!
Подставляй ещё одну!

А как влепят и по этой,
Снова первой повернись,
Мудрым дедовским заветом
Должен дух стремиться ввысь!

Вновь подсовывай вторую,
Первую потом опять,
На обидчика вплотную
Наступай: не отдыхать!

Чай, ручонки не отсохнут,
Не отваяются наземь,
Если всласть по фэйсу грохнут
Разиков так пять, шесть, семь...

Если хочет он дать дёру,
Не давай ему уйти!
Бьёт пушай, не кажет нором,
Будто вам не по пути!

Побежит – его преследуй,
Челюсть вытянув вперёд,
Одержать проси победу!
Умоляй, пускай свернёт!

Доконай простосердечьем
И покорности огнём,
Докажи – кулак не вечен,
Как не вечна сила в нём.

Пусть обидчик сам рыдает,
Давится слезьми в углу,
Когда руки обломает
О бывалую скулу.

Главное, успеи в дорогу,
Если варит голова,
Пока бедный на подмогу
Призывает ноль и два.

Если стукнули по правой...
Вспомнив заповедь одну,
Преврати сие в забаву
Или... с корнем рви сосну!

Только, чтоб с тобою больше не встретаться!

Если бы мне денег,
Да большую кучу –
Я б не растерялась,
Как её потратить,
Я бы прикупила
Грозовую тучу
И на ней умчалась
К чёртовой бы матери!

Иль куда подальше,
На краюху света,
Дабы не прознал
И ушлый папарацци,
Ливнями, ветрами
Замела бы следы –
Только чтоб с тобою
Больше не встретаться!

Ты держал меня на коленях...

Е.А.

Ты держал меня на коленях.
Угощал французским
шампанским.
Бутерброд с икрой был отменен,
И съедобен сыр пармезанский.

Нам пенёк служил чудным
креслом,
Клёны, что вокруг – словно
стенки.
Ты ко пню прирос мягким
местом,
Я ж впечаталась во коленки.

И когда, в твои глянув очи,
Утонула я – вся, по шейку,
Ты к губам приник, сладко очень,
Аж искра рассыпалась змейкой.

И волна нахлынула жарко,
Призывая к страсти на ложе,
По щекам пройдя краской яркой
И томленьем чувственным тоже.

Только стрелки в рысь побежали.
Час истёк обеденный кровью...
Все стремленья всеу пропали –
Как жестоко время с любовью...

Надо было – прочь бутерброды!
И «в карьер», не тратя минуток!
Лишь бы на забег в эти воды...
Дал своё согласие желудок!

Деловая

Я витала в пространстве
воздушном,
Грезя о тебе, о бездушном.
С виду вся была деловая,
Внутренне с тобой пребывая.

И пока вот так воздыхала,
Темку про интим развивала.
С нежных начинала флюидов,
Томных добавляла софитов.

Подключала ручек движенье,
Шаловливых пальчиков рвенья.
Замышляла очень небрежно
Разбросать предметы «одежны».

И душить потом во объятых,
Пусть ты против, сыплешь
проклятья.
Повалить тебя...

Вдруг очнулась,
На начальство взглядом
наткнулась...
Сверлит, прямо насквозь
пронзает.
Словно... я – о нём, понимает.
Весь напрягся, прочь убегая –
Я же всё-таки деловая!

Хочешь, я буду...

*Хотите,
чтоб желание исполнилось?
Посмотрите на небо,
закройте один глаз,
загадайте желание.
Загадали?
Размечтались, одноглазые!)))*
Безобидная подростковая шутка

Хочешь, я буду наивной,
Глупенькой, легковерной...
Хочешь, я буду пассивной,
Ласковой и примерной...

Хочешь, я буду резкой,
Грубой и беспокойной...
Хочешь, я буду дерзкой,
Дикой и непокорной...

Хочешь, я буду плохую,
Лёгкой, доступной, развязной...
Хочешь, я буду звездой
Яркой, далёкой и праздной...

Страстной, волнительной,
нежной...
Или такой, чтоб всё сразу!
Ща! Разбежался, сердешный!
И не мечтай, одноглазый!

Чудище-юдище

Чудище-страшилище
Из воды выходит...
Чудище-страшилище
Жуть на всех наводит...

Чудище косматое –
Черт лица не значит –
Да всё ближе к берегу
Двигается-корячится.

Что ещё покажется
За главой лохматою –
Щупальца ли длинные?
Лапа клешневая?

Всех заглотит юдище,
Вряд ли кем побрезгует,
А не влезут – во море,
И потом растрескает.

В панике все мечутся
С вида устрашилища,
Прячут малых детушек
И вопят в три силищи...

Удирают с пляжа прочь,
Лезут во укрытия,
Складываются в зонты,
Делают подрытия...

Ох, и до чего ж народ
Жжёт, раскуролесился...
Эт всё мой сгоревший нос
Чёлкою завесился!

Бесподобнейший культ! Тост.

Е.А.

Как кот, что, по словам поэта,
От цепи прочь уйти не может...
Так он – ошейник из цветмета
Впечатался надёжно в кожу.

И руки накрепко обвиты,
И ноги сцеплены в браслеты,
И на том древе он, как влитой,
Встречает ночи и рассветы.

Из всей одежды ни клочочка –
Устав не терпит разгильдяйства –
Не прикрывает и листочка
Его нетленное «хозяйство».

Прекрасный край Дев-Амазонок!
И к тому древу прислониться
Идут, и жадучи пелёнок,
И чтобы просто насладиться.

Дух успокоить пред сраженьем
Или зачать себе подобных.
Несут, как Богу, подношенья
Из разных яств, ему угодных.

Впечатывают в изваянье
Тел откровенные красоты,
Чем разжигают огонь желанья
С последующим путём в высоты.

И этой чудо-благодати
На всех хватает в изобилии,
И прозвано то место, кстати,
«Тропой ко древу сексопилья».

Есть жрица, что всегда у пульта –
Она следит за сохраненьем
Столь бесподобнейшего культа,
За пропитаньем, омовеньем.

Она главенствует по лесу
В своих владеньях несомненных,
Во чёрном платье со разрезом,
Всегда на шпильках высоченных.

Струятся по спине премило
Волос роскошнейшие пряди.
Она питает жизни силы
В источнике всё той же слади.

Проходят годы и столетья,
Не зарастают к древу тропки...
За идолица долголетье
Поднимем же повыше стопки!

Полезные советы для дам, попавших в пикантные...

Совет 1.

Если шепчете вы что-то
Спутнику ревнивой дамы...
А она в эти мгновенья
Вас испепелить готова...
Вы воскликните погромче
С видом восхищённым самым:
«Как она у Вас прекрасна!
Описать – не сыщешь слова!»

Пару лучших комплиментов...
И, чтоб объяснить причину,
Подходя к ней, с сожаленьем:
«Почему я не мужчина?!»
Эта дама больше в жизни
Вас испепелять не будет.
И сама ещё попросит,
Чтоб Вы что-нибудь шептали
Другу этому почаше...
Жажда похвалы навеки
Бдительность её погубит,
Если вовремя отмазку
Вы придумали блестяще!

Совет 2.

Если Вы
Чужого мужа
Обняли вдруг...
По ошибке...
А евойная супруга
Всё тотчас же увидела...
Поскорее избавляйтесь
От оставшейся улыбки
И скажите:
«Друг, мужайтесь!
Партия не вся пропала!»
И ему пожмите руку
С видом революционным,
И ей тоже помажите,
Как махали на парадах,
Чтоб подумала супруга,
Что объятия законны,
Что стоять теперь вам вместе
На идейных баррикадах,
Что теперь Вы – свой!
Товарищ!
Флирта тут и быть не может!
Вам теперь не до игрелищ –
Вас другие думы гложут!

Совет 3.

Если вдруг чужого мужа
Вы целуете...
Случайно...
И всё это замечает
Ваш законный и родной...
Вы мгновенно сочиняйте,
Что лежал тот бездыханно,
И искусственным дыханьем
Оживляли Вы его.
Тактика давно известна –
Убежденья нужным словом.
Мужу – ой как стыдно будет,
Что подумал так о Вас...
И благодарить Вас будет,
Что не бросили чужого.
И спасительным героем
Станете Вы в тот же час!

Совет 4.

Если вдруг обстрел глазами
Вы устроили потрясный,
И вокруг сплошные жертвы
Уложились в «штабеля»...
Прекратить огонь!
Здоровьем
Вы рискуете напрасно,

Так как «штабелей» подруги
Вам устроят «кренделя»!
Вон они уже столпились
И обдумывают кару...
Нужно Вам опередить их,
Мысли в руки и вперед.
Если в Вашей черепушке
Чуть поболее ихних вару,
То Вы выход вмиг найдёте,
Разыгравши точный ход.
За глаза скорей хватайтесь,
Как от боли нестерпимой:
«Что-то мне попало в оба,
Больше силы нет терпеть!
Я весь вечер проморгалась
Не могу...
Невыносимо!
Если есть среди вас медик –
Не могли б вы посмотреть...»
К Вам проявят всё участие,
И предложат капли, мази,
И поймут, что ошибались,
Обманулись на Ваш счёт.
Что Вы не налётчик вовсе,
Вы скорей цветочек в вазе...
И любое отрицанье
Ляжет плюсом в Ваш зачёт!

Разверну конфету...

Разверну конфету...
Вспомню про диету...
Стану беспощадна –
Заверну обратно!

Сладкая моя милашка...

Сладкая моя милашка
Ест конфетки без бумажки.
Лучше б и бумажки ела...
Мусор всюду – вот в чём дело!

Установка

Чтобы жизнь не мчалась к чёрту,
Не валилась под откос,
Надо взять её за морду,
А не вешать тряпкой нос.

Надо сделать установки,
Порасчистив все углы,
Сея счастья «подковки»
На обои и столы.

Чтобы небо услышало
И явило благодать,
Надо с пылкостью нахала
Вожделенья расписать.

Чтобы вдарило успехом
И закутало в любовь,
Аффирмационным эхом
Призывая эту новь.

И когда-нибудь под утро
Ты проснёшься с криком «Ах!»
С новым ликом, новым нутром,
В шоколаде и деньгах!

Людмила Андреева

г. Азов, Ростовская обл.

Маме

Как бы нас жизнь ни была,
Ни воровала силы,
Мама, мамочка, милая,
Только б тебя хранила!

Пусть пронесутся ветрища
Над православным миром,
Ты лишь – души прибежище –
Сердце наполнишь лирой.

Вьюги, дожди обвальные,
Если ты рядом, ластятся;
Серые дни печальные
Перерастают в празднества.

Полчища гроз невысказанных
Тают – не обозлённо,
Когда с любовью истинной
Внуков лелеешь сонных.

Дай же, Господь, молитвенной –
Радости незабвенной –
Маме моей единственной –
Моей звезде рассветной.

Город Равнодуший

В городе-призраке ни души.
Отсутствуют признаки
Присутствий чьих-то...
Здесь, говорят, водились мечты.
Не верю.
Холодно. Страшно. Тихо.
Зачем мы здесь?
Нам удел – земной:
Детей воспитывать, суетиться...
Бредём по призрачной мостовой
И сны чужие – сквозь нас –
как птицы.
Есть правило – не смотреть
назад.
Никты табу – не дрожать
стихийно.
Нет, это точно ещё ни ад.
Но почему тогда так обрывно?
Впервые мысли смотрю твои:
Ждётся ветра – дух, мол,
Но всё напрасно.
Здесь только наших частиц огни –
В плену отсутствующих
контрастов.
Движений нет. И мгновений нет.

И нам, случайным, не
обнаружить,
Где именно похоронен свет
В застывшем городе
равнодуший.

Окна

Вечная тайна окна напротив.
Грустная сказка опавших
листьев.
Кто-то влететь в мою жизнь не
против
Птицей осенней – случайной
мыслью...

Помню о праве на шанс
последний,
Только под куполом неба зорким
Звон растворяется духом
медным,
В сердце вливаясь настоем
горьким.

Так колокольни ненастных судеб
Богу вещают о днях туманных.
Так за пределом оконным люди
Призракам счастья вверяют
тайны.

Я не согреюсь сегодня ночью:
Птица бессонная – мысль
изводит,
Давит и держит почти порочно
Вечная тайна окна напротив.

В храме

Тают туманные лица
В мареве розовых свеч...
Боль из души сочится.
Бренное сходит с плеч.

Тысячи судеб разных –
Птахами к образам.
Чистым надеждам – праздник,
И благодать – мечтам.

Некто проходит спешно
К самому алтарю.
Ставит свечу-надежду,
Шепчет: «Господь, молю...»

И на огонь заветный
Смотрит до слёз живых
(Просто не мог он – бедный –
Вызвать иначе их).

... А у России хаты
Плачут, осиротев.
Молится Богоматерь
Слёзно за нас – детей.

А у России ветры,
Зла обретая власть,
Дерзко и безответно
Рвут роговицы глаз.

И до истомы души
Приторность миражей.
И надрывают души
Скорби слепых бомжей...

Некто, смыкая веки,
Жертву роняет – мысль.
Он не поймёт вовеки,
Что голосит в нём жизнь.

И почему к «страдальцу»
Свечи сошли на шип.

P.S. Воск обжигает пальцы,
Не находя души.

Утреннее

Метит в виски безысходность
Ржавыми стрелами ада,
В нашу с тобой однородность,
В цвет отражённого взгляда.

Дождь надрывает пределы,
И время множится болью.
Чёрный вторгается в белый
Сквозь чей-то страх –
подневольно.

Не успеваю забыться,
Спрятать, укрыть озаренье.
Знойно смеются зарницы,
Рвутся дождём вдохновенья...

Вера, раскрывшись всецело,
Звоном срывается медным.
Чёрный вторгается в белый
И – исчезает бесследно.

Сезоны одиночества

Странные сезоны одиночества.
Птичий крик, бессонные ветра.
Ты идёшь без имени и отчества
В чью-то тайну с ночи до утра.

Грани этой тайны не очерчены,
Но, сливаясь с далью голубой,
Кажется она заветно-светлою,
Трепетно зовущей, как прибор,

Птицей летней, дымкой
безмятежною,
Голосом столетнего костра,
И ещё – дорогой бесконечною
К ясным зорям с ночи до утра.

Екатерина Андросова

п. Астапово, Луховицкий р-н,
Московская обл.

Родилась в 1982 году на родине легендарного лётчика Валерия Чкалова – в городе Чкаловске Нижегородской области. В 2005 году окончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического университета. Защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Философия культуры». Работу учителя, а затем вузовского преподавателя совмещала с поприщем журналиста и художника-иллюстратора.

С 2008 года живёт в Луховицком районе Московской области. Профессию корреспондента районной газеты «Луховицкие вести» совмещает с работой сельского библиотекаря.

Ностальгия

Хочу дышать и жить тобой, моя деревня!
Чтоб вновь босые ноги по дорожной пыли...
Чтобы с крыльца с облупившейся синей краской
Выглядывать в морской пучине гребни тёмных волн.
Вдыхать черёмухи и облепихи пряный запах,
А осенью медовым соком спелых яблок упиваться.
Чтоб путь держать до Дашкиного дома
И вместе с задушевым разговором о них, мальчишках,
К ключику спускаться...
А лучше верхом – сквозь густые ветви и буераки бывшего кладбища,
Где по ночам костры мы жгли с Кельтом и наблюдали силуэт летучей
мышь
На лунном диске...
Этот белый стих тебе, моя деревня, посвящаю.
Ты – словно сон, в котором моя радость и ожидание счастливой доли.
Ты – словно сон. В том сне брежу я по высокому обрыву,
И слева – склон высокий, справа – море.
А я иду, и сердце птицей бьётся от восторга!

Ты – сон. Апрельский запах детства.
Ракушками усыпанные сети с ароматом тины.
Крутая лестница на бабушкин чердак,
А там – мистерия... Корзины, книги, кринки...
Скрип потолочных половиц.

Хочу проснуться снова от ласкающего солнца
И крика петушиного. А впрочем, нет: хочу встать до рассвета,
Тихонько выйти под лампаду и наблюдать, как бабушкины губы
Шепчут слова молитвы.
Потом ласкаться под теплом огня, в печи гудящего.
И снова юркнуть в нежное дыхание постели,
Чтоб, из объятий сна освободившись,
Поспеть к горячим пирогам воскресным!

Родная...
Морщинки-паутинки окутали твои глаза заботой.
Несчастный век и терпкая тревога – вот горькая твоя судьба...
И дом, ставший тебе родным, который прадед строил,
Ушёл с лотка.
Поверить не могу, что крепкие бревенчатые стены
«Своими» называют чужие люди.
Они сменили рамы. Другие окна – новые глаза. Душа иная у родного
дома.
И вишен нет. Тех вишен, что с тобой, родная, сажали вместе мы,
И радовалась я.
Нет ни рябины, ни сирени. И на крыльце у бани я сижу как гостя.
И горько плачу.
Уж больше не пройти мне по дорожной пыли.
Не окунуться в волнах моря цвета кваса.
И сыну не показывать дороги, ставшей для меня дорогой к счастью.

Тополь с конной гривой
на ветру колышется,
Сквозь порывы хлесткие
милый голос слышится:

Где же ты, родимая? Где ты,
моя горлица?
Грусть легла сединами
вдоль моей околицы...

Скрипнет половицею
твоя поступь лёгкая –
Разлетятся птицами
смех, приветы звонкие!

Проглядела глазоньки,
истоптала ноженьки,
И простоволосая
перед ликом Боженьки...

Выбегать, небрежно лишь
шаль накинув на плечи,
Прорасти осиною,
на дорогу глядячи...

Ой, да на дороженьке ты ли
не покажешься?
В глубине заснеженной чудом
не окажешься ль?

Не войдёшь ли в горницу?
Не зажжёшь лампы ли?
Ласковая горлица,
в старости отрада мне...

Дождь взойдёт хозяином
на крыльцо прогнившее,
Замолчат со временем
ставенки осипшие.

Ждать уж больше некому...
Ждать уж больше некого...
Слёзы моря пресного
разольются реками.

Облетают с тополя
листья посеревшие,
Лишь смотрю украдкой
сны осиротевшие...

Даниил Белов

16 лет
г. Азов, Ростовская обл.

Неизбежность

– Алло, здравствуйте, можно Бога?
– Абонент недоступен, простите.
– Может, я подожду немного?
– Он не ответит, как ни просите...
Долго бродил я в пустом звуке
И, засыпая в обломках света,
Всё собирал и трески, и стуки
В полонез уходящего лета.
Запомнить? Наверяд ли. Не стоит
Забивать им остатки памяти,
А лучше бы память удвоить
Для мыслей о будущей старости...
Околдованный чарами глаз,
Заблудившись в лучах мироздания,
Ты становишься кем-то из нас –
Таким же наивным созданием.

Ежечасно

Ты – мысли, что вернулись в сон,
Ты – книги, что не прочитать,
И ты уходишь каждый час.

Ты – долгий и протяжный стон,
Как сына защищает мать,
И всё, что нужно, – только ты.

И дай мне только грамм тепла.
Я подарю тебе свой свет,
Свой белоснежно-яркий лёд.

Я даже не прошу добра,
И я не дам добра в ответ,
Останься, только и всего...

Герой

Только сталь и густой аммиак.
Нам не выдержать новых атак,
Нам не выдержать новых
побед...
Только ты, просыпаясь в обед,

Говорил, что не каждый герой,
Иногда поднимаясь горой
Или падая ниже земли,
Но не Боги тебе помогли.

То лицо, что испортила боль.
Ты один, даже если со мной.
Колосок в безграничной степи.
Засыпая, ты снова не спишь.

Огонь

Сожги все мосты,
Что строили мы.
Сжечь сны красоты,
Прекрасные сны.
И небо в огне,
И дым – облака.
Жара всё сильней:
И пепел, и гарь,
И пламя в душе,
Во душах людей.
И дни всё страшней,
Все ужасы дней.

Мухи

Сплошь и рядом –
всё вынь да положь.
Кто-то правду меняет на ложь
Или камень меняет на сталь.
О, оставьте, оставьте, устал!

Не поднять мне, пожалуй, руки.
Люди – мухи, а сны – пауки,
А реальность – дырявая сеть.
Опоздать – это значит успеть

Не туда, куда нужно тебе.
Но теперь, повинуюсь судьбе,
Мы готовы сбиваться с пути.
Тот, кто умер, того не спасти,

А живых бесполезно спасать.
Но достаточно локти кусать!
Кто не ел, тот, наверное, сыт.
Тишина или топот копыт,

Пустота или метры земли –
Это выбор и это пари,
Это спор человека с судьбой.
Кто одет, кто-то вечно нагой,

А кому-то на всё наплевать...
Поменяю «четыре» на «пять»...
Променяю себя на других...
Эта песня – законченный стих...

Шёпот

И с криком тысячи пустынь
Поешь ты тише соловья.
Скорей сгори, но не остынь,
Тогда в ответ сгорю и я.
И с криком сотен соловьёв
Тут умирают все мечты.
Но не достаточно лишь слов,
Но только их и любишь ты.
И шёпот неба лишь навек
Закроет нам дорогу ввысь.
Но жаль – не может человек
Сказать «прости», сказать
«вернись».
Пусть тише птичьей трели, но
Ты громче ангела поешь,

Но, видно, людям суждено
Поверить только слову «ложь».
И с шумом тысячи дорог
Утонут только наши сны...
Хочу лишь выйти за порог,
Хочу отведать я весны,
Хочу попробовать на вкус
Немного песен соловья...
Ещё чуть-чуть – я снова пуст,
Ещё чуть-чуть – пуст снова я...

Остывшее

И теперь, когда связаны руки
И глаза не боятся разлуки,

Но и жизнь лишь разит
перегаром,
Каждый вздох будет новым
ударом,

Каждый миг будет новой
победой.
Как ищайка, ты в поисках следа.

Как и мы, ты не можешь
спокойно
Не развязывать новые войны

Между жизнью и сладкими
снами,
Но и выбор мы делаем сами...

Поколение остывшего сердца,
Лишь глаза – чуть открытые
дверцы.

Поколение чёрствого духа –
Музыканты, лишённые слуха.

Невидимка

Стираю улики я каплями крови,
Рисую гуашью – лист чистый
и новый.
Никто не заметит глубоких
царапин –
Как плащ-невидимка, пиджак
на мне папин.
И никто не заметит глубоких
порезов,
И кровь не остынет – не будет
морозов!
Ничто не увидит стеклянные
взгляды –
Ни капельки крови,
ни мрачность нарядов.
И сам я не вижу, куда опускаюсь:
Я вечером грустный, а днём
улыбаюсь...
И что-то увидеть не будет так
сложно,
Одна лишь проблема – зачем,
если можно?!

Александр Беляев

г.Азов, Ростовская обл.

Множеством граней мелькнут,
всё переврут зеркала,
сбрось с себя боль, и разлук
не рассыпай семена.

Новая снова всегда
преображенья Игра –
в память ворвётся она
и назовёт Имена.

Нечто беспечным ключом
дверь отопрёт, хохоча,
скатится детским мячом
груз бесполезный с плеча.

39 обезьян

И не весел, не печален,
Выхожу из дома я,
И опять меня встречают
39 обезьян.
39 злых созданий,
39 добрых фей,
39 мирозданий,
39 миражей.
И когда меня встречают
Улыбаются мне вдруг,
Будто я им свой товарищ,
Будто я им лучший друг.
Ну а я не замечаю,
Отвечаю невпопад:
– Вот такой на самом деле
Я подлец и ренегат.

Но опять никто не верит
В то, что верить не хотят.
Сосчитать нельзя потери,
Если нечего терять.
И вот я иду, мечтая,
А они бредут толпой,
Но ничто не нарушает
Мой незыблемый покой.

И они идут со мною,
Никогда не отстают.
Чуть я в доме своём скроюсь,
Как меня за дверью ждут
39 злых созданий,
39 добрых фей,
39 мирозданий,
39 миражей.

Новая снова всегда

Новая снова всегда –
преображенья игра.
Если ответишь ей «Да» –
завтра не будет вчера.

Вдроignet испуганно мгла
и, отступить поспешив,
мертвого уши осла
оставит, всех насмешив.

Смех обнажит тайный страх,
маски отбросивши прочь,
Колосс, повергнутый в прах,
светлой не сделает ночь.

Утро сменяется днём,
День сминается ночью.
Всё идёт чередом –
Как и должно, между прочим.

Стоит ли тут удивляться –
Пока что порядок таков.
Будет ли что-то меняться –
Не спрашивай у дураков.

Я часто думал

Я часто думал – думать ли вообще,
И стоит ли раскидывать мозгами
О том, что составляет суть вещей,
Которая под нашими ногами.

И в голове шумят, не уставая
Назойливые мысли и слова,
И, воплотить их в образы мечтая,
Не сплю ночами долго, как сова.

Вокруг меня мелькают города,
Подруги временами пробегают.
И если нравится из них мне
хоть одна,
То никому я не надоедаю.

Когда желаешь что-то горячо
И этого никак ты не добьёшься,
Вокруг – туман, и некому плечо
Подставить, если всё же
поскользнёшься.

А если хочешь скрыться от всего,
Уйти туда, где бы меня не знали,
Минуты не проходит без того,
Чтоб ерундой опять
не доставали.

И потому не нужно мне всего,
И не прошу я ни о чём у Бога,
Тогда и происходят так легко
Все чудеса своим путём-дорогой.

Море и солнце

Море подёрнулось грустной
дымкой
утром, сменившим ночь
расставанья,
когда ты уснула с лёгкой улыбкой,
оставив меня в плену ожиданья.

Волны встречали так безмятежно
солнечный луч, открывающий дверцу.
Ты заронила огонь в моё сердце –
больше тебя не увидел я
прежней!..

Свет

Свет загорается вслед
огня, без которого смерть
меня ожидает и жжёт
прикосновение к тебе.

Дрогнет, встревожена, тьма
поползновением небес,
смеет смеяться Луна,
шёпотом рыскает бес.

Стаи летят на Восток,
утренней рдеет звездой,
будто играет вино
в луже, разлитой у ног.
Неисправимой рекой
мечется время моё,
тонет и тянет на дно
бред замороженный мглой.

Искрой мерцая, слеза
перевернёт отраженья
там, где мелькают слова,
там где предстанут виденья.

Рядом с тобой и вокруг,
нежно задёрнув молчанье,
кутаясь в тысячи рук,
чувствуя рядом дыханье
грома сверкающих гроз,
стрела пробужденья на миг,
тело пронзивши насквозь,
подарит могущества пик.

Лёгкой надежды венки
вдаль уплывает, смеясь,
парусом белым крыло
Солнца достигнуть стремясь.

Таёт, согрета теплом,
древней иллюзии страсть,
камень, брошенный сном,
может когда-то упасть.

Словно ворвался в окно
ветра прохладного вздох
странное слово одно
сказано не для кого,
и, открывая глаза
ты вдруг услышишь его,
сменит заснеженный сон
мир без предела и Зла.

Марина Блюз

г. Днепропетровск, Украина

Ты устал от дорог

Ночь тепла. Тишина.
Чаша жизни полна.
Ты устал от дорог,
От забот и тревог.

Ты пришёл отдохнуть,
Силы, веру вернуть
И с сознанием иным
Вновь продолжить свой путь.

Ты учился любить,
Ты страдал и терпел.
Свою жизнь изменить
Ты так страстно хотел.

Не напрасно прошёл
Свой извилистый путь.
Ты свободу обрёл,
И тебя не согнуть.

Ночь тепла. Тишина.
Чаша жизни полна.
И ты рядом со мной,
И в покое Душа.

Печать Судьбы

Твоя Судьба сложна,
Ты много должен ей.
Она взяла сполна,
Не дав тебе детей.

Не дав жены родной,
Уюта очага.
Ты одинок порой,
И в сердце пустота.

И молча горести –
Не жалуясь Богам,
Несёшь как крест в Душе,
Дань чистым небесам.

И кто решил что ты
Не заслужил покой?
Кто наградил тебя
Нелёгкою Судьбой?

Легла на длань печать
Узорами Судьбы.
И дань снимает...
Кому же должен ты?

Хозяйка Ветров

Окутала бархатом
Магия ночи,
Пьяня ароматом
Трав и цветов,

Рисуя на небе
Кометы и звёзды.
Душой отдыхает
Хозяйка Ветров.

Картины чудесны,
Талант безупречен.
Магической вязью
Ложатся мазки.

Она, вдохновившись
Волшебностью ночи,
На тёмное небо
Наносит штрихи.

Луну нарисует
Светящейся ярко,
А может, и спрячет
За тучку её...

Она несравненна,
Она здесь Хозяйка.
С любовью рисует
Небес полотно.

Мотыльки

Пролетали мимо мотыльки,
Над цветами стайкою кружили.
Очень тонкие и хрупкие они,
Красотой своей заворожили.

Притягательны, воздушны и легки,
Их Природа-Матушка творила.
Как цветные в небе лепестки,
Словно лучики небесного светила.

Ты так долго его ждала

Ты так долго его ждала...
В окошко смотрела тихо.
В тёмном небе блестела Луна,
Своим светом стекло серебрила.

Ты надеялась, что придёт –
Залечит все твои раны.
Ты ждала, что с собой позовёт –
И покажет моря, океаны...

Ты не смела даже просить,
Лишь мечтать у окошка могла.
Он сказал: «Обо мне позабудь».
Он сказал... Только ты не смогла...

Твои губы сегодня – лёд!

Твои губы сегодня – лёд!
Снежный холод – твои объятья.
Ты сегодня совсем не тот,
Ты забыл, что такое счастье.

Я согрею тебя собой
И, с тобой помолчав, услышу,
Как замедлился сердца бой,
Как устало сегодня дышишь.

Я из чаши своей любви
Половину в твою перелью.
Твои губы сегодня – лёд!
Я их нежным теплом растоплю.

Зазвучали сердца в унисон

Словно музыка лётся с небес.
Многомерной реальности сон.
В мире слёз одиноких сердец
Зазвучали сердца в унисон.

Так прекрасна их песня любви!
Больше места им нет в мире слёз.
Здесь два сердца любовь обрели
И отправились в мир светлых грёз.

Песни сердца

Мои мысли спешат к твоим,
Сквозь пространства лежит маршрут.
Слышу песни твои, что внутри –
Твои чувства безмолвно поют.

Песни сердца звучат в тиши
И чаруют своим волшебством.
Ты играешь на струнах Души,
Управляя незримым смычком.

Мои мысли с тобой кружат,
Мои чувства безмолвно ждут,
Когда струны Души моей
Песни сердца с тобой запоют.

Меня хранишь и согреваешь

Так нежны твои слова,
Так ласковы прикосновенья.
Ты ветром приходил вчера,
Потоком тёплым, на мгновенье...

Сегодня звонким ручейком
Ты в мои мысли протекаешь.
Ты нежно за руку берёшь,
Меня хранишь и согреваешь.

Бывают строки холодны

Бывают строки холодны,
Как хрупкие снегов творенья.
Снежинки и узоры на стекле,
Растаявши, уйдут в забвенья.

Бывают строки так теплы,
Как солнца луч весенний.
Так согревающе нежны
Плоды любви и вдохновений.

И как под солнечным лучом
Рисунки на стекле растут,
Так под теплом душевных строк
Душевный холод исчезает.

Художник чувств

Великий Мастер чувства рисовать,
Художник разных настроений.
В моей Душе решил он написать
Прекрасный мир своих видений.

В процессе наработки мастерства
Суть постигая собственной Души,
Он долго чувств палитру изучал.
Своим талантом многих покорила.

Совсем недолго он поразмышлял
И, видя то, чего другим невидно,
Во мне он беспощадно устранял
Нелепые мазки, что принесла обида.

И много красок разных он смешал,
Оттенков радостно-счастливых.
В моей Душе любовь нарисовал
Знаток сердец и чувств красивых.

Любови узор неповторимый

Тёплые слова любя на ушко шепчешь,
Таинственной любви узор плетёшь.
Из нитей чувств, эмоций сокровенных
Неповторимый свой рисунок создаёшь.

Краски нежности в твоём рисунке вижу,
Они похожи на цветы невиданных садов.
Оттенки ласковой заботы – словно вспышки
Среди мечтательных и праздничных тонов.

Никто не может твой рисунок повторить,
Он лишь один такой во всей Вселенной.
Никто не может так, как ты, меня любить
Любовью искренней и необыкновенной.

Любови загадочные флейты

Пылали щёки, страстью загораясь,
Слова смущали, к слуху прикасаясь.
Текли рекой признанья, комплименты,
Игры в любовь – основы, элементы.

Сердца стучали всё быстрее, сбиваясь,
Мы в такт биению страстью упивались.
С тобою сложные мы взяли инструменты,
Природы чувств – загадочные флейты.

Кто ты?

Запутавшись в именах, псевдонимах,
Кто ты есть, уже не понимая сам,
Идёшь по улице бледным мимом,
Осыпаются образы, маски с лица.

Молчалив и угрюм, собой недоволен,
Ты в жизни прошёл очень много дорог.
Но кто ты сейчас? Ты в масках не волен,
С тобою их слава, их честь и почёт.

Ты выбрал игру под личиной чужой,
Ты мастерски шёл за победой.
Но маски все сняв, ты остался собой,
Неизвестным простым человеком.

Сон на двоих

Тёплыми птицами в небе холодном
Твои мысли парят, говорят обо мне.
Звуком их пения нежным и звонким
Наслаждаюсь в осознанном сне.

В мире цветов, в царстве грёз и фантазий,
Созданном светлым сознанием твоим,
Пением птиц в твоём сне наслаждаюсь,
Сегодня с тобой один сон на двоих.

Волнуюсь – собиралась в путь

Волнуюсь – собиралась в путь...
Брала с собой лишь опыт поколений.
Сегодня ей озвучат суть
Её задач, решений и свершений.

Конечно, не запомнить всё...
Утратит память, обретая тело.
Родившись – изучать пойдёт
Всё то, чего достигнуть не успела.

Предназначение своё
Душа исполнить, несомненно, сможет.
И, выполняя свою роль,
Она развитию себя поможет.

Сейчас ей грустно уходить,
Но впереди ждёт то, чего хотела.
К познанию себя спешит,
Научится тому, что не умела.

Несмелыми шагами в Путь...
Откроются врата лишь на мгновение...
Назад её уж не вернуть,
Ведь у Души день нового рожденья.

Обниму тебя нежно-нежно

Обниму тебя нежно-нежно,
Расскажу тебе дивную сказку.
В ней о том, как мне было холодно
Без заботы твоей и ласки.

В ней о том, как печально хмурилась
В ожидании красивой любви.
Мне уютно с тобою рядом.
Я рассказывать буду – ты спи.

Буду нежно шептать на ушко
О том чуде, что ты совершил.
Как ты подал мне руку дружбы,
А потом невзначай полюбил.

Я шептать тебе буду на ушко...
А ты спи, поскорей засыпай.
Я люблю тебя нежно-нежно...
Мне уютно с тобою – ты знай.

Защитник Рода

К рассвету утихнет снов буря,
Ты выйдешь опять на дорогу.
И битва тебя не минует,
Нет в сердце и тени тревоги.

Нет в сердце твоём и сомнений,
С мечом начинаешь свой танец.
Ты Воин в шестом поколеньи,
По битвам судьбы как скиталец.

И руки твои не устанут,
Тебя закаляли утраты.
Ты выдержал многие муки,
Познал и победы усладу.

Быть Воином ты не стремился,
Судьба за тебя всё решила.
Назначив Защитником Рода,
Меч в руки твои возложила.

И снова теперь ты танцуешь,
С мечом породнившись навеки.
Ты выбран Защитником Рода –
Ты сила его и доспехи.

По дорогам судьбы

Ты прошёл сквозь огонь
По дорогам судьбы,
Направляя свой взор
До заветной мечты.

И нет в сердце твоём
Ни страха, ни фальши!
Ты намерен идти
Всё выше и дальше.

По дороге Души
Много таинств познал.
И законы судьбы
По слогам изучал.

Ты, теряя, искал
Свою память и чувства.
Свою жизнь создавал
По крупинкам искусно.

Ты стремился познать,
Как решимость Души
Укрепить и поднять
Над дорогой судьбы.

Над печалью ввысь,
В небеса воспарив,
Жить, творить и любить,
О Душе не забыв.

Ты рассказать пришёл о ней

Земля уходит из-под ног,
Ты говоришь мне о любви.
Немало ты прошёл дорог,
Пока сумел её найти.

Ты забывал о главном иногда,
Ты шёл, куда и сам не знал.
Вела тебя твоя звезда,
Ты, не боясь, за ней шагал.

Ты господин судьбы своей,
Ты сути жизни познавал.
Забил немало ты гвоздей
И много разного видал.

И, много боли испытыв,
Ты наконец её нашёл.
Свою любовь во мне узнал
И рассказать о ней пришёл.

Душа лишь ученица

Мысли одинокие,
Замкнутые чувства,
Ранимые, глубокие –
Душе сегодня грустно.

Незримыми дорогами,
С которых не свернёшь,
Блуждает одинокая –
Её не проведёшь.

С них не сойти, не съехать,
Их можно лишь пройти.
Поставлены тут кем-то
Преграды на пути.

Путь от рожденья к смерти,
И жизнь – его зовут.
Мы бродим в лабиринтах,
Свой познавая путь.

Давно рассчитан каждый
Выдох, каждый вдох.
И каждый взлёт однажды
К паденью приведёт.

Всему всегда есть место,
Свой срок и свой черёд.
Душа лишь ученица,
Суть Мира познаёт.

Стань ветром

Стань ветром,
Лёгким дуновеньем.
Стань просто сном,
Придуманным твореньем.

Стань мыслью,
Несущей вдохновенье.
Стань словом сильным,
Имеющим значенье.

Ты силой одарён!
И, выходя из наважденья,
Будь горд собой!
Своим предназначеньем!

Под счастливой звездой

Красивыми вспышками,
Волшебными огнями
На небе тёмном звёзды
Всю ночь для нас сияют.

И не устали вовсе
Они для нас светить.
Свой свет далёкий, яркий
Земле ночной дарить.

Рассыпались по небу,
Таинственно мерца,
Над кем-то зажигаясь,
Хранят, оберегают.

Кто под звездой счастливой
Родился и живёт –
Тому всё в жизни легче!
Звезда его ведёт.

Идеи

Молниеносно,
Рассыпаясь искрами,
Ложась на землю
Солнечным дождём,

Летели вниз
Простыми мыслями
Сквозь пелену
Неясных снов.

Идеи, новшества,
Крупницы знаний
Потоком света
Рассеяли туман.

Идеи сыпал
Творец, Создатель.
Как семя в землю,
В разум помещал.

Он наполнял
Умы голодные.
Их жажду знаний
Щедро утолял.

Идеи-зёрна,
В умах проросшие,
Раскрыли Миру
Свой потенциал.

Тебя пораду улыбка

Тебя пораду улыбка,
Гоня печаль, тоску долой.
Стою нагой на почве зыбкой,
Ты заберёшь меня с собой?

Туда, где светит ярко солнце,
Нет места грубости и лжи.
Душе приют найдём уютный
И будем в облаках кружить.

Тебя пораду улыбка,
Я подарю тебе покой...
Не будет больше почва зыбкой,
Мы потечём любви рекой.

Наталья Брылёва

г. Кораблино, Рязанская обл.

Я маленький воробышек,
Мало моё крыло,
Но хочется мне в гнёздышко
Родное, где тепло.
В ночь звёздную укутает,
Как мать, меня покой,
Деревья убаюкают,
Шумя своей листвою.
Там утреннему солнышку
Всем сердцем петь легко,
Добраться бы воробышку
До дома своего...

Не люблю прозу жизни,
Рутину и быт,
От пошлятины пышной
Противно, тошнит.
И двуликой морали
Цветистую ложь,
Под химерной вуалью
Сорокину брошь,
И мешанский постылый,
В скорлупке, мирок,
И потоки бескрылых,
Замызганных строк,
Отсыревшие спички
В насыщенный момент,
Постоянство привычки,
Надёжный цемент.
Ненавижу томленья,
Уж лучше гроза,
Обожгут откровеньем
Родные глаза.
И пускай без мотива
Ворвутся ко мне
Ветряные порывы
В открытом окне.
Я готова на плаху
Взойти поскорей,
Чем тянуться в полшага
По жизни своей.
И пусть воле капризной
Себя я отдам,
Не люблю прозу жизни,
Доверюсь стихам.

Талые хрусталинки
Плачут на завалинке,
Жмурится на солнышке
Полосатый кот.
Где-то на проталинке
Вымочил дед валенки,
Что теперь поделаешь,
Коль растаял лёд.
Только не сердает он,
Вешний день прогонит сон,
Годы затеряются
Неизвестно где.
Вспомнит, как в младенчестве
Жизнь казалась вечностью,
Даже было весело
В ледяной воде.
Станут ноги мокрыми,
Лучиками добрыми
Много повидавшие
Заблестят глаза.
Может, от волнения,
Солнечного веянья,
Яркого, весеннего,
Потечёт слеза.

Иду, качаясь,
не чуя ног,
Уже не чаю
пройти весь срок.
Коса на камень
и стон, и звон,
Окно без ставень
ветрам в полон
Отверсто настезь,
душа насквозь,
Уже не плачешь,
что с телом врозь.

И отблески былого дня
Ещё видны на половицах,
Но потихоньку ночь ложится,
Ей вверилась земля.
Рассеется и пыл дневной
В прохладе сумерек вечерних,
И принимают струны-нервы
Расслабленный покой.
Прорезав тишину небес,
Стрижи в пике за мошкарю,
Под восходящею луною
Бросаются в разрез,
Предвестники в ночи дождя.
Смешались грани, очертанья,
И водворилась нежно тайна
В законченности дня.

Я прячу алмаз в рукавице,
Чтоб он не достался вору,
Даю любоваться синицам,
Воробышкам да голубям.
А вороны тучею кружат
Над следом и домом моим,
Оденусь в лохмотья похуже,
Чтоб вовсе не нравиться им.
А летом зарю к берёзке, –
Она выручала не раз, –
Кольцо из пролитого воска
На пальце, совсем не алмаз.
И буду ходить потихоньку
К подруге родимой своей,
И ветки дотронусь легонько,
Целую листочки на ней.
Она понимает одна лишь,
Как трудно носить ценный груз,
Что светом алмазным всё
спалишь,
Укор получая от муз.
И пусть клад хранится до срока,
Я даже забуду о нём.
Такая от клада морока,
Уж лучше помру бедняком.

Как здесь летать? –
Коль в этом мире
Воздух под стать
Тяжести гири.
Зависти нить
Душит за горло,
Дали испить
Желчи прогорклой,
Чтобы не петь,
Светом лучиться,
Брошена сеть,
Поймана птица.
Дальняя высь
Будет лишь сниться,
В клетку на жизнь
Загнана птица...

Острые стены

Не перейти границы,
Стоять у острых стен?
Назад не возвратиться,
Бессмысленным стал плен.
Лишь радоваться крохам,
Что ветер нам донёс,
В житейской суматохе,
Наивно и всерьёз.
И заплатит по счёту
Уже готовы мы
За длительность полёта
Сгорающей звезды.

Перерыв

У вечности всего минуту
Отчаянно укрыв,
На высоте, взгляну оттуда
На выстраданный сплав,
На вязку проходящих нитей
В судьбинном полотне,
На испещрённость всех событий,
Оставшихся во мне.
Не пика высоты хочу я,
Дыханье удержав,
Что, ошалев, опять танцую
По лезвию ножа.
Так хочется сильнее качнуться
И срезаться в размах,
Чтоб поглядеть, как нити рвутся
Земные на глазах.
Мгновение, а может, меньше
Хватило бы на срыв,
Но не закончен путь мой
здешний,
То был лишь перерыв...

Аут

Жизнь ядрёней на вкус
самогонки,
Рвутся жилы в изломе –
ломко,
Как у луков тетивы –
звонко,
Показалась обрывная
кромка.
А над пропастью –
яркое небо,
Кто из нас там бывал
иль не был?
Зацепиться за травку
мне бы
Да вдохнуть бы хоть
краешек неба.
Оглянуться назад, но уж
поздно,
Смотрят годы вослед
так грозно.
Что вчера показалось
сносным,
То сегодня, как яд
купоросный.
Не затынется кожей
рана,
Станет пусто на дне
стакана,
Отголоски мелькнул и
канут,
«Вот и всё, – прокричит душа, –
Аут!»

На паперти судьбы
Прошу я у толпы,
У сонма проходящих
Молвою нещадящей:
«Подайте нищей вы
Хоть горсточку любви...»

Из детства моего отца

Когда обрушилась война,
Отцу лет десять было,
В аду на западе страна,
В тылу глубоком жил он.
В краю, где царственный Байкал
Хранит седые воды,
Войну мальчишкою узнал,
Суровы были годы.
И сутки в госпитале мать,
Его отец в сраженьях,
Хотя бы брата повидать,
Тот стал рабочей тенью.
Не спит, приклеился к станку
И гонит всё снаряды,
Сквозь зубы шепчет: «Я смогу,
Сейчас, ещё, так надо...»
И вот с товарищем отец,
Что рядом жил в соседстве,
На фронт сбегает наконец,
Средь взрослых им нет места.
На крышу влезли пацаны
Военного состава,
Пойти в защитники страны
Они имеют право.
Малы отважные бойцы,
Но дух сильнее плоти,
Где бьются насмерть их отцы,
Там нужно быть, на фронте,
Быстрее чтоб кончилась война,
Без них подольше будет.
Задать фашистам всем сполна,
Так ждут победу люди.
Но жаль, не состоялся «бой»,
Патруль снимал их с крыши,
Отправив силою домой
Упрямых двух мальчишек.

Костёр

Как листья трепетно дрожат
Под натиском ветров,
Пронзает вьсь тоской душа,
Ища небесный кров.
Придавит мощная плита,
И больше не вздохнуть,
Войти в огонь, сгореть дотла
Призывно манит путь.
Нет больше суетных надежд
На счастье и любовь.
Из ветхих, рваных ты одежд
Большой костёр готовь,
Уже давно предрешено
Мне в пламени сгореть,
Но жаль, не нам допить вино,
Ещё куплет не спеть.
Прильнёт знакомая рука,
И сразу наизусть
Тепло её на все века
Запомнить я берусь.
Сжимает времени поток
Небесный режиссёр.
Хотя б ещё один глоток,
Но запалён костёр...

Гроза

Печалься обо мне
В затишье пред грозой,
В насущности дождя
Нуждаемся мы, двое.
Гром рухнет свысока
Стремительной армадой,
Взрывая тишину
Нещадной канонадой.
Бурлящие сметут
Потоки наважденье,
Природа оживёт,
Как в первый день рожденья.
Томительный накал
Растает постепенно,
Покорные судьбе,
Вздохнём мы упоенно,
Но болью отзовутся
Последние раскаты,
В мучительной тоске
Мы оба виноваты...

Дождливый настил
Разбитых дорог.
Он один и продрог,
Руль почти отпустил.
Нет боли, устал.
Одна пустота.
Без неё жизнь проста,
Не тревожит овал,
Что раньше манил,
Печален был, строг,
По дождю он скользил,
Не касаясь дорог.
Блестели огни
У встречных машин,
Он остался один
В бесконечные дни.
Померкло вдали,
Навесилась мгла,
И что память не жгла,
Дождь, наверно, залил.
Не всё ли равно?
Кто любил, кто любим?
Всё случилось не с ним,
А в каком-то кино.
И руль отпустил,
Не зная – зачем?..
Он у Бога совсем
Ничего не просил.

Колыбельная

Спи, моё сокровище,
Баюшки-баю,
Маленькое облачко
Я тебе дарю.
В небе всех пушистее
В стайке облаков,
Сшитое из песенок
Самых сладких снов.

Мой корабль

Мой корабль заждался в гавани,
 Без меня ему не уйти,
 Чтоб отправиться в дальнее плаванье
 И узнать, есть ли край пути?
 Паруса стосковались по ветру,
 Капитан поседел и спит,
 Видит снова, как в солнечном спектре
 Ржавый якорь опять блестящий.
 Шёпот волн мне давно уж по-сердцу,
 Опьяняет вольная ширь,
 Оголтелые годы проносятся,
 Прибавляя земную пыль.
 И в забытой услышится песне
 Долгожданный родимый зов.
 Вновь, как в детстве, стране чудесной,
 Вдруг покажется отчий кров.
 Всё стою на последней пристани
 И люблюсь своим кораблём,
 И прощаюсь с тоскою неистойвой,
 Не придётся мне плыть на нём.

Ветерок

В жаркий день, истомившийся в зное,
 Пролетел озорной ветерок,
 Словно вырвался резво на волю,
 Он в затворе был так одинок.
 То с травой шаловливо играет
 И ласкает влюблённо листву,
 То бельё в паруса превращает,
 Раздувая его на лету.
 Тронет весело стайку пушинок,
 За собой увлекая в полёт,
 После, в мягких качаясь вершинах,
 На деревьях чуть-чуть отдохнёт.
 Вниз сорвётся лавиной свежей,
 Так приятен его холодок...
 Ворох запахов зелени нежной
 Разнесёт озорной ветерок.

Взывают шквалами норд-осты,
 Сшибают с ног, пощад не жди.
 И в полный рост стоять не просто,
 Когда бьют хлёсткие дожди.
 Лавины снежные обрушит
 На хрупкий стан зима сполна,
 И выжжет зной страстями душу,
 В горниле сплавится она.
 Куда стремишься непрестанно?
 И нет конца путям твоим,
 Каким же Богом ты призванный?
 Убогий странник-пилигрим.
 Сквозь пальцы высыпаются годы,
 Зачем страданий путь избрал?
 Заплатишь жизнью за свободу,
 Сразит усталость наповал.
 Со смертью встретишься в дороге,
 Исчезнет след от ног босых,
 Останется совсем немного –
 Безмолвный, выстраданный стих.

Погибает русский люд

Стала совесть, как обуза,
 Проще набивать карман,
 Малодушничают трусы,
 Правит царственно обман.
 Кто не спился, дремлет в спячке,
 А сироты слёзы льют,
 Старики смертельно плачут,
 Погибает русский люд.
 Тёмный морок кто наводит?
 Правду говорить нельзя.
 Что с тобою происходит,
 Свято-Русская Земля?
 Где сыны твои родные?
 Натерпелась мать и ждёт.
 Здесь хозяйева – чужие,
 Обездолен стал народ.
 Вновь зажавшиеся тати
 Русь насилуют и жгут,
 Разорвут её на части,
 По-другому назовут.

Оборотень

Одежды лживые носить
 Привык, костюм пропитан кровью.
 Страдания жертв готов вкусить,
 Чтоб насладиться чьей-то болью,
 Но сколько б раз ни примерял
 Благой, слащаво-добрый образ,
 Не спрячешь хищный ты оскал,
 Хоть обольщает мягкий голос.
 Не дрогнет в подлости рука,
 Её набил в рутине долгой,
 Судить, казнить, простить пока
 Ты порешишь со знанием долга.
 Поплачешь, словно крокодил,
 В словах, чаруя, бросишь сети –
 И новых жертв слезой пробил,
 Их, умиляясь, будешь есть ты,
 И крепче станет твой завет
 С тем, кто питает злобой душу,
 Но скоро дашь за всё ответ,
 В тюрьме проклятия потужишь.

Я устала долбиться об стену,
 Расшибая в порыве лоб,
 Литься током сердечным по венам
 И бросаться в страстной озноб.
 Изваянию пыл мой сердечный
 Непонятен, как пенный бред.
 Быть достойным и в мрамор облечься –
 Вот итог его всех побед.
 Ну а мне и опять, и отныне
 Остаётся пылить одной
 По далёким мирам и пустыням
 И в сегодняшней век земной.

Пройти сквозь время и остаться
 Таким же искренним, как дождь,
 И самому себе признаться,
 Что ты для радости живёшь.

Старенький трамвай

1

Бежит издалека
Мой старенький трамвай,
Полосками дуга
Уносит в детский край,
Где, сидя у окна,
Гадала о судьбе,
Я, чуждая толпе,
Любила быть одна,
На мир, что за стеклом,
Всё ехать и смотреть,
И думать о своём,
Билет в руках вертеть.
«Счастливенький билет»
Мне часто выпадал.
Мечтала я тогда,
Что буду жить без бед,
И грезя, как Ассоль,
Красивой и простой,
Наивная я столь,
Ждала любви порой.
Мне чудилось: вот-вот,
Нежданный поворот,
Он к морю приведёт,
А там корабль ждёт...

2

На солнце полыхая,
Ворвутся паруса,
Я выбегу босая,
Вовсю раскрыв глаза...
Но хлюпала по лужам
Людская кутерьма,
И серые снаружи,
Катились вдале дома.
А скоро остановка,
Придётся выходить.
В сандаликах неловко
Сквозь парк по лужам плыть,
Где мачтовые сосны
Загадочно шумят:
«Торопишься быть взрослой!» –
Они меня корят.
Не слушала я сосны,
Бежала наугад,
Устала быть я взрослой,
Вернуть бы всё назад.
Рассыпанные вёсны –
Как тщетности утрат,
Оставшиеся сосны
Теперь со мной молчат.

3

Прощай, дружок трамвай!
Я выйду невзначай,
Езжай в свой детский край,
Меня не забывай...

Лесная быль

Свежестью прекрасное –
Было утро ясное,
Свет кругом рассеялся
Золотым дымком.
Наливаясь красками,
Мир казался ласковым,
С батеи в лес отправились
По грибы вдвоём.
Налегке бродили мы
Без грибов пустыми бы,

Если б не надумали
Малость отдохнуть.
Под густыми елями
Наконец присели мы
Хлебом подкрепиться
И снедью, взятой в путь.
Ласково, по-летнему
Лес шумел приветливо,
Где-то пел невидимый
Средь ветвей певец.
Прислонившись к дереву,
Словно в хвойном тереме,
Видно, от усталости
Задремал отец.
Там, внизу, поблизости,
Ручеек игривистый
Радостью журчания
Сладостно манил,
И воды холодной я
Напилась, довольная.
Вижу, возвращаясь,
Как дятел хлеб стащил.
Замерла мгновенно я –
Это всё, наверное,
Снится мне и чудится
В необычном сне.
В быстроте, сноровкою
Шустрой, сильной, ловкою
Хвать! – и с хлебом в клюве
Он полетел к сосне.
И совсем неслышная
Подошла поближе я
Глянуть, как обедает
Пёстренький мой вор.
Не дышу, недвижима,
Вдруг скакнул пониже он,
Следом и скакнул за ним
Мой пытливый взор.
Столь необычайно
Было ли случайностью,
До сих пор, мне кажется,
Не найти ответ.
Поглядев в ту сторону,
Что-то словно торкнуло,
Где садился дятел мой,
А теперь, уж нет –
Чуть приметны горочки,
Все в сухих иголочках,
Может, это рыжики,
Спрятавшись, стоят?
Разгребла я хвойные
Бугорки ладонями,
Точно, они самые
Огоньком горят!
Рыжики душистые,
В каплях рос пушистые,
Как тогда хотелось мне
Их сырыми съесть!
Как один, похожие,
Ладные, пригожие,
Ярких шапок множество,
Всех не перечесать.
– Просыпайся, батенька!
Посмотри, как дятел нам
Спрятанным сокровищем
Щедро заплатил,
За краюху хлеба он
Никому неведомый,
Елями прикрытый
Чудный клад открыл.
В думах, молчаливые,
Но домой счастливые

Тихо, в общей радости,
По тропинке шли.
Надышались досыта
Мы лесного воздуха,
Много-много рыжиков
В кузовках несли.

Осыплется сирень

Натянутые струны порвутся
невзначай,
Осыплется сирень цветами
прямо в чай.
Закроются просветы угрозой
из туч,
Забудет заглянуть ко мне
последний луч.
Загруженные музы не вспомнят
про меня,
Не сложатся стихи в конце
былого дня.
Наверное, погасла далёкая
звезда,
И свет её заветный утрачен
навсегда.
Похоже, что придётся сегодня
потерпеть,
Возможно, для того, кто лучше
будет петь.
Пусть новую откроет звезду на
небесах,
Пронзительным стихом оставит
след в сердцах.
Таинственный избранник, тебя
благословлю.
Мы связаны, сейчас за нас двоих
терплю.
Разорванные струны нисколько
мне не жаль,
Осыплется сирень, уйдёт моя
печаль...

Ты всё-таки будь

Как заблудившийся
ищет свой путь,
Я заклиная тебя, только будь!
Первым дыханием
юной весны,
Робким признанием
в час тишины,
Ласковым ветром
и первым лучом,
Только не пеплом,
засохшим ручьём,
Мраморным склепом
и холодом рук,
Мрачностью неба
и тщетностью мук,
Звёздным молчанием
лютой зимой,
Криком отчаянья,
твёрдой стеной,
Так и не спетою
песней моей.
Стану ли советовать?
Богу видней.
Я полюблю эту светлую грусть
И умоляю, ты всё-таки будь...

Александр Васин

г.Азов, Ростовская обл.

Поэзия любви

Прошедших лет листая даты,
Взгрустну о том, что не сбылось.
Где тот мальчишка угловатый
С копной взъерошенных волос?

Где та девчонка
с быстрым взглядом,
С насмешливым изгибом губ?
Они, наверно, где-то рядом –
Стоят, обнявшись, на снегу.

Он что-то шепчет ей с надрывом,
В волнение сдвинув набок шарф,
И, в удивлении счастливым,
Она внимает, чуть дыша...

Вернуть бы этот вечер зимний!
Вернуть бы всё, что было там!
И снова мы идём за ними,
По их отчётливым следам.

И я шепчу тебе: «Родная!» –
Как в вечер памятной зимы,
И мы с улыбкой понимаем,
Что те, вдали за вьюгой, – мы.

День без тебя

День без тебя – он будто бы и не был,
Прошёл как тень,
бесцельный и пустой...
А надо мной всё тот же купол неба,
Всё так же ветер шелестит листвою,

Всё те же озабоченные лица
У встречаемых, чей всё так же
ровен шаг...
День без тебя – как книжная
страница,
Провёрнутая слепо, второпях.

День без тебя – как выжженная
нива,
Как нудный дождь,
как въедливый мотив,
Который битый час без перерыва
Твердишь, случайно где-то
подхватив.

День без тебя – как длинная
дорога
Без цели, без начала и конца.

Лишь на душе неясная тревога,
Осевшая в груди куском свинца,
Лишь свет надежды,
теплящийся слабо,
Но все ещё дающий силы жить,
Что в суматохе дел, на миг хотя бы,
Меня ты вспоминала, может быть...

День без тебя – он, слава Богу,
прожит,
Но сколько их ещё таких пустых?
Пять? Десять? Двадцать?
Сотня?... Или, может,
Вся жизнь моя теперь из них
одних?

Откуда злость и слёзы без
причин?
Как видно, что-то мы не
доглядели.
Привыкли мерить всё на свой
аршин,
А жизнь куда серьёзнее на деле.

Что ж, в суматохе этой очень
просто
Чего-то недодумать, не успеть.
Жизнь задаёт нам в день по сто
вопросов –
Попробуй-ка на все на них
ответь!

Прямых ответов нет – ищи, плутай.
Ошибок – тьма. Везение –
случайно.
И среди всех неразрешённых
тайн
Ты – самая таинственная тайна.

А я бы смог?

Меня томит вопрос: а я бы смог
Вот так же надругаться над
любовью,
Втоптать в дерьмо,
дав повод к суесловью,
И убежать, укрывшись в уголок?

Я смог бы так – стремиться к ней,
как к чуду,
Лелеять нежно –
только на словах,
А после предаваться смело блуду
И с каждой третьей тискаться
впотьмах?

Я смог бы так – и трезвым,
и под мухой,
Фразёрствуя, показывать другим,
Как я её люблю и как любим,

А за глаза считать бульварной
шлюхой?
Я смог бы так – не ведая тревог,
Забуть про всё
и плыть куда попало?
Я смог бы?...
Да меня повесить мало,
Когда бы я и впрямь такое смог!

Ты родилась под знаком
Скорпиона,
И этот знак – мой рок, моя беда.
Ты то глядишь призывно
и влюблённо,
А то вдруг станешь
холоднее льда.

Порой, как сталь дамасская,
тверда,
Порой нежней и кротче,
чем мадонна,
Податлива и столь же
непреклонна,
Беспечно бросишь «нет» –
я слышу «да».

Не знаю, кто ты – ангел или бес:
Сошла мне в утешение с небес
Иль, может, адом послана
на муку.

А вдруг я лишь во сне тобой
пленён?
Но – верю – даже если ты и сон,
То, безусловно, сон,
который в руку.

Шекспир

Из Г. У. Лонгфелло

Сеть улиц, где людской
водоворот
Кипит, бурля, от края и до края;
Рокочут трубы, к бою призывая;
В таверне, завершив морской
поход,
Галдят матросы; колокол поёт;
Резвится во дворе
мальчишек стая;
И ароматный стебель иван-чая
Оплёл решётку парковых ворот.

Всё это вижу я, когда открою
Том лучшего поэта на земле,
Кто многократно музами воспет
И, награждённый лирой золотую,
С венком из листьев лавра
на челе,
На троне воцарён как Мусагет.

Максим Головки

17 лет

г. Азов, Ростовская обл.

Звёзды

На нас глядя с небесной выси,
Они нам освещают путь.
Но могут нас и обмануть,
И незначай запутать мысли.

Но верим мы своим светилам,
Жизнь доверяем им свою
И с грустью смотрим на зарю,
Что предвещается приливом.

Но как они прекрасны вместе!
И невзирая ни на что,
Даруют звёзды всё равно
Всем людям счастье повсеместно.

Мудрецы

Три очень мудрых мудреца
В жилище тёплом у камина
С бокалом крепкого винца,
Вздыхая томно с умной миной,
Забыв про прежние дела
В горячем споре
и с пристрастьем,
Сверкая искоркой ума,
Решали: в чём же жизни счастье?

Один усатый, с сединой,
В очках, что стоят состоянья,
Ну, словом, такой герой,
Приверженец с людьми игранья,
Кричал, что счастье лишь
в деньгах,
Со златом счастье, несомненно!
Кто знает, деньги при делах,
И жди подвохов ежедневно.

Красавцем был мудрец второй –
В глазах огонь, а в сердце холод.
И щёголь был он молодой,
И жил в нём вечной страсти голод.
Он счастье видел только в том,
Чтоб ежедневно вечерами
Быть вечным мартовским котом
В кровати с карими очами.

А третий – тихий и смиренный,
Снаружи шёлк, внутри тиран,
Своим лишь принципам был
верный.
Упрямый, в общем, как баран,
Считал, что счастье для мужчины –
Богатый дом, побольше спать,
Быть одному и без причины
Капризам женщин не вникать.

А в двух кварталах в стороне,
В нечистых бедноты трущобах,
На смертном одре в тишине
Лежал старик совсем убогий.
С минут счастливого рожденья
Боролся с миром он, с собой,
Чтоб БЫТЬ на этом мире
бренном,
А жизнь прошла сплошной
войной.
И в миг предсмертного
мгновенья
Воскликнул он: «А может быть,
Жить невозможно без сомнений?
Для человека счастье – жить!».

Кошачья свадьба

На свадьбе вечером прекрасным
У старых мусорных бачков
Орали хором громогласным
Полсотни мартовских котов.

Веселье, радость, гомон, ор
Царят средь улиц очень
мрачных.
Летит в подарок вдруг топор
От старика для новобрачных.

А старый ворон на дубу
Смотрел и весело смеялся,
Когда со звоном вновь в трубу
Очередной жених врезался.

Серость

Свет – тень.
Ночь – день.
Жизнь – смерть.
Пряник – плеть.

Мы делим всё порой
на чёрное и белое,
не думая о том,
что в мире этом делаем.
Нет добряков простых
иль совершенно злых,
нет супер-простаков,
нет своих или чужих.
Пред Богом все просты,
грешны и виноваты:

в деяниях равны
и бедный, и богатый.
Очисти разум свой,
забудь про все грехи,
воскресни вновь душой
и голову встряхни.
И оглянись на мир –
каков он нынче сер!
А кто в том виноват?
Чего ж ты снова сел?
Вставай! Вперёд иди!
Не стоит унывать!
В гармонии с Творцом
лишь можно устоять.

Старый художник

В маленькой, тесной и скромной
квартире
Старый художник всё пишет
картины
О жизни прошедшей, о днях
позабитых,
О людях знакомых, о судьбах
разбитых.

Вот тучи над полем. Побольше
белила.
А чёрной – окопы. Глаза
не забыли.
Как прежде, все образы яркие,
стойкие...
Над полем орёл, беспощадный
и зоркий.

О память-злодейка,
за что эти муки?
За что не даёшь позабыть
эти звуки?
Военные годы прошли, и давно
О них вспоминают лишь в старом
кино.

Но только берётся за кисть пред
картиной,
Как вмиг увязает он в образах
тины
И в трансе каком-то, как будто
без воли,
Всё пишет картину про это же
поле.

И рад бы закончить... Война
виновата,
Что этих бойцов он там бросил
когда-то...
И снова, как прежде, в обычной
квартире
Усталый художник всё пишет
картины.

Ли́ка Градо

г.Гатчина, Ленинградская обл.

Среди седого морока обид
Извечных.
Ведь попал туда без срока...
...Тихонько завывает по ночам,
От стен замёрзших отражаясь эхом,
Не согревая даже в мелочах...
Зима внутри.
Такая вот потеха...

Я – такая

До плеч дотронусь и сгорю: дотла,
Развеюсь пылью в Ваших окончаниях
И зазвеню, как тонкая игла,
Которая сломалась... Не случайно
Царапнет время... И... по мостовой
Пробежкой ускользнёт октябрь плакучий...
Я промолчу... И не скажу: «Постой!»
Не уповая на... счастливый случай...
Итог один: вольтовой дугой,
Подобно Вам... Сжигать... Не уставая...
И отделить невидимой чертой,
Чтоб он запомнил навсегда,
Что Я – ТАКАЯ!

I miss you

Я прошу тебя:
Не переспрашивай!
(Надоели мне автоответчики...)
Где б найти номер Господа Нашего,
Чтоб не чувствовать противоречия.
Помолиться,
Не слыть обречённою,
Сквозь беруши не слышать «овации»
Там –
Где небо моё золочёное
Сотрясается от детонации...
Перестань,
Не томи одиночеством,
Не играй в колокольчики времени,
Не построить нам счастье в песочнице –
Шквальный ветер развеял сомнения...
Вновь в стальной тишине мысли кружатся
О любви,
Как о чём-то несбыточном,
А сознание,
Немая от ужаса,
Рвёт безжалостно –
Мир ЭТОТ ниточный...

Зима внутри

В душе зима.
Дороги замело
В печальный замок изо льда и снега,
Где ветер одиночества давно
Хрусталь от люстр качает в зале Белом...
Там –
От помпезной роскоши молчит,
Любуясь веком яркого барокко,

Выстрел

Я – как свежесваренный кофе. Рисую стихи. Глупо
веришь моим небылицам.
Как индийская пряность элитного чая – вношу
несравнимый изыск,
Пробуждая желанье внизу живота, заставляя всех
«бабочек» трепетно биться,
Наполняя тебя лёгким «призраком» счастья
с таинственной женщиной Икс.
Нервно куришь. Дурная привычка в рассвете
уснуть. И я знаю, что непоправимо –
Искушение сдержать, пригубляя по капле энергию
чувственных строк,
Где не столько важна наша физика тел –
Ты душевности жаждешь и взгляда от дивы.
Что же ей остаётся? Нажать, как и раньше,
на чутко-взведённый курок.

Вне опытов любви

Нет опыта любви и нет былого –
Вновь строки иероглифами дышат,
Дождём сумбурным барабана в крыши,
И наполняют лёгкою истомой,
Там нет черновиков, нет наработок,
Ведь опыта любви – и быть не может,
Лишь тайнопись, что в сердце и под кожей
Предвосхищает рай, что был так кроток.
Там не фальшивит милое сопрано
В трёх линиях, без мудрости толковой,
Где чувства наши истинно ведомы
И незнакомы будущие раны,
А счастье едет в маленькой карете
И забирает в сказку – отогреться.
Наивно обмирает наше сердце
ВНЕ ОПЫТОВ любви – их нет на свете.

Смешно

«Поэзии высокий слог» – смешно...
Каракули красуются в тетради –
Пишу бесславно или скуки ради.
Не разводя бессмысленных понтов
И не стремясь быть дамой, как в балладе...

Выкуривая чувственный закат,
В конце – привычно ставлю многоточье...
И не прошу тебя присниться ночью,
Прозаик мой иль горе-музыкант.
Любовь исчезла между нами. Точно.

Я не жалею ни о чём. Пойми,
Внутри кино (немое) – просто лица,
В ладонях счастье в облике синицы...
Возвышенно не пишутся стихи.
Такая бездна! Всё, ушла молиться...

Летне-дождливое

Расскажи мне, пожалуйста, сказку о лете,
О нескошенных травах на ясных полянах,
О лучах отражённых, что радугой светят
В каждой капле воды, от дождей долгожданных...
...Насыщает озоном нагретую землю
Чуть дурманящий ливень – весёлый вельможа,
И живая природа по-летнему внемлет
Изумрудности капель нагретой кожей...
Барабанная дрожь по листкам, паутинкам
Задержалась на миг постоянным напевом,
Тонкой струйкой, в ручье... Дождь смывает пылинки,
Устремляется дальше... К лазурному небу...

Нелепое

В уютный катрен, как обычно, пытаюсь вложить
искру света –
Кусочек души, накрывая волною беззвучных
эмоций.
Запрятав наивность, поглубже...
В трамвае желаний – я вновь без билета,
В слепом ощущении «зайца»,
со внешностью яркого солнца...

Теперь о тебе... Ты готов заступить
за черту оправданий?
Нарушив привычный уклад с новизною
из чувственной блажи.
Быть может, придумав меня?
Ту, хорошую в облике лани.
С душой нараспашку. Да. Омут призывен...
Была в нём – однажды...

Мой потерянный рай

Слишком больно в распахнутом прошлом,
В окнах прежних побед – там, где тень Я,
Где потерянный рай мною сожжен
В равнодушном огне сожаленья,
В погребённом когда-то отчаянье,
В счастье, что растворилось в куплетах,
Где за чашкой горячего чая –
Вспоминаю: увядшее лето...

Быть собой

Создавая себя из ромашек и стали,
Без расчёта, не в масть, ярким ливнем из слов,
Знай,
Не стану в угоду – другою... Едва ли...
Залатав на живую родник из стихов,
Передёрну затвор – пристрелю послушанье
И луною согреюсь в полночной тиши,
Прокручу, словно мультит, оскалы пираньи
Тех, кто из-за угла зло шипит: не дыши!
Нарисую пейзаж из жемчужного утра,
Из янтарной росы на тропинках беды,
Из тумана и ветра, что дует попутно –
Усыпляя горячие волны войны...

Кофейно-осеннее

Разливаю по чашкам осень,
Оставляя печаль осадка,
Где ж тебя, мой хороший, носит?
С кем роняешь слова?..
Украдкой
Кто в ночи оплетает счастьем,
В полсудьбы наливая кофе,
Там,
Где смотришь ты безучастно
Зацелованно-одиноким.
Разливаю по чашкам небо
С горьким привкусом – кофе с перцем,
С перемолотой страстью
В зёрнах,
Что, увы,
Не дала согреться...
Разливаю по чашкам немощь
И гадаю
По свежей гуще,
Может, сахар добавить?
Мелочь...
Не надеюсь, что станет лучше...

Ассоциативное

В дворах-колодцах неба нагота
В стекляшках окон время созерцает,
В подъездах сырость, пахнет тишина –
В ней тени от соседей исчезают...
Ощерилась чуть видимо луна,
Слепой фонарь накрыл привычный дворик,
Из прошлого приходят иногда:
Раскольников, процентщица... топорик...

Какое небо?!

Где небеса сливаются с землёй,
А горизонт смыкает плотно губы –
Закат пунцовым бархатом левкой
Раскрасит купол чувственностью грубой...
В рубиновых мазках посеет страсть,
Неслышным ветром сдёрнет одеяло
С эмоций тех, что в спину – чтоб упасть
В объятия непривычного реала...
...Укутавшись в ручную шаль из слов,
Я слышу тетиву, напев плакучий
Твоих закатов. Ведь опять готов
Сорвать с небес лоскут, под ником – случай...

Мне не хватает

Мне не хватает нежности
В крепких руках твоих.
Страсти, как неизбежности,
С крыльями на... двоих...
Мне не хватает мудрости
Лёгкий сплести узор,
Чтоб не нарушить хрупкости:
Милой быть до... сих пор...
Мне не хватает смелости,
Чтоб за рога быка
И оглушить шелестом
Чувств, что наверняка...
Жаль, не хватает истины
В перечне аксиом,
Что засыпают листьями
Мой одинокий дом...

Владимир Голубев

г.Иваново

*

«Смутно помню страх, разруху, холод.
Похоронки помню, бабий плач.
Но сильнее всего я помню голод –
Детства беззаботного палач.
Никогда я это не забуду:
Дома пусто, хоть шаром кати.
Всю войну выплачивали ссуду:
С голоду подохни, но плати!

Мы тогда хлебнули с мамой лиха,
Ей пришлось достраивать жильё,
В фабрику она пошла ткачихой:
Ткали бязь солдатам на бельё.
Все тылы «ковали оборонку».
Позже, целый день, а то и ночь,
Шила мать исподнее³ для фронта
С горькой думой: как там муж и дочь?»

Важен ли сейчас порядок строгий
В мыслях через семь десятков лет?
Расскажи сейчас без хронологий,
Что в душе оставило свой след?
Всхлипы содрогнули её тело,
Вспомнила своё житьё-бытьё...
Видимо, давно сказать хотела,
Да никто не спрашивал её.

Мама, не волнуйся, дорогая!
Не подробно, можно только суть.
Твой рассказ, я это твёрдо знаю,
Пригодится нам когда-нибудь.
В памяти смешались эпизоды,
Даты, словно кости домино...
Я всё понимаю, мама: годы.
Что-то стёрлось в памяти давно.

*

«Как мы только выжили?! Загадка...
Я не понимаю до сих пор.
Это лишь в кино в тылу всё гладко...
Я жива судьбе наперекор!
В огороде – кирпичи да глина.
Дом стоял у самого пруда:
Место неудачное – низина,
Под ногами чавкала вода.

Это позже, только в сорок пятом
Папа в огород привёз земли.
А в войну на пятачке проклятом
Даже лук и редька не росли.
Денег нет, запасов нет. Откуда?
В огороде – тоже ни хрена.
Но нелепо ждать святого чуда,
Что назавтра кончится война.

Письма приходили к нам нечасто,
К почтальону не было обид.
Но зато какое было счастье –
Знать, что папа жив, а не убит!
Мама открывала осторожно
Мягкий «треугольник»⁴ за столом:
«На еду меняйте всё, что можно,
Будем живы – снова наживём».

Мама, расскажи мне про войну...

*Моей маме, Голубевой Валентине Никоновне,
1932 г.рождения,
моему деду-фронтовику, Кольчугину Никону
Авдеевичу, 1905 г.рождения,
моей бабушке, труженице тыла, Кольчугиной
Марфе Ивановне, 1902 г.рождения,
посвящается...*

Мама, расскажи мне про войну...
Дед при жизни был немногословен,
Говорил, что он обычный воин:
Не в Берлине встретил ту весну.
Улыбнулась как-то виновато:
«Памяти, сынок, почти что нет.
Что я помню, если в сорок пятом
Было мне всего 12 лет?

Что я помню? Школа, папа, мама...
Дом в деревне, лес – рукой подать.
Рядом протекала речка Вязьма¹.
Солнечное детство. Благодать...»
Память сквозь года её уносит
К запахам домашних пирогов.
Впереди вся жизнь – ей только восемь,
А вокруг друзья, и нет врагов.

«Помню, как корову продавали
За год до войны, в сороковом.
Помню, как в село² переезжали,
Взяли ссуду, стали строить дом.
Папа мой на фабрике в шлихтовке
Смену отработает, потом
С дядей Ваней год без остановки
Поднимали вместе этот дом.

Дом просторный, лучше и не надо
После деревенских закутков:
Три окна, терраска по фасаду.
Но без света – не было столбов.
Не успели... Как-то сиротливо
Стало без отца со всех сторон.
Он ушёл по первому призыву:
Были курсы, а потом – на фронт.

Весело гармошка заливалась,
Песни, танцы, слёзы невпопад.
Мы в июне с папою прощались,
Чтоб разбили немцев, и назад!»
Тридцать шесть – не парень желторотый,
В новобранцы как-то староват.
По годам – командовать бы ротой
Этих крепких молодых ребят.

И меняли... если получалось
Обменять на то, что нужно нам.
Цены магазинные «кусались»,
Были неподъёмны по деньгам.
В деревнях меняли мы посуду,
Папину одежду, башмаки,
Чтоб картошки принести оттуда,
Хлеб домашний и кулёк муки.

Хлеб тогда по карточкам давали:
Триста пятьдесят – «на детский рот».
Каждый день ходили, покупали...
Мама получала грамм пятьсот.
Это – всё, что ели мы в то время,
И чего удастся обменять...
Мяса я не видела, наверно,
До Победы, как бы не соврать.

*

Впрочем, нет. История такая:
Мама говорила как-то мне:
«Козочку куплю. Не возражаешь?»
Я была согласна с ней вполне:
Лучше – молоко, чем есть мурцовку⁵.
Я и подою, и попасу!
С мамой мы пошли на заготовку
Веников берёзовых в лесу.

Помню, у меня опухли ноги,
Руки тоже, как два тюфяка.
Врач смотрел и высказал в итоге:
«Дочке надо больше молока».
Где бы взять?! Еды-то не хватало!
Но пустое дело – лить слезу.
Мама снова что-то обменяла
И в морозы привела козу!

Бедная коза... Она жевала
Веники. А чем ещё кормить?
Вот и молока она давала
Литра два в неделю, может быть.
Как-то по весне, уже по травке
(За какие, Господи, грехи?),
Наша Нюрка утонула в трассе⁶.
Знать, не досмотрели пастухи».

«Вот тогда мы с мамой ели мясо.
Косточки козы снесли во двор...
Что ты говоришь? Какая «трасса»?
Эти трассы живы до сих пор.
Под Москвою шли тогда сраженья,
Говорят, из центра был приказ:
Чтоб не оказаться в окруженье,
Надо рыть побольше этих трасс».

От Москвы до нас, наверно, было
Двести километров по прямой.
Привезли народ, канавы рыли
Осенью и, кажется, зимой.
Были трассы вырыты на славу,
Пролегли широкой бороздой.
По весне глубокие канавы
Заполнялись талою водой.

Трассников бригады для постоя
Власти расселяли по домам.
Дом у нас большой, а жили двое.
Поселили трассников и к нам.
Поварихой взять бы им бабёнку,
Мне всего-то было девять лет,
Но меня заставили, ребёнка,
Каждый день варить для них обед.

Я картошку чистила покорно,
Мясо – в щи, и каждый грамм учтён.
Если оставалось что – покормят.
Хоть без мяса, но мясной бульон.
Печку растопить совсем не сложно,
Полведра картошки – ерунда.
Удержаться было невозможно:
Есть охота, а в печи – еда!

Но нельзя! Такое воспитанье –
Никогда чужого не брала.
Может быть, не главное – питание?
Тех, кто сытно ел, пережила.
Тяжкая работа – аккуратно
В печь чугунов ведёрный затащить.
А потом достать его обратно,
Чтоб в печи не выкипели щи.

Помню, как на лавку залезала
И ложилась грудью на ухват,
По катку чугунов вперёд толкала
И таким же способом назад.
На войне взрослыми мы до срока...
...Как-то весь чугунов я пролила!
Хорошо, была свободна кока⁷ –
Прибежала, быстро помогла.

*

По весне с картофельного поля
Я картошки мёрзлой принесла.
Мама, клубни высушив, растёрла,
И для нас «тошнотик»⁸ испекла.
Так припёрло, что за счастье было
Что-то съесть, хотя бы иногда.
Почему «тошнотики»? Тошнило.
Даже с кровью – это ж не еда.

Всю войну мы с мамой добрым словом
Вспоминали нашего отца:
Он купил когда-то для коровы
Два бочонка соли-лизунца.
Эту соль мы ели с чёрным хлебом,
Эту соль меняли на еду.
А когда заголубело небо,
Ели с ней щавель и лебеду.

Только голод шёл за нами следом,
Воевали с ним не мы одни.
Праздник жизни был для нас неведом,
Но бывали «солнечные» дни.
Мама как-то обняла: «Послушай,
Радость-то какая, – говорит, –
Под картошку нам дают, Валюша,
Небольшой участок, сотки три».

Помню, мы копали в две лопаты –
Будет и у нас, как у людей.
Тяжело, но весело: когда-то
Поедим картошечки своей!
Для посадки мама обменяла
(Сомневаюсь, чтобы в долг взяла)
Два ведра картошки – очень мало,
А на удобренье – лишь зола.

Мало посадили – мало сняли.
И хоть стал добрее небосвод,
Но надежды наши оправдались
В полной мере только через год.
Летом в лес по ягоды ходила,
Маме принесу, поем сама.
И частенько на обмен носила
Ягоды с грибами по домам.

Первый год войны – он трудный самый.
Мы прошли сквозь голод и нужду.
Помню, уставала очень мама,
Даже засыпала на ходу.
Я училась в школе деревянной,
Триста метров – недалёк маршрут.
Мимо шли машины постоянно...
В этом доме и сейчас живут.

*

Как учились, помню очень плохо,
Видно, голод память всю отбил.
Говорю серьёзно, без подвоха...
Помню, не хватало нам чернил.
Мы тогда карандашом писали
На газетах старых между строк.
А зимой чернила замерзали:
Смотришь, а в чернильнице ледок.

Я не помню, виноват ли холод –
Часто занимались по домам.
Но я помню, как закрылись школы,
Зданыя отошли госпиталям.
В жизни наступали перемены,
И в войне случился перелом:
В госпитале для военнопленных
Мы врагов увидели живьём.

Видно было по глазам сиротским –
Дети не любили этот дом,
Кладбище фашистов звали «скотским».
Хоронили здесь же, за селом.
Многие солдаты находили
В Лезневке далёком свой финал...
...Где фашистов раньше хоронили,
Там сейчас большой мемориал...

Нас с подругой Соней пригласили
На работу. Просто повезло!
Комендант по имени Василий
Принял двух девчонок под крыло.
По его приказу нас пускали
За «колючку»⁹ к старшей медсестре.
Грязные бинты мы забирали,
А потом стирали во дворе.

Высушим, прогладим всё, как надо.
Медсестра возьмёт назад пакет.
А потом – великая награда:
Вкусный, до безумия, обед!
Суп давали за старанья наши,
Даже с мясом, если повезёт,
На второе – гречневая каша,
Тоже с мясом. А ещё – компот!

Жили наши пленные отлично,
Всяко лучше, чем простой народ.
Мы считали с Соней – нелогично:
Быть должно совсем наоборот.
Иногда, завернутым в платочек,
Мы носили немцам самосад¹⁰,
Нам давали сахара кусочек,
Или даже чудо – шоколад!

Чуть побольше грецкого ореха
Сахара кусок несла домой,
Чтоб под вечер с мамой без помехи
Заварить морковь и зверобой¹¹.
Может, мама сделает болтушку¹²,
Поедим, а после на крыльце
С хлебушком и сахаром вприкуску
Выпьём чаю, с думой об отце.

*

Мы не знали, где воюет батя:
Как он там? Не ранен? Не убит?
Может быть, он где-то в медсанбате
Пулями простреленный лежит?
Как предвестник радости и горя,
Почтальон опять идёт с письмом:
«Жив. Не ранен. Одолели хвори...
Всё жалею – не достроил дом».

А потом, то весело, то хмуро,
Мы читать пытались между строк,
Глядя на испачканный цензурой
Чёрной краской дорогой листок.
Как наш папа жил всё это время,
Где служил и как он воевал,
В сорок пятом, не кичась пред всеми,
Он нам с мамой как-то рассказал:

«Прямо на Карельский перешеек
Призвала служить меня страна.
Там же, среди болот, в сырых траншеях
Для меня закончилась война.
Не пехота и не бравый лётчик,
Не танкист и даже не штабист –
Рядовой и неплохой наводчик.
Коротко сказать – артиллерист.

Где недавно с финном воевали,
Среди болот, пригорков и озёр,
Все три года мы квартировали.
Враг был хитроумен и матёр.
Далеко от нас передовая –
Гаубицы¹³ близко не стоят.
Но к фашистам с неба долетает
Гаубицей пущенный снаряд.

Нас бомбили, и довольно часто,
Не спасали даже блиндажи.
Не убили – получи на счастье
До другой бомбёжки свою жизнь.
Очень досаждали нам «кукушки»¹⁴,
Прячась высоко среди ветвей.
На пригорках около опушки
Хоронили мы своих друзей.

Вместе с ленинградцами блокады
Мы хлебнули, как никто другой:
Реже стали поступать снаряды,
Заболели многие цингой.
Нас кормили плохо, да и мало.
А зимой бывало, не совру,
Хвою мы отчаянно жевали
Или с молодых ветвей кору.

Но и это слабо помогало.
Ноги... Ходишь, как на костылях.
Сколько наших хлопцев побывало
В медсанбатах и госпиталях.
На войне не только убивают,
Есть там диарея и гастрит,
Язвы тоже разные бывают –
Вон, желудок до сих пор болит.

*

Летом, если выпадет затишье,
К командиру стали вызывать:
«Знаешь, Никон, было бы нелишне
В лес сходить, найти, что пожевать.
Парни городские лес не знают,
Им скажи – навалятся гуртом...
Мало ли чего насобирают,
Да ещё отравятся потом».

Но не только пушки да лягушки
«Разговор» вели среди болот.
Здесь стреляли финские «кукушки»:
Не зевай, прицелится – убьёт!
Страшно каждый раз идти под пули,
Только делать нечего – приказ.
Сплёл корзину, свистнул караульным,
И на всякий случай нож припас.

Пуля что? Известно: пуля – дура.
Жахнет в лоб, и всё – привет семье!
Не стреляли – «мелкая фигура»...
... Не сидел бы нынче на скамье...
Нет, за это не было медали,
Слава Богу, оказался цел:
Как-то видел – сверху наблюдали,
Как я шёл, в оптический прицел.

Брал я всё: малину, землянику,
И грибы в похлёбку тоже брал.
Знали б вы, какая там черника –
Я такую сроду не видал!
Сам наемся, принесу комбату.
Сварят суп, хоть жидкий, но еда.
Спелых ягод поедят солдаты –
Вот уже и горе – не беда!

Как-никак, а это витамины.
Я не знахарь, хоть и много знал:
Чтоб дойти с победой до Берлина,
Для больных я корешки копал.

Мы теряли зубы, как подсолнух
Вызревший теряет семена.
В этом виновата, безусловно,
Трудная блокадная война.

Стресс войны и скудная кормёжка –
Этакий блокадный реализм –
Довели до язвы понемножку,
Видно, ослабел мой организм.
Госпиталь... На фронт... И вновь диета:
Горлом кровь... Безрадостная быль.
Было стыдно, я молчал об этом
До тех пор, пока хватало сил».

*

«Папа к нам пришёл в конце апреля,
Незадолго до конца войны.
Помню, как завистливо смотрели
На меня соседи-пацаны.
Папу, человека волевого,
В сорок пятом где-то под Москвой
С эшелона сняли как больного.
Госпиталь. Комиссия. Домой.

На быках возницей он всё лето
Отработал, набираясь сил.
Позже депутатом сельсовета¹⁵
Он народу своему служил.
Мастером работал, шлихтоваром –
Честно, как на фронте воевал.
Уважали все его недаром...
А медали... Ты же потерял...»

1. **Вязьма** – река в Ивановской области.
2. **село** – посёлок Лежнево.
3. **исподнее** – нижнее, нательное бельё.
4. **«треугольник»** – солдатское письмо с фронта во время Великой Отечественной войны. Марка на такие конверты не наклеивалась.
5. **мурцовка** – русское жидкое холодное блюдо, представляющее хлеб, порезанный мелко лук, заправленные водой.
6. **трасса** – в данном случае – противотанковый ров.
7. **кока** – крёстная мать (диалект)
8. **тошнотики** – (в годы войны) жареные оладьи из весеннего мерзлого картофеля и очисток с добавлением лебеды и т.д.
9. **«колючка»** – в данном случае – колючая проволока, ограждавшая госпиталь военнопленных.
10. **самосад** – табак домашнего разведения и кустарной обработки.
11. **заварить морковь и зверобой** – вместо чая в войну использовали для цвета и вкуса отвары трав.
12. **болтушка** – похлёбка из муки, разболтанной на воде.
13. **гаубица** – тип артиллерийского орудия, предназначенного, преимущественно, для навесной стрельбы с закрытых огневых позиций, вне прямой видимости цели.
14. **«кукушка»** – сленговое название финских снайперов, использовавших, в том числе, и замаскированные позиции на деревьях.
15. **сельсовет** – название местного органа власти (сельский Совет народных депутатов) и единица административно-территориального деления в СССР.

Молитва

Я был в детстве крещён, только в Бога совсем я не верил,
Мне не трогал души мелодичный малиновый звон.
Но сегодня вошёл я в открытые Господом двери,
Чтоб остаться в тиши православных старинных икон.

Гулким эхом шаги раздробились под сводами храма.
Неумелой рукой осеняя крестом свою плоть,

Я шепчу: «Помоги, пусть подольше живёт моя мама!
Обрести ей покой помоги, всемогущий Господь!

Муж недавно почил, тризну скорбную справил сыну...
Не оставь мою мать! Всё равно не вернуть их назад...
Дай здоровья и сил пережить эту злую годину!»
...А с иконы глаза неподкупно и строго глядят.

За облаками

Серёга был почти как брат.
Мы с ним знакомы с детства:
Ходили вместе в детский сад
И жили по соседству.
Считали вместе облака,
Бегущие по небу,
Манила звёздная река:
Влечёт туда, где не был.

Была наивна и чиста,
Но лишь сильнее с годами,
Мальчишек детская мечта –
Летать за облаками.
Мы с ним учили пилотаж,
Судьбы своей не зная.
Для нас привычным стал пейзаж
Далёкого Алтая*.

А дальше – «звёздочки», приказ:
Под Питер мне дорога,
А с юга мне писал не раз
Мой лучший друг Серёга.
Свершились детские мечты!
И как прекрасно это –
Увидеть солнце с высоты
Задолго до рассвета...

Беда явилась, словно грипп,
Удушливым угаром:
Подбит Серёга и погиб
В горах под Кандагаром.
Ушёл героем в мир иной
И не успел жениться...
...Его душа всегда со мной
Летит стальной птицей...

* – Барнаульское высшее военное авиационное училище лётчиков (город Барнаул, Алтайский край)

Я подарю тебе эту звезду!

Пары танцуют в рабочем саду,
Вечер крадётся по нотам.
«Я подарю тебе эту звезду,
Выучусь – стану пилотом!»

«Видно, написано мне на роду, –
Крикнул с подножки трамвая, –
Я подарю тебе эту звезду,
Только дождись, дорогая!»

Хрустнула жизнь в сорок первом году,
Вздыбились гордые кони.
«Я подарю тебе эту звезду,
Только фашистов прогоним».

«Ты не поверишь, но в этом аду
В россыпях небо ночное.
Я подарю тебе эту звезду», –
Шепчет пилот перед боем.

Новый приказ, и враги не пройдут:
Юнкерс горит метеором.
«Я подарю тебе эту звезду,
Знай, мы увидимся скоро».

Вспышка... и мрак... Но в горячем бреду
Губы твердят неустанно:
«Я подарю тебе эту звезду.
Хочешь, и солнце достану?»

Но не успел... И не надо винить:
Честен он был пред тобою.
Тот, кто поклялся звезду подарить,
Спит под фанерной звездой.

Заплутало счастье где-то

Заплутало счастье где-то:
Ни приветов, ни ответов.
За окном макушка лета
Подпирает небосвод.
Тёплых ливней пантомима,
Как всегда, неуловима.
Дни летят беспечно мимо
Чёрной галочкой в «расход».

Может, в этом есть отрада:
В мягком ритме листопада
Сделать пару па с дриадой
И забыться зимним сном?
Верить, что сомкнутся вежды,
А весною, как и прежде,
В лёгком кружеве надежды
Ты опять войдёшь в мой дом.

Выбор

Мне сорок пять, и это – не предел.
Я полон сил, женат и чту законы.
Я в этой жизни многое успел
За двадцать лет работы в Пентагоне.

Америка мне многое дала:
Карьерный рост, успехи в жизни личной.
Спросите у меня: «Ну, как дела?»
И я скажу с улыбкой: «Всё отлично!»

Моя жена, Миранда, не совру,
Мила и удивительно красива.
А сын уже сотрудник ЦРУ,
И тоже неплохая перспектива.

Всё very good, all right в моей судьбе,
Но есть нюанс из серии «проклятых»:
Отец мой резидентом КГБ
Заброшен был сюда в шестидесятых.

Я продолжаю то, что начинал
Отец когда-то: явки и пароли...
Я для России – дорогой «кристалл»,
Но деньги не играют в этом роли.

Отбросив меркантильный интерес,
Понять желаю – кто я в этой жизни:
I am a citizen of the U.S.
Или служу «неведомой» отчизне?

Здесь – жизнь моя, друзья, работа, дом.
А под Москвой – могилы русских предков.
В Россию я слетаю, но потом...
Так что важнее: сын или разведка?

Отец меня по собственным следам
Отправил в путь, и мы шагали в ногу.
Но я чекистам сына не отдам:
По жизни у него своя дорога.

very good – очень хорошо
all right – всё в порядке
I am a citizen of the U.S. – Я гражданин США

Оксана Дашковец

г. Гомель, Беларусь

А ты зови... Если вдруг я стану зачем-то нужной.
Как-то ты дважды мне снился, и я с утра улыбалась –
Ты моя лучшая грусть, ты моя лучшая шалость.
Верно, ангел на небе тебя охраняет послушно,
Знаешь, я в своём сердце тебя берегу сильнее...

Возраст Христа так идёт тебе – просто чума...
Всё как прежде в тебе, всё тот же –
в профиль, в анфас,
Внимательный взгляд и волосы жёсткие, колкие,
И я у тебя – стратегический, древний запас.:)
Всё тот же, ну точно знакомый вид из окна –
Только пресыщен, стоек, роднее и без прикрас.
Снова, безумная, жду – желательно без футболки.
Я жду тебя, словно зарытый поглубже фугас.
За летом и осенью встречи случится зима.
Кружевные снежинки навеют томно подчас,
Что в мае цветы на яблонях схожие тонкие...
И я вновь на тебя раскину старинный пасьянс.

Туфли

Я стою на обочине шумной
В изумрудных замшевых туфлях.
А вокруг огни в чьих-то кухнях
Отражаются в пене ажурной.

А вокруг плещет счастье по лужам
(Незаметно от взора прохожих) –
Ты ослабил лишь чуточку вожжи,
И от этого голову кружит.

Дождь роняет каплю за каплей,
Ты свой зонт расправляешь ловко.
Эту встречу ждала я долго
И теперь расцвела спелой яблоней.

Мне смешливо, и ты снова нежный.
А в кармане в коробке – трюфель,
Мне не жалко своих новых туфель,
Я спешу быть счастливой и грешной.

Бабушке

1. Мы ещё дети и ждём чудес в Рождество –
У бабушки дома радостно и хлебосольно.
Сказка у двери, вот сквозняком повело
Женщина в снежном тюле стучит в стекло.
Голубые глаза ворожат в тишине невольно.

(Под бок братишка пихнул – он улынулся первый –
Знает: не смотрят так ласково Снежные королевы).

2. Я уже взрослая, но всё жду чудес в Рождество.
Нарядная бабушка, зеркала занавешены,
Свеча в семенах, судорогой душу свело.
Мой ангел, видно, мне дал лишь одно крыло,
И я не успела на выдох и вдох смешанный.

Живая пытаюсь вдыхаться в воздух дебелий.
И верую: могут всё видеть – мёртвые Королевы.

Нежно

А ты мне звони... и случайно, и просто от скуки.
Пока ещё жду и сохну, и руки тёплые помню –
Мне всё равно, что ты скажешь, не поведу даже бровью.
Возможно, в соседнем доме или где-то в Кентукки,
Кого-то вот так же ждут, но я всё равно сильнее!

Ноктюрн

Ждут в пути берега Андалусии
И бескрайний обзор с Юры.
И Вы будете так добры –
Лишь бы только сейчас не струсил.
Не сожгли за собой мосты.
Там, где мы, будут яркие фуксии,
Конфетти, фламбе, конфитур,
Безмятежный лунный ноктюрн.
Лишь бы Вы только вправду не струсил –
Мой любитель ночных авантур.

Раненое

До тебя была как линия Мажино,
Крепкий бетонный бастион-форт.
После тебя – сточенное веретено,
Волчок, стесавший свой левый борт.

Конкистадор не благодетель – беги,
Скрывайся в расщелинах юных дев.
Я прощаю тебе все злые долги,
Рву свой последний орущий нерв.

И, поправив походных чулок нейлон,
Залегаю на дно по всем адресам.
Я сегодня собственный пьяный клон,
Брошенный костью этиловым псам.

Знал бы ты, как трудно осознавать,
Что мою загубленную цитадель
Ты не станешь уже никогда навещать.
Ни в чужую ночь, ни в погожий день.

Николай Дик

г. Азов, Ростовская обл.

В награду – утро мартовской зари,
За то, что сохранить сумели
Остатки прошлогодней красоты.

За то, что и под пение пурги
Сердца с тоски не очерствели,
Соединив два краешка любви.

Пусть торжествует вечность
красоты,
что не боится даже чёрной масти
в объятиях кристальной чистоты.

Надежда есть, что силы доброты
растопят лёд суровой темноты
лучами неги незабвенной сласти.

Сонет весны

Ну что прекрасней может быть
весны?
Что с ней сравнимо в этом
бренном мире?
Кто не тонул в любовном эликсире,
Досматривая мартовские сны?

Блаженство – после зимней белизны
Вновь оказаться в голубом ампире
И охмелеть на долгожданном пире
От запахов весенней новизны.

Неважно, что волнуются слегка
Непрошенные мысли у виска
От подогретой юностью крови,

Как это было в прошлые века,
С дыханьем молодого ветерка
Рождаются сонеты о любви.

Сонет счастья

Не утешайте сердце – «Всё пройдёт»,
Ему навряд ли нужно утешенье,
От этих слов весной, наоборот,
Испортится быстрее настроенье.

Когда мечта отправилась в полёт,
Ей не страшно опасное сомненье –
На крыльях счастья набирая взлёт,
Летит она в иное измеренье.

Пусть в мысли небывалой
кутерьмой
Ворвётся наконец-то озаренье
И справится с холодной зимой.

А в душу несравненной красотой
Пускай вольётся снова вдохновенье
И заживёт любовью неземной.

Сонет мечты

Надоели промёрзлые сны,
Одиночества злые метели,
Заждались, чтоб с приходом весны
Пенье птиц в наши души влетело.

Заслышав радость птичьей трели,
Из сердца сразу сонные мечты
Под звуки мартовской капли
Достигли поднебесной высоты.

Сонет души

В мягком кресле около печи
задремало сердце под метели,
видно, на мгновение ночи
мысли о весне его согрели.

А наутро свежестью капли,
вестниками нежности любви
вновь мечтами в сердце залетели
первые счастливые грачи.

Чувства, что при пламени свечи
в эту зиму на бумаге зрели,
наконец теперь награждены.

Наши души вновь обнажены,
и мечты, что в стужу уцелели,
задышали воздухом весны.

Сонет любви

А может петь душа на склоне лет,
Вдохнуть глоток любовного эфира,
Как в юности, воспеть красоты мира
И за любовь отдать весь белый свет?

Когда тебя закружит менуэт,
Проснётся вдруг шекспировская
лира,
И засияет радугой Пальмира,
Поймёшь – не важен, в принципе,
ответ.

Воздействие святого эликсира
И чары поднебесного сапфира
Готовы приоткрыть один секрет:

Влюблённому не надобен сюжет,
Чтоб сердцем для любимого кумира
Всю ночь писать божественный
сонет.

Сонет красоты

Кто не хмелел, отпив любовный сок,
не разрывался иногда на части,
не засыпал ночами между строк
потока чувств и нежности отчасти?

Хоть извлекаем жизненный урок
из вечной схватки разума и страсти,
не спорить с чувствами даём зарок,
но остаемся у любви во власти.

Перед дорогой

За наивную беспечность
не судите очень строго.
Пожелайте лучше вечность
мне на счастье у порога.

В наставленьях мало толку –
путь загадкой интересен.
Положите мне в котомку
лучше пару добрых песен.

Не забудьте ожиданье
вместе с песнями в придачу,
и в котомку на прощанье
уложите мне удачу.

Суетливостью не надо
занимать прощальный вечер,
больше времени в награду
уделим желанной встрече.

Приключение – не разлука,
скоро снова будем вместе...
Кто не водится со скукой,
долго не сидит на месте.

Кому что

За моря меня не зазывай –
покемарить можно на пруду,
и куда приятней крепкий чай
заварить с приятелем в саду.

Мне в Европу ездить ни к чему –
не такой там розовый рассвет.
Отдых на песчаном берегу?
Я, скорей всего, отвечу – «Нет».

Осуждать не стоит за ответ.
Мне б парного утром молока
и ещё одну на склоне лет
вылазку с друзьями в облака.

Мне удобней в ляшках рюкзака,
чем на мягком кресле с «дамой пик».
Может быть, и странный я слегка,
но к заморским странам не привык.

За границей зря не совращай.
Откажусь... Ну, заходи скорей!
Я в субботу вновь душистый чай
заварю для преданных друзей.

Светлана Донченко

г.Краснодар

Донченко Светлана Геннадьевна, родилась 21 апреля. Живу и работаю в городе Краснодаре.

Своим творчеством хочу донести читателю самую простую мысль, что красота человеческой души, той самой, которая умеет любить, совершенно не важно – что: Родину, свой край, ребёнка, мать, спутника жизни, своих друзей, – обязательно спасёт мир.

Праздник щипача

Маленькая, щуплая старушка,
На лице морщин глубоких сеть,
На щеке кокетливая мушка,
Время не смогло её стереть,
В шумном супермаркете огромном,
Опираясь на большую трость,
Час стояла у прилавка скромно.
У неё сегодня важный гость!
Фронтовой товарищ приезжает,
Он проездом, только на денек.
Свидятся ли вновь? Никто не знает.
Но наговорятся... даже впрок.
Нужно выбрать лучшие продукты
И вино любимое найти,
Самые изысканные фрукты –
Может сразу тысяча уйти.
Жаль, конечно, денег ей огромных.
Тысяча!!! Ведь это капитал!
При её доходах очень скромных –
Просто непростительный скандал.
Только – гость какой! И нет важнее
Ничего на свете в день такой,
Нужно выбирать уже скорее.
Ждёт ещё нелёгкий путь домой...
Выбрав кассу с молодым кассиром,
Не спеша старушка подошла.
– Пробивай всё это, друг мой милый!
Погоди-ка, деньги не нашла...
Знаю, точно были, проверяла!
Может, где-то здесь... сейчас... сейчас...
Ну, растяпа... видно, потеряла, –
И слезинки капнули из глаз...

А напротив у витрин блестящих,
Негодяй с усмешкой палача
Упивался жизнью настоящей,
Празднуя «победу щипача».

Творец дождя

В ненастный вечер плачет дождь осенний,
Роняя слёзы на седые мхи.
И тянет тонким запахом трухи
Подмокших листьев на порожках в сени.
Ждёт небо новых лёгких вознесений...
Да, ветер рвёт последний лист с ольхи.
И не осталось никаких сомнений
В том, что ноябрь великий, редкий гений,
Творец дождя, который льёт стихи.

Под струны арфы лунной

Наполнен сад мелодией весны,
И звуки счастья льются в поднебесье.
Приходят сны, невиданные сны,
Напитанные вкусом травосмеси.
И босиком разбуженная страсть
Бежит туда, где тропку протоптала
Мечта любви, вдыхающая сласть
Заморского священного сантала...
Ночь тихо плачет, музыка весны
В ней пробудила память родовую,
От слёз-дождинок радостно хмельны
Травинки сада, славя кладовую
Родной земли, которая щедра
И на любовь, и на дары святые,
Поют весне трёхкратное: «Ура!»
Под струны арфы лунной – золотые.

Февраль

Любимому сыну Евгению в день рождения.

Люблю Февраль, прощальный месяц зимний,
Его короткий, торопливый бег.
Там взгляд прекрасных глаз – небесно-синий –
Мне подарил рождённый человек.
Любимый, дорогой сыночек милый,
Моя награда, приз судьбы моей.
Молюсь о нём: О Господи, помилуй
Его среди холодных февралей.
Среди тревог земных и дней суровых,
Среди ветров февральских ледяных
Пошли ему свершений в жизни новых
И сбывшихся мечтаний потайных.
Февраль, февраль – союзник мой незримый,
Стал сын мой выше на одну ступень.
Любимый месяц, мной благодаримый,
Прими поклон за этот светлый день.

Я – только песчинка в пустыне Вселенной,
Я – тоненький луч из прорехи во мгле...
Но знаю – любовью огромной, нетленной
Запомнится след мой на этой земле.

Седина в голову – бес в ребро

Часы пробили ровно девятнадцать,
 Опаздываю, впрочем, как всегда.
 Сегодня не хотелось мне встречаться,
 Он умолял, сказал, что с ним беда.
 И я спешу, бегу на эту встречу,
 Мы с ним давным-давно теперь друзья,
 Я знаю, что совсем не рассекречу,
 Как он мечтал попасть ко мне в мужья.
 Но я влюбилась и ушла к другому,
 Он горевал, страдал пять долгих лет.
 И к счастью вновь нашёл свою дорогу,
 И в женщине другой увидел свет...
 Встречались редко, вспоминали детство.
 Показывали фотки сыновей.
 Судьба с какой-то долей кокетства
 Послала нам две копии семей.
 Мой муж и он – одно носили имя,
 Его жена – такое же, как я.
 Любовь для всех для нас была святыней,
 А верность долгу – строгая судья.
 Года летели птицей быстрокрылой...
 Он стал седым, с залысиной на лбу,
 А я – толстушкой, говорят, что милой,
 Всегда спешу на зов и на мольбу.
 Меня увидел, помахал рукою,
 Другой – букет ромашек протянул.
 Какой-то мягкой тёплой волною
 Меня накрыло, да и он вздохнул.
 – Жизнь превратилась в ад, а может, хуже, –
 Так начал он свой горестный рассказ. –
 Быть не хочу я больше верным мужем,
 Закончился мой золотой запас.
 Жена моя мне стала неприятной,
 Семья трещит по неприкрытым швам,
 Мне кажется теперь невероятным,
 Что причислял её я к божествам.
 Она, признаться, как-то постарела
 И округлилась, словно колобок.
 Желаньям глупым нет совсем предела,
 И мир души стал жалок и убог,
 Её интересуют сериалы,
 Лет сто, наверно, книги не брала.
 Меха, валюта – это идеалы!
 Да так, чтоб просто не было числа.
 Устал. Хочу с другой встречать рассветы,
 Хочу летать с любимой в облаках.
 Там, среди звёзд, отыскивать кометы
 И видеть искры божьи в светлячках.
 Хочу услышать, как поют Сирены,
 Собрать в ладонь прохладную росу.
 Певуньям в речку бросить цикламены
 И пристально глядеть на их красу...
 Прошу, поверь: там, за спиной, есть крылья,
 Хочу летать! Ты полетишь со мной?
 Хочу я сказку эту сделать былью.
 Давай потряжём с тобою стариной...

 – Ах, Боже мой, жена нам неприятна!
 Подумать только – постарела вдруг!
 Что ж, – юность пролетела безвозвратно.
 Ты оглянись попристальней вокруг.
 А то, что крылья за спиной, – прекрасно.
 Жену в охапку – и встречать рассвет.
 Уверена, она на всё согласна.
 Мечты другие – просто дикий бред.
 Хандра твоя понятна мне до боли,
 И это, знаешь, друг мой, не беда.
 Давно нам жизнь распределила роли,
 Сыграем их без горького стыда.

Любовь и дружба – счастье нашей жизни.
 Мы сбережём их, словно дар небес.
 Всё. Уходи. И никогда не кисни.

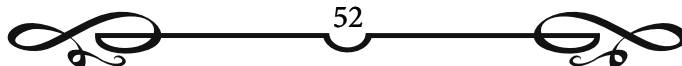
 Где седина – там сразу в ребра бес.

Горькая правда

Подрастающему поколению Кубанских казаков посвящается...

Казачата, годков по семь-восемь,
 сквозь аллею весёлой гурьбой
 Дружно шли мимо елей и сосен,
 а навстречу старик шёл слепой.
 Он простукивал тростью дорожку,
 в небеса запрокинув лицо,
 Прижимая к груди своей кошку,
 всё твердил ей такое словцо:
 «Потерпи, потерпи... моя Мурка,
 потерпи, потерпи... вот сейчас
 Врач пропишет таблетки, микстурку,
 он не бросит в беде с тобой нас...»
 Кошка плакала и вырывалась,
 всё хотелось ей спрыгнуть в траву,
 Что зелёным ковром расстилалась,
 прошлогоднюю спрятав листву.
 Но рука старика ослабела,
 кошка спрыгнула вниз, поползла,
 Но её очень хрупкое тело
 тут же Вечность к себе призвала.
 А старик закричал: «Помогите.
 Помогите же мне кто-нибудь!
 Кошку Мурку скорей догоните
 и верните назад мне – на грудь!»
 Дети замерли в недоуменье,
 как же быть, что сказать старику?
 В их глазах было столько стремленья
 не пускать в его сердце тоску...
 «Мы поймаем её, погодите,
 ох и шустрая кошка у Вас!
 Мигом мы... ну а Вы отдохните» –
 и закапали слёзы из глаз.
 Подошли к бедной кошке, присели
 полукругом у тельца её:
 «Что же делать? На самом-то деле?
 Ох, несчастное в общем зверье!
 Да и дедушку жалко, наверно,
 кошка другом была для него...
 Посмотрите, как топчется нервно...
 правду молвить совсем нелегко...
 Может, скажем – сбежала куда-то.
 Не сумели поймать, и весь сказ!»
 «Нет! – мальчишка сказал виновато. –
 не учили обманывать нас».
 Снял картуз* с себя форменный серый,
 тельце грустно в него положил:
 «Она тоже жила с доброй верой,
 и старик её очень любил...
 Жить по нашим законам казачьим –
 значит эту любовь уважать...
 Даже если старик и заплачет,
 мы должны ему правду сказать».

***Картуз** – Мужской головной убор с жёстким козырьком, лёгкая летняя фуражка.

У мусорного бака БОМЖ лежал

У мусорного бака БОМЖ лежал...
 Он не стонал, лишь скорчился от боли.
 И, как травинка на ветру, дрожал,
 В бреду твердя: «Вы... передайте... Оле».
 «Эй ты, урод! А ну давай вставай! –
 Брезгливо морщась, дама прокричала. –
 Ты слышишь, пьянь, а ну быстрее давай!» –
 Изящной туфелькой по баку постучала.
 «Я... Оля! Ты меня откуда знаешь?
 Да ты в бреду...» – поближе подошла.
 «Ах! Боже мой! Да ты же умираешь!» –
 И сквозь тряпье пульс бережно нашла.
 И пальчик нежный, с блеском маникюра,
 Вверх сдвинул веко: «Да! Беда! Беда!
 Чем же помочь? Какая же я дура!
 Ну почему со мною так всегда?»
 Халат красивый ладную фигурку
 И не пытался скрыть от алчных глаз!
 В кармане телефон играл мазурку,
 Он голос подавал уже не раз!
 «Ой! Извини! Перезвоню чуть позже!
 Здесь человек больной, лежит в бреду...
 Ну кто другой ему ещё поможет...
 Нет! «Скорую» дождусь... тогда уйду...
 Не мать Тереза... Прекрати! Послушай!!!
 У нас какой то глупый разговор!..
 Достаточно, пожалуйста, про душу!..
 По-разному трактуем мы позор!!!»
 Ладонь на лоб горячий опустилась.
 «Ты потерпи немного, ну, чуть-чуть!»
 А по щеке БОМЖА слеза катилась...
 Счастливым уходил он в светлый путь...

Разбавлю ночь глотком мартини

Разбавлю ночь глотком мартини
 И горьким дымом сигаретным.
 Луна – двойник пахучей дыни –
 Мигнёт глазком, лишь мне заметным.

Дохнет полынью и покоем
 Крутая смесь хмельного зелья.
 Все звёзды с неба чинным строем
 Шагнут на землю для веселья.

Что тут начнётся! Боже правый!
 Какой там сон? Махнув крылами,
 Слова с искусственной приправой
 Слетятся, брызжа похвалами.

И ночь, в мартини растворившись,
 Весь этот звёздный шабаш пьяный,
 Не знаю, как там ухитрившись,
 На суд отправит покаянный.

Портрет любви

Портрет любви нарисовала
 она на полотне души.
 Он за портрет давал так мало,
 всего лишь жалкие гроши.

Она решила на подарок –
 любуйся, радуйся, живи.
 Но отчего-то стал так жалок
 в его руках портрет любви...

Спешите творить добро

Жил был серенький кот.
 Не так молод, но смел.
 Братом был ему чёрт,
 а помойка – удел.
 Часто он воевал,
 нрав – ему не указ.
 И в бою потерял
 правый зоркий свой глаз.
 Стало трудно коту
 добывать горький хлеб,
 Птиц ловить на лету,
 потускнел белый свет.
 И задумался он
 о печальной судьбе,
 Стал отдушиной сон
 на подгнившей трубе.
 Снились кошки ему,
 одна краше другой,
 Было всё по уму,
 там он был молодой,
 Мыши дружной гурьбой
 сами шли на обед,
 А он сытый, не злой,
 им смотрел только вслед.
 Снился пруд. Ну а в нём –
 рыбы было не счесть!
 Да, во сне – всё путём!
 Столько пищи – не съесть!
 Там ему и хвала!
 Там ему и почёт!

Ну какие дела?
 Лишь веди благам счёт.
 Так он часто дремал,
 весь в мечтах о тепле.
 И сорвавшись, упал
 в лаз какой-то в земле.
 Бок и лапы ушиб.
 Испугался всерьёз.
 Рог на лбу вырос вмиг.
 Стало горько до слёз.
 И откуда тут лаз
 появился к чертям?
 Эх, подвёл его глаз
 или страсть к глупым снам.
 Выбираться теперь
 надо будет всю ночь.
 Загрустил бедный зверь,
 боль стремясь превозмочь.
 Что-то в шёрстку ему
 прицепилось, как клещ.
 Непонятно уму,
 не привстать, не прилечь.
 И не сбросить никак
 этот странный предмет.
 Ох, попался дурак,
 словно нет других бед.
 Закричал бедный кот,
 а в ответ – тишина,
 Мало было забот,
 так скатился до дна.

Он свой крик повторил,
 эхо вторило вслед.
 Вверх ползти – мало сил,
 Брезжит скупо рассвет.
 Жаль, его тут никто
 никогда не найдёт.
 Эх, понять бы, за что
 пропадёт бедный кот.
 – Мяу! – он прохрипел.
 Сил, увы, больше нет!
 Всё – кошачий предел,
 но фонарика свет
 Зацепил его вдруг.
 – Эй, котяра, ты цел?
 Как же ты, милый друг,
 в эту щель залетел?
 Ну, цепляйся скорей
 за верёвку мою.
 Ты не бойся, смелей,
 я котов, брат, люблю.
 Вот и всё, старина.
 Что тут в шёрстке звенит?
 Ну и ну! Вот те на!
 Брошь огнями горит!
 Здесь, похоже, большой
 изумруд и рубин!
 Богачи мы с тобой!
 Что ж, пошли, господин!

Елена Дроздова

г.Новомичуринск,
Рязанская обл.

Недосказаны слова, недопеты мысли.
Жёлтым пламенем горит талая свеча.
Оплыла, обтекла, да почти без смысла...
Жизнь легка, коротка, да смерть горяча.

Колыхнётся огонь, тронутый дыханьем.
Говори, не молчи. Что ты хмуришь бровь?
Но ложится в ладонь до утра молчанье,
Да за окнами тьма, да моя любовь.

Говори ж, не молчи... Да слова не сказаны.
На столешнице воск, на плечах тоска.
Мы любовью-тоской венчаны-повязаны,
Растопи же её, словно лёд, в руках.

Судьба

Она не спросит о твоих желаньях.
Она тихонько за руку возьмёт
И поведёт сквозь лабиринт страданий
И испытаний злой водоворот.

Она – и мать, и добрая подруга.
Она – жена и пуля палача,
Ведёт тебя старательно по кругу,
Чтобы у финиша рубить сплеча.

Ведут судьбы слепые лабиринты.
Путь в бесконечность или в никуда.
Потери, боль, надежды и молитвы
Уйдут бесследно, как в песок вода.

Напутствие

Пусть тебя не покинет надежда,
Станет спутницей верной твоей.
Пусть судьба твоя, часто мятежная,
Станет мягче, спокойней, мудрей,
И средь тьмою окутанных дней
Пусть тебя не покинет надежда.

Вера пусть не оставит тебя,
Даже если один ты в пути.
Веря в высшее, веря в себя,
Продолжай к своей цели идти,
Всех прощая и сердцем любя.
Вера пусть не оставит тебя.

Пусть любовь станет светом в дороге,
Защищает тебя и хранит.
Пусть унынье, печаль и тревога
Этой силы тебя не лишит.
Искра божья, твой пламенный щит,
От падений твой путь оградит,
И, ведя через жизни пороги,
Пусть Любовь станет светом в дороге.

Прощение

Навязчивая память возвращает
Тобой полузабытых лиц черты,
И лишь тогда на время умолкает,
Когда у них прощенья просишь ты.

Они с тобой, любимые когда-то,
И те, кому ты нелюбовь дарил.
И снова совесть требует расплаты
За всё, что ты однажды натворил.

И сон бежит, и на душе тревога,
И этих мук терпеть нет больше сил,
И говоришь: простите, ради Бога,
За зло, что я когда-то причинил.

И тени лиц, смотрящие с укором,
Не будут больше нарушать твой сон,
Когда простишь им всем былые ссоры
И будешь ими ты за все прощен.

Река и небо

В реке, как в зеркале бездонном, отражается
Небес вращенье,
И, с горизонтом слившись, в небе продолжается
Реки течение.

Поток желаний и надежд в ней растворяется
И пропадает,
Ни ран, ни шрамов в той душе, что с ним сливается,
Не оставляет.

И где река, где океан небес немереный,
Уже не знаю.
В него гляжусь, и им дышу, и в нём потерян я,
И в нём растаю.

И где начало, где конец, что начинается всё,
Что замыкает?
И где творенье, где творец, что отражается,
Что отражает?

И неземная благодать, покой, неведомый
Всем, здесь живущим.
И очень хочется летать, расставшись с бедами,
И слиться с сущим.

Городской вечер

День устал дождём на землю капать,
Шум умолк, за ним пришёл покой.
Вечер на кошачьих мягких лапах
Входит в город, как к себе домой.

Входит в город, усмирив движенье,
На кустах развесив тишину,
И пьянит до головокруженья,
Аромат цветов и трав вернув.

Шум и грохот города дневного
До утра всей власти лишены,
И прозрачным, но густым покровом
Краски и цвета приглушены.

И в его незримой колыбели
Засыпает всё, что целый день
На земле жило, трудилось, пело,
В сон уходит, в тишину и в тень.

Иероглифы

Витиеватые ложатся кружева
Полупрозрачной лёгкой тайной ей на плечи.
Ещё не высказаны главные слова,
И тени странные вокруг рождают свечи.

И так легка её немых движений цепь –
Как иероглифов немислимых загадка.
Но кто сумеет непонятное прочесть,
На каждый тайный знак её найти отгадку?

Бокал вина и россыпь искр в хрустале,
И отраженье в зеркалах свечей оплывших,
И чей-то профиль отражается в стекле,
Как чья-то повесть, чей-то мир иллюзий бывших.

Где-то там

Где-то там, у горизонта, синева.
Где-то там вода и небо – суть одно.
Там простых стихов рождаются слова,
Птицей к солнцу или камушком на дно.

Лёгким ветром или бурей по волнам,
Тихим шёпотом или криком в смертный час.
Что-то в сердце навсегда проникнет к нам,
Что-то скажет: в этих строках свет погас...

Синева воды и синева небес,
Крики чаек – лучшей песней о земном,
Вздохи волн – как сказка, полная чудес,
О далёком, о желанном, о родном.

О путях и судьбах, что пересеклись,
О других дорогах, что пока неясны,
О руках, что навсегда переплелись,
О простых словах любви, что так прекрасны.

И о том, как тихо-тихо плачет дождь,
В унисон ему поёт бродяга-ветер
О годах, что, к сожаленью, не вернёшь,
И о близких, что покинут на рассвете.

И слова, и мысли, и потоки чувств –
Где-то там, за горизонтом, всё родится.
И когда-нибудь туда и я вернусь,
Чтобы памятью навеки отразиться.

Туманные дали

Туманные дали звенят за рекой.
Они – колыбель, что качает покой.
В ней шелест природы баюкает ночь,
В ней день настанет и уносится прочь.

И солнце восходит из марева сна,
И дымка тумана – как в море волна.
В ней крыш деревенских плывут корабли,
Что в море тумана не ищут земли.

Здесь кроны деревьев в объятиях снов,
Но тонко ещё одеяло снегов.
Здесь, в царстве суровом предзимнего сна
Лишь ватным покровом лежит тишина.

Миражи

За окнами мелькают миражи –
Пейзажи, города и чьи-то лица.
Летит мой поезд, отмеряя жизнь,
Не хочет ни на миг остановиться.

И долгие пути, но больше – впереди,
Немереные судеб километры.
И встреч пересекаются пути,
Неся то штиль, то штормовые ветры.

Мелькают дни, как цифры на столбах,
Мелькают ночи, слившись в бесконечность,
И оседает пылью на руках
Людских следов земная быстротечность.

И мчится поезд мимо миражей –
Фантазий, снов, иллюзий брэнной жизни.
Но выше человеческих путей
Лишь только неба голубая пристань.

Оглядывая лет поток неслышимый,
Листая жизни прожитой страницы,
Благодарю Тебя за то, Всевышний,
Что мне позволил на Земле родиться.

За то, что жизни мудрые уроки
Судьба нам преподносит ежечасно.
За то, что все свои земные сроки
Я проживаю, к счастью, не напрасно.

Что я учусь на всех своих ошибках
И мудрости багаж приобретаю,
И что душа поёт счастливой скрипкой,
Когда Тебя в молитве поминаю.

Благодарю Тебя за радость вёсен,
За шум ветров, за птиц восторг и пение.
За всё, что жизнь моя мне преподносит.
Благодарю Тебя за день рождения.

На битом стекле

И странно, и страшно
Брести без света во мгле.
Наше с тобой вчерашнее –
Танцы на битом стекле.
На острых словах,
На лезвиях ссор и обид...

Глубокие раны в сердцах,
И каждый почти убит.

Ты ищешь и не находишь
Проблеска света во мгле,
Но выбирать не приходится:
Танцуй на битом стекле.
Разойдёмся – следы кровавые
За каждым потянутся вдаль.
Кто сильный – тому забава,
А слабых, конечно же, жаль.

Синий сон

Лето, лето – синий сон,
Не осталось ни следа.
Словно дым, растаял он,
Испарился, как вода.

Облетело, улеглось,
Только эха слабый след
В светлом золоте берёз,
Ожививших тёмный лес.

И, как памяти слеза,
Дождь, что лета краски стёр,
Набегает на глаза
Тёмных, сумрачных озёр.

Но, как солнце среди туч,
Из туманной тишины
Лишь блеснёт надежды луч
На приход другой весны.

Закружилась голова,
Зло попутана апрелем.
В строчки падают слова,
Много слов, а смысл потерян.
Злополучные стихи
Выморожены зимою,
Не ложатся от руки,
Похоронены тоскою.
Оживут, не оживут,
Кто их знает! Май покажет,
Может, мыслей тяжкий труд
В строки вдруг возьмёт и свяжет.

До весны

Ах, дожить бы до весны,
А потом дожить до лета,
Чтоб смотреть цветные сны
Аж до самого рассвета.
Да чтоб в синюю волну
Взять и броситься с обрыва,
Да чтоб не пойти ко дну,
Да любить без перерыва.
А потом чтобы упасть
В поле из одних ромашек,
Полежать и помечтать
Лишь о том, что жить –
не страшно.
Жить – как чудо или боль,
Жить – как свежее дыханье.
Бесконечность или ноль,
Жизнь или смерть для мирозданья.

Скитальцы

Длинные тонкие пальцы,
Волосы чёрным крылом...
Все мы по жизни скитальцы,
Все мы отсюда уйдём.

Где-то когда-то я видел
Взмах нерасправленных крыл.
Может быть, я ненавидел,
Может, безумно любил...

Где-то я был твоей тенью,
Падал покорно к ногам,
Ты ж мне была отраженьем,
Гидом по путаным снам.

Весь лабиринт воплощений
Вечность не даст нам пройти.
Вехи надежд и сомнений –
Камни на долгом пути.

Кто ты, знакомый мне образ,
Кто ты, таинственный свет?
Тысячелетний наш возраст –
В вечность зелёный билет.

Не прощаясь

Хожу я из комнаты в комнату,
О память царапаю душу.
Не слишком подробно
я помню всё
И сердце стараюсь не слушать.

Оно же мне шепчет украдкой,
Всё долбит, как капли по камню,
Что любишь меня без оглядки ты,
Что с этой бедой я не справлюсь.

Любовь твоя – сила дремучая,
И с ней без хлыста не управиться.
Пусть сразу порвать
не получится,
Пусть это тебе не понравится.

Пусть будет и больно, и холодно,
Пусть слёзы рекой очищающей.
Всё будет ещё, ты ведь молод так.
А я ухожу, не прощаясь.

Друзья уходят

Как больно, что порой друзья
уходят,
Успев простить остатки от обид.
Всё как всегда,
но сердце не находит
Покоя, когда смертный час
пробит.

И я боюсь, что свет в окне
померкнет,
Что станет жизнь
бессмысленно-пуста,
Когда простое проявление смерти
Ошибочно сотрёт
твой лик с холста.

Летать

Ты не знаешь, милый,
Ведь я умею летать...
Я читаю старинные сказки
Умерших народов,
В них невзгодам и бедам
Тебя никогда не достать,
Ну а счастье приходит
Не только на миг, а на годы.

Ты не знаешь, милый,
Что значит волшебный полёт
К горизонту. А солнце – вверх,
А земля – за туманом.
Там мечта в необъятную высь
Зазывает-зовёт,
А всё то, что внизу,
Представляется мелким
и странным.

Ты не знаешь, милый,
Как лёгкий воздушный поток
Обнимает тебя невесомым
Теплом колыбели.
И, как гость посетив
Сей прекрасный небесный
чертог,
Вновь домой возвращаешься
День доживать на пределе.

Эпитафия неудавшейся любви

Душа – как кладбище.
Могилки и кресты.
Я после долгой боли
Всё похоронила.

Я под одними,
Под другими ты.
А в третьих – то, что раньше
Между нами было.

Была надежда,
Был покой, уют и мир.
А что осталось?
Только мрачные надгробья.

И те, кто в прах всё превратит,
Творят свой пир,
И пара вялых роз
Лежит у изголовья.

Здесь нет улыбки,
Пониманья, добрых слов.
Здесь лишь обида
Час победы торжествует.

А меж камнями
Ходит призраком ЛЮБОВЬ
И об ушедшем
Тихо плачет и тоскует.

Оксана Дудкина

с.Матыра, Луховицкий р-н,
Московская обл.

Родилась в Выборгском районе Ленинградской области. В трёхлетнем возрасте вместе с родителями переехала жить в с.Матыра, Луховицкого района, Московской области, где по сей день и проживает вместе с мужем и дочерью.

Работает начальником почтового отделения в родном селе.

Стихи начала писать в юном возрасте, но это было скорее для себя. Первые произведения были опубликованы в сборнике «Акварели любви» в 2011 году.

Однажды устав от побед и сражений,
Устало потупив свой взор,
Ты сядь со мной рядом,
Мой спутник бесценный,
И брось свои мысли в костёр.
Пусть в этом костре твоих бывших лишений
Сгорит всё, что было с тобой,
И тяготы, мысли, любви лицемерья
Огонь уведёт за собой.
Быть может, ты очень устал по дороге,
Присядь, отдохни, а потом –
Ты снова в дорогу, где снова лишенья,
Возможно, в последний поход.

Я сейчас понимаю,
Что с тобой не жила.
Я ведь только страдала
И собой не была.
Я брела по указке,
То и это нельзя,
И жила, словно в сказке,
Что пугают ребят.
Ты хороший и милый,
Только нет больше сил.
Ты прости, что любила,
Я прошу, что любил.
Ты хороший, хороший,
Только я не твоя...
Может, чёрствый немного,
Ты забудешь меня.
Всё укроет снегами,
Запорошит зима,
Жизнь весной оттаёт,
Но уже без тебя.

Сонный вечер покрывалом
Нежно плечи мне прикрыл
И как будто бы наваял
Всё, что я совсем забыл.
Запах летнего дурмана,
Аромат лесных лугов,
Будто не было обмана
И твоих фальшивых слов.
Опьянил и задурманил,
Нежно плечи принакрыл,
Может он поможет вспомнить
То, что я совсем забыл...

Сидела девица одна,
В окно открытое глядела.
На ветке птичка песню пела...
Всё пела о любви она.

О том, как хорошо за речкой,
Где милый паренёк живёт.
О том, что и его сердечко
То замирает, то поёт.

Слетай-ка, птичка, в ту сторонку,
Скажи милёнку моему,
Что у окна одна девчонка
Грустит, вздыхая по нему...

Осенняя блажь листопада,
И листья кружат на ветру.
Нет, грусти мне больше не надо,
Ведь я никогда не умру.
Я буду в осеннем солнце,
В реке, что бурливо течёт,
Я буду в цветах, что завяли,
И в сердце твоём, что живёт.

Берег моря, у причала целовала я тебя
И на ласки отвечала, нежно волос теребя,
Целовала, обнимала, говорила, что люблю
И измены и обмана никогда не потерплю.
Облака нас накрывали, ветер ласково шептал,
Я совсем не замечала, как на море шторм играл.
Волны, бешено танцую, нас накрыли с головой.
После этого пропал ты, где сейчас ты, милый мой?

Любовь бывает трудная,
Любовь бывает нудная,
Бывает с огорченьями,
С изменами, влеченьями,
И криками, и ссорами,
Угрозами, раздорами.
Любовь бывает разная,
Но, как ни поверни,
Скажу: «Она прекрасная...
Прекрасная и страстная.
А ссоры и раздоры
Все будут позади.

Валентина Дьяченко

п. Андреевка, Балаклейский р-н,
Харьковская обл., Украина

Родилась в Полтавской области, но родным считаю посёлок Андреевку Харьковской области, так как прожила здесь самую большую часть своей жизни. Замужем, есть сын и лапочка-дочка. Работала на стройке, железной дороге, с начала 90-х частный предприниматель. Все жизненные эмоции выливаются в стихи.

На твоих ногах

На твоих ногах пыль дорог
Тусклый сумрак прохожих улиц
Все дороги вьются, ведут на порог
Возвращаясь от мокрых куриц.

Нежным взглядом рассеянно взглянешь
И брелок на руке вращая
Посмотрев в глубину твоих глаз
Я снова тебя прощаю...

На моих губах горечь слёз
Быть желанной всего на мгновение
От ушедших иллюзий и грез
Нужной быть – это просто везение.

Между нами стена, как пропасть
Мы летаем туда, обратно
Ты пойми – изменив хоть раз
Поменяется все безвозвратно.

На твоих ногах пыль дорог...

Вы ничего такого не сделали
Чтобы мне лично понравиться
При взгляде на Вашу походку
В душе что-то вдруг обрывается...

Мысли не высказав вслух
Уже по дороге теряются
Но вы не подали виду
И это опять же мне нравится.

Быть может что это странным
Конечно же Вам покажется
Но вы остаетесь на месте
И эта уверенность нравится

Сумбурность моих поступков
Лишь только одним объясняется
Что Вы, ничего не делая,
Сидите, но мне это нравится

А может я все придумала
Быть может самой мне кажется
Но всплеск эмоций и чувств
Уже и самой мне нравится.

Грусть

Прости, что была и прости, что задела.
Поверь – я такого совсем не хотела.
Как будто трава и листва пожелтела.
Наверно, тобою я просто болела.

Зовёшь ты и манишь, потом отвергаешь.
Чего же сам хочешь – ты не понимаешь.
И в искренность веришь, меня забываешь.
Конечно, от этого сам не страдаешь.

Зачем я была?.. Почему я так мыслю?..
Зачем, для чего, почему же так вышло?
Слова все ушли... и затем тишина.
Между нами стена, ты один, я одна...

Осень

Упала жёлтая листва с дерева
Я не сказала тебе правду, не осмелилась.
О том, что дни проходят так невесело
Об этом тоже я сказать не осмелилась.

О том, что сердце переполнено страданием
И что устала жить одним ожиданием
И почему мне любить тебя велено...
и что взаимная любовь – не уверена.

И вот сижу вечерами я тихими
Да слышу только как часы тикают
Решаю вновь все сказать при случае
Ну вот зачем ты опять меня мучаешь?

Решаю может, позвонить тебе надобно?
Иль напоила она тебя снадобьем?
Где же чувства твои добрые растерялись
Или мало мы с тобой настрадались?

И обида меня добивает
Что же делать теперь?.. я не знаю
Ты не видишь – мне больно, страдаю
И как угли в костре догораю...

Сергей Иванов-Мехнин

г. Борисоглебск, Воронежская обл.

Иванов Сергей Николаевич (литературный псевдоним, Иванов-Мехнин Сергей). Образование высшее. Член Союза дизайнеров России, член Русского Литературного Клуба (Москва). Художественные выставки (Россия, Польша, Казахстан). Старший преподаватель факультета ДАС (дизайн архитектурной среды), ВГАСУ (Воронежского государственного архитектурно-строительного университета) (г. Борисоглебск). Руководитель дизайн-студии «Живая линия». Участник поэтических проектов: «Чувства без границ», «Золотая строфа» (2009 и 2010 г.г.), «Зов Нимфея», «Стихи.Ру», «Поэт года – 2011», «Поэт года – 2012», «Наследие» и т.д. Творчески активен. Любит поэзию, шахматы, музыку и хороших друзей.

Дождь осенний вальсом кружится,
Листопадная Осень светится.
В продолжении Мы –
это нужно Нам
Для того, чтобы снова
встретиться.

Раскудрявилась Осень клёнами,
Травы шепчут, дурманят голову.
Мы друг к другу спешим
с обновлениями,
Наши мысли летают над городом.

Это ты моя песня звонкая
Лучей солнечных с перекатами.
Ну а взгляды бывают колкие,
Всё с восходами да с закатами.

Ты во сне, словно радуга яркая,
А улыбка твоя – Осень спелая.
То с ней холодно, а то жаркая,
То плывёт, будто облако белое.

В лужах солнышко отражается,
Блики – словно улыбки светлые.
Как всё здорово получается,
Пусть вопросы висят
безответные.

Моя милая! Сколько сказано!
Как люблю Я тебя! Моя светлая.
Ухватиться бы за душу сразу нам,
Раствориться с попутными
ветрами.

Почему ты такая прекрасная?
А душа родниково-чистая.
И пою для тебя не напрасно я,
Ты вся светишься, ты лучистая.

Все слова твои мудро сказаны,
Слово каждое в строчке светится.
Это сверху, наверно, указано,
Это Осень при ясном месяце.

Это ты меня чем-то встревожила,
Это гривы коней белокрылые.
Как с тобой хорошо и не сложно,
И шаги, и слова твои милые.

Я люблю! Ты как облако лёгкое,
А сравнить уже не получается.
Ты – как Осень своею походкою,
Но деревья от ветра качаются.

Ты моя элегантность и грация,
Ты взрыв моей скромной души.
Моя по Весне навигация,
А по берегам шалаша.

Моя! Это слово волшебное,
Моя! Это – грусть затая.
Моя! Это слово лечебное.
Хватаясь опять за края,

Хватаясь опять за возможное,
Прошедшее не повернуть.
Бывает простое и сложное.
Проснулся, чтоб снова уснуть.

Ты счастье моё долгожданное,
Ты утро светлого дня.
Моя ты родная, желанная,
Моя ты! Моя ты! Моя!

Моя Любимая! Я рядом!
Твоё волнение – это Я.
Пусть НАС засыплет листопадом
Во время летнего дождя.

Пусть НАС преследует цветенье
И вздох весеннего ручья.
Моё к тебе опять волнение,
В нашей игре опять ничья.

Ты далеко, но снова рядом,
Я слышу тёплое дыханье.
А Мы друг другу очень рады,
Как ветер. Листья. Колыханье.

Котёнку из Алфавита

Как мало о Любви сказали,
Я жаден до любви своей.
Меня, конечно, не узнали,
Я стая белых лебедей.

Я стадо облаков летящих,
Я думал – Я. А это Мы.
И дней, куда-то уходящих,
Их удержать, тащить из тьмы, –

Один, но это не под силу.
Нас двое. Рядом. Ты и Я.
Мне прошептала: «Мой любимый».
А Я сказал: «Любовь моя».

Я трогал взглядом твои плечи,
В твоих глазах любовь Моя.
Твои слова сильней карточка,
А крылья – как у журавля.

В твоих ладонях задыхаюсь,
Ты светлая Любовь Моя.
К тебе опять Я возвращаюсь,
Где у меня свои края.

И это солнечное имя,
Движенья ласковее сна.
Это опять Моя любимая,
Моя прекрасная Весна.

Как мало о Любви сказали,
Я жаден до любви своей.
Меня Вы снова не узнали,
А Я люблю ещё сильней.

*Не существует ни добра,
ни зла,
Ни абсолютно белого,
ни адски чёрного.
Всё серо, радужно,
прекрасно... Да!
Цветов и вариантов
очень, очень много...*

Котёнок из Алфавита К17С

Нет доброго и злого.
Мы рядом. Ты и Я.
Тебе Я своё слово –
На крыльях журавля.

Я напишу красиво,
Ни весело, ни грустно,
О том, что с нами было,
И на душе не пусто.

О том, кто будет с нами,
А ты со мною рядом.
Не спорим мы с дождями,
Нам этого не надо.

Люблю тебя Я просто,
Улыбку и волнение.
Ты небольшого роста,
Моё ты откровение.

K17C

У любви нет возраста,
Есть слова лучистые.
Рано или поздно,
Медленно ли, быстро.

Есть тепло душевное,
А слова наивные.
Мы с тобой не первые,
Наши ночи длинные.

Наши ночи сладкие,
Поцелуи нежные.
Ты моя. С загадками,
Ты моя безбрежная.

Ты моя любимая,
Я твоё дыхание.
Небо светло-синее
Обратит внимание.

Я люблю тебя, моя светлая.
Я люблю тебя, моя милая.
А дарю тебе зиму, лето Я,
Да и небо вот это синее.

Ты мой дождик, осенняя радуга,
Пусть дороги опять неровные.
Да и это НАМ очень надо,
Нам не нужно на всё готовое.

Потому ты душа моя чистая,
Я люблю и опять задыхаюсь.
Мы с тобою, с осенними листьями,
Ты мой праздник, я снова
встречаюсь.

Задыхаюсь от счастья прозрачного,
От мысли и взгляда лучистого.
Мы что-то с тобой обозначили,
Душевную Музыку. Чистую.

Моему котёнку
из Алфавита K17C

Ты запах молока парного,
Ты разный взгляд и тишина.
Я обращаюсь снова, снова,
Я говорю: «Ты мне нужна».

Я говорю. Нет, нет! Пою!
Ты музыка! На фоне Осень!
А я совсем один стою,
Лишь ветер облака уносит.

И твою светлую печаль,
И голос раннего журчанья.
Это прозрачная вуаль,
И радость в ней, и наказание.

Но радость для души моей,
А наказание суетное.
Где тень качнулась тополей,
А небо синее, большое.

И ты прекрасная моя,
Я задыхаюсь от волненья.
Цепляюсь снова за края
И собственное впечатление.

Со звоном брызнуло стекло,
Где блики в лужах отразились.
Это душевное тепло.
А может, это Вы приснились.

А может, я совсем другой.
А может, это тишина
Отчаянно идёт за мной.
И всем, и мне она нужна.

Пришла! И что же с тобой делать?
Ты как граница берегов.
Но если кто-то очень смелый,
Не надо больше лишних слов.

Но есть дороги без начала,
Куда-то мы всегда спешим.
Ночная птица прокричала
Печальным голосом своим.

Я музыка твоя, а ты мой нежный хулиган

От котёнка из
Алфавита K17C

Ты музыка, я хулиган,
Ты нежный взгляд, а я волненья.
Я от любви бываю пьян,
От собственного впечатленья.

От слов твоих – ручья журчанье.
Движенья – ласковее сна.
И ветра тихое звучание,
И нота соль, и нота фа.

А вместе – как аккорд двузвучный,
Как гармоничные движенья.
Как ночь и день. Благополучны.
И как по времени скольжение.

А мы – как белая бумага,
Мы чистые – как белый снег.
Кому-то что-то очень надо,
Туда мы устремляем бег.

Преграды нет, но есть волненья,
Желанье светлого начала.
И мы опять под впечатлением,
Но чтобы музыка звучала.

Откуда берутся слова,
предложения,
Откуда нам дуют
попутные ветры!
И в чём проявляется
наше стремление,
И что нам дают
эти глупые метры!

Мы ищем,
но это уже нам не надо,
Мы мчимся,
наткнувшись на серые стены!
Но облака –
словно белое стадо,
Мы синие, красные,
жёлтые стрелы!

Мы горы огромные,
цвет ожидания,
Мы лес бесконечный,
мы в звоне цепей!
Мы счастье, любовь,
мы большое страданье,
А в результате
мы стали смелей!

*Порой одна
в минуты размышления
Я думаю о тайне жизни
и вселенной.
Мы пыль светил
и атомов сложение,
И бесконечна жизнь,
как беспредельно
превращение.*

Котёнок из алфавита K17C

Мы были, были и вернулись,
А мысли были о высоком.
И души наши прикоснулись,
Им было очень одиноко.

Из края в край переходили,
А серых стен там было много.
Себя искали и бродили,
Чтобы найти свою дорогу.

Чтобы друг к другу прикоснуться
Душою чистой,
светлым взглядом,
Но, уходя, опять вернуться,
Дождём осенним, листопадом.

Поцеловать и в бой суровый
Уйти! Но я вернусь опять.
И день придёт, я верю, новый,
Мы вальс свой будем танцевать.

И нас закружит наша Осень,
Мы в вальсе, в танго – как во сне.
И пусть сознание уносит,
Шагнув из Осени к Весне.

Там запоёт душа, цветение,
И ты хорошая Моя.
Моё ты светлое волненье,
Где Я цепляюсь за края

Своих сиреневых оттенков,
Где милый взгляд и тишина.
Но мчится часовая стрелка,
О берег пенится волна.

А мы опять на перекрёстке,
Мы ищем правильный ответ.
Порой бывает очень жёстко,
Чтоб вместо ДА ответить НЕТ.

Но для кого-то бой без правил,
А кто-то ногу подвернул.
А кто-то кобуру поправил,
Лениво всё-таки зевнул.

Но циферблат для всех единый,
И небо светлое для всех.
Плетёт нам кто-то паутину,
А где-то радостный лишь смех.

У меня есть тёплый ветер,
Ночь сиреневых оттенков.
Я однажды друга встретил,
Я раздвинул серость стенок.

Это Осень нашептала,
Сыпет, сыпет листопадом.
Мне дорогу показала,
Ту, которую мне надо.

Я не верил, сомневался,
Я искал тебя повсюду.
Сам себе я признавался
И на счастье бил посуду.

Подломить хотели крылья,
Уронить, что не подняли.
Но они опять забыли,
Не поняв, что мы сказали.

Наше слово – как защита,
Наши мысли – цвет сирени.
Если дверь будет закрыта,
Мы не встанем на колени.

Мы по радуге с дождями,
Нас засыплет листопадом.
Скажем о любви словами,
Это очень, очень надо.

Твои волосы пахнут дождём,
Твои губы – как спелая вишня.
Это счастье – когда мы вдвоём,
Ветра дыхание слышно.

Шелест травы у ручья,
Шёпот берёзы – как песня.
Волны, о берег, ворча,
А ты улыбайся и смейся.

Ты светлая радость моя,
Движения лёгкого облака.
И! – ничего не тая,
В тумане огромного города.

А город – огромная грусть
Силуэтом ложится на плечи.
Уходя, я, конечно, вернусь,
Волнением окутана встреча.

Это мы с тобой пахнем дождём,
Это мы листопадная Осень.
Это счастье, когда мы вдвоём,
Волнение в завтра уносим.

Томится день в кустах сирени,
Он так же одинокий, как я.
А ветер, вставший на колени,
Прощенья просит у ручья.

Он у меня прощенья просит,
За что, пока не знаю я.
И звук за горизонт уносит,
Ничто от нас не утая.

А мы по-прежнему скитальцы
Из края в край, через края.
И снова тонут в струнах пальцы,
И снова До, Ре, Ми и Ля.

А звуки льются, нагнетая
То радость... Грусть...
Напополам.
И душу мне опять терзают,
Прислушавшись к моим словам.

А мне тебя понять бы надо,
Моя нечаянная грусть.
Ты соткана из листопада,
В твои я кудри окунусь.

К лицу прижму твои ладони,
Моя ты светлая душа.
По полю мчатся твои кони,
А ты на фоне хороша.

Зелёный, красный, жёлтый, синий,
Улыбка – праздничный наряд.
В потоке пламя уносило,
Но там другое говорят.

У них другие взгляды, мысли,
И вид у них совсем другой.
Над нами радуга повисла,
И цвет у неба голубой.

Я, как губка, пропитан именем,
Как горячих лучей ожидание.
Я со снегом к тебе и с ливнями
Спешу Солнышком на свидание.

Спешу речкой к тебе с перекатами,
Где деревья стоят рядочками.
Я с рассветом приду и с закатами
И найду тебя между строчками.

Ты моя со своими взглядами,
И улыбка твоя в волнении.
Не волнуйся, любимая, рядом я,
Ты моя! Ты моё вдохновение.

Свет струится, к нам под ноги
стелится,
Рядом Осень – она проказница.
Я люблю! Ну а мне не верится,
Будто кто-то в окошко дразнится.

Небо светлое

Небо светлое душу радует,
Грусть у Осени листопадная.
Лист кружится, на землю падает,
Да и утро уже прохладное.

Лето в прошлом. Зима-метелица,
А с тобою большая разница.
Ну а Осень под ноги нам стелется,
Вдохновение получается.

Ты пришла и душою принята,
С чистой совестью, но с загадкой.
А дождями дороги вымыты,
Ну а Осень местами сладкая.

И бывает она ворчливая,
А местами до слёз и грустная.
А во взгляде она суетливая,
Поцелуи нам дарит вкусные.

Но печали бывают потеряны,
Где-то светлые и одинокие.
Невозможно, чтоб всё
проверено,
Они близкие и далёкие.

Ну а наши над нами кружатся,
Всё над нами, да листопадные,
Это Осень упала в лужицу,
Но вода там уже прохладная.

Ты песня моя журавлиная,
Осенняя грусть – листопадная.
Ты и трель моя соловьиная,
Рядом с тобою, рядом я.

Ты песня моя окрылённая,
А взгляд твой зарницею светится.
Ты светлая и влюблённая,
Цветение яркого месяца.

Все слова небывало сказаны,
Я люблю твою походкою.
Наши светлые души связаны,
Облака висят да над лодкою.

Её волны ласкают бежавшие,
Вёсла тонут. Вода светло-синяя.
Ну а мысли то наши прекрасные,
Говорю я тебе: «Моя милая».

Говорю я тебе: «Моя нежная»,
Ты как пёрышко журавлиное.
Оно чистое и белоснежное,
А дорога короткая, длинная.

Александр Ильин

г.Чебоксары

Какая б боль или тоска
 Меня смертельно ни томили,
 Твои бездонные глаза
 Меня таинственно хранили.

Какая б бездна темноты
 Вокруг меня ни бушевала,
 Я вспоминал твои черты –
 И всё куда-то пропадало.

Твоя безмерная любовь
 И беспредельное терпенье
 Меня спасали вновь и вновь,
 Оберегая от падений.

Куда б ни бросила судьба –
 Ты, как всегда, была со мною,
 Ты тяжкий крест мой подняла
 Своею слабою рукою,

И мой страдальческий венец
 Ты добровольно разделила,
 И если я теперь – певец,
 То ты – моя немая сила.

Все мои мысли и дела
 Озарены твоей любовью,
 И, может быть, вся жизнь моя
 Вдохновлена одной тобою.

Ведь, как и прежде, вновь и вновь
 Твоё безмерное терпенье
 И беспредельная любовь
 Меня спасают от падений.

Ведь, как и прежде, вдалеке
 От своего родного дома,
 В чужом краю, в чужой толпе,
 В минуты горестной истомы,

В часы мучительной тоски,
 В часы душевного смятенья
 Я вспомню лишь глаза твои –
 И тихо плачу в утешенье...

2

Ты сама понимаешь, родная:
 Наша жизнь хоть совсем непростая,
 Наша доля – всё же не горе,
 Ведь без соли не может быть моря.
 Наша доля – два облака в небе:
 Ты да я, нам некуда деться.
 На двоих нам – и счастье, и беды,
 На двоих – словно общее сердце...
 Ты всегда будешь рядом со мною.
 Кто придумал такое – не знаю.
 Но и если своею душою
 Я достигну когда-нибудь Рая,
 Ты и там будешь вместе со мною...
 Такова наша доля, родная.

О, одинокая луна!
 Ты, как всегда, так далека,
 И, как всегда, тебе не спится;
 И сквозь серые облака
 На голубые берега
 Твой свет загадочный струится.

Какой же тайной неземной,
 Какой неведомой судьбой
 Гонима ты в своей печали,
 Что только лишь ночной порой
 С такой тревогой и тоской
 Твой свет струится золотой
 На очарованные дали?

И кто же, кто же скажет мне,
 Какая сила есть в тебе,
 Какая тайна в твоём свете,
 Что нет покоя при луне,
 И воют волки в тишине,
 И поклоняются тебе
 Только безумцы и поэты?..

О, одинокая луна!
 Какая глупая судьба
 Так породнила нас с тобою,
 Что нет мне места среди дня,
 И лишь одно хранит меня:
 Твой свет печальный над землёю.

Маме

Светлой памяти моей мамы...

1

В часы мучительной тоски,
 В часы душевного смятенья,
 Средь безысходной пустоты
 Земных метаний и волнений,

В сиянье дней, во тьме ночей,
 В слепом бреду больничных коек,
 Под острым скальпелем врачей,
 На грани всех земных устоев

Я жил лишь мыслью о тебе,
 Лишь о тебе воспоминаю.
 В моей страдальческой судьбе
 Ты стала светлым ожиданием.

Над домами тучи плыли,
Фонари перегорели.
Люди больше не любили,
Люди жили, как умели.
В магазины заходили,
Покупали, продавали...
Над землёю тучи плыли,
В небе Ангелы рыдали.

Звезда моя, звезда моя,
Я до сих пор не знаю,
За что я так люблю тебя,
За что я так страдаю.

Но по-другому не дано
Мне жить на этом свете...
Звезда моя, всё хорошо,
Пока ты светишь где-то!

Сердце, сердце, не молчи
В темноте ночей,
Ярким пламенем свечи
Душу обогрей,
Нежным пламенем любви
Землю обними...
Сердце, сердце, не молчи –
Трепетней тучи!

Ветер мчится над землёю,
Звёзды блещут в вышине.
Ночь незримою троюю
Тихо бродит по земле.

И горят во мгле высокой
Неземные жемчуга,
И заглядывают в окна
Бесконечности глаза...

Русалка

Ночь таинственными снами
Обнимала города,
И сияла над полями
Одинокая луна.

И, притягивая взоры,
От звезды и до звезды
Пролетали метеоры
И горящие шары.

Только ведали об этом
Лишь река, и лес, и дол,
Только папоротник где-то
В тайных зарослях расцвёл.

Только голос чей-то странный
Всё кружился над рекой,
И тревожный, и печальный,
И зовущий за собой.

Горько-горько, жалко-жалко
Сквозь туманы на лугу
Тихо плакала русалка
На далёком берегу.

Её бледные ладони
И зелёные глаза
Были звёздной грусти полны,
Как ночные небеса.

И летел сквозь злые ветры
И сквозь призрачные сны
По всему по белу свету
Плач русалки у реки.

Но никто не мог услышать,
Но никто не мог понять,
Отчего так болью дышит
Её милый, нежный взгляд.

Лишь деревьям было жалко
И туманам на лугу
Златовласую русалку
На далёком берегу.

Лишь во мгле тревожной ночи –
Непонятно, почему, –
Мне всё снились её очи,
Её слёзы на ветру.

И, себя не понимая,
Я кричал сквозь сон в ночи:
«Ты прости меня, родная!
Ты прости меня, прости...»

Мы забыли, как любили
Сказки добрые свои,
Мы мечту в себе убили
И тебя не сберегли.

Где ж теперь на белом свете
Я найти тебя смогу?
Где ж тот берег, где те реки
И туманы на лугу?..»

Но мой сон бледнел и гаснул,
И заканчивалась ночь,
И уже рассвет прекрасный
Гнал ночные грёзы прочь.

Лишь сквозь утренний звенящий
Наступающий рассвет
Я услышал уходящий
Милый, ласковый ответ:

«Ты найдёшь меня повсюду –
И в лесу, и у реки.
Только верь, как прежде, в чудо.
Только помни о любви!»

Пожалуйста, не верьте,
Что принцев больше нет!
Прекрасное сумеете
В убогом рассмотреть.

Такая уж эпоха:
Прекрасные черты
Сокрыты в тайне вздоха
И трепете руки...

Сердце на ладошке

Солнце за окошком
Встало на заре.
Я поспал немножко
В звёздной тишине.
Я поспал немножко,
И в объятьях сна
Снились мне ладошки,
А на них – звезда.

Снились мне ладошки,
А на них – заря...
Солнышко в окошке
Встретило меня.
Солнышко в окошке,
Солнышко во мне.
Сердце на ладошке
Я дарю тебе.

Сердце на ладошке,
Солнышко в груди;
И горят в окошке
Лучики Зари.
И горят в окошке
Лучики Любви...
Сердце – на ладошке
Матушки-Земли!

Маленькая звёздочка
Сияла в вышине –
Маленькое солнышко
В бездонной глубине.
Маленькая девочка
На ласковой земле
Шла навстречу звёздочке
По утренней росе.

Маленькая девочка
С неведомой дали
Думала, что звёздочка
Ей скажет о Любви.
Думала и верила,
Что счастье – не обман,
Что не зря приснился ей
Ветер дальних стран,
Что не зря сияла ей
Звёздочка вдали,
И звенела музыка
У неё в груди...

Маленькая девочка
С неведомой земли
Шла навстречу Солнышку
По Млечному Пути.

Я не умею быть таким,
Каким хочу тебе казаться,
Я лишь умею улыбаться
Глазам загадочным твоим.

Я лишь умею до утра
Смотреть на сказочные звёзды
И в тишине легко и просто
Писать сонеты для тебя.

Я лишь умею быть таким,
Что подойти к тебе не смею.
И пусть тобой я не любим,
Я по-другому – не умею.

Сияющий ангел тебя проводил,
В дорогу тернистую благословил.
Сказал, улыбнувшись: «Не бойся, иди!
Пусть жизнь нелёгкая ждёт впереди,
Но помни тот свет, что сияет в груди.
Дари его людям, безмерно дари.
Когда же дорогу пройдёшь до конца,
Мы встретимся снова в сиянье Отца.
Мы встретимся снова... Теперь же – иди.
Господь не оставит тебя на пути».

Сияющий ангел тебя проводил
И в путь неизведанный благословил.
Но ты позабыла святые глаза.
Лишь снились тебе по ночам небеса.
Лишь песня всё громче звучала в душе.
И шла ты, босая, по грязной земле
Сквозь боль и страданья, сквозь ветер шальной,
Сквозь страх и отчаянье вечно одной
Идти по пустынным дорогам земли
Средь каменных джунглей, где нету любви,
Где тьмою покрыты людские сердца,
Где все позабыли о Слове Отца,
Где ты никому, никому не нужна.
Лишь песня всё громче звучала твоя,
Лишь сердце всё бешеней билось в груди,
И падали звёздами слёзы твои...

Когда же у самой последней черты,
Смертельно усталая, падала ты,
Сияющий ангел вставал на пути
И тихо шептал: «Не печалься, смотри:
На мёртвой равнине цветы проросли,
И люди запомнили песни твои!
Господь не оставил тебя на пути.
Иди же смелее навстречу Любви!..»

Нам всем порой приходится несладко,
Мы мечены неласковой судьбой,
И наша жизнь – как белая тетрадка,
Забытая на серой мостовой.

Растрёпанная, грязная, немая,
Затоптанная множеством сапог,
Лежит она в ничтожестве, рыдая,
На краешке не пройденных дорог...

А время мчится вдаль, и не измерить
Нам чашу ожидающих невзгод.
Но надо верить, надо всё же верить!
Но надо всё же двигаться вперёд!

И может быть, не зря мы будем биться.
И может, чья-то детская рука
Однажды на изорванных страницах
Начертит неземные письма!

Зачем грущу? О чём мечтаю? –
Лишь небеса, наверно, знают.
А я, не ведая, иду
Навстречу Солнцу своему.

Годы летят, а душа не взрослеет.
Глупо мечтает и верит наивно.
Хочет любви, а любить – не умеет.
Грезит о счастье, а в горе – бессильна.

Ах, мне не надо бы думать о счастье!
Мне бы пора становиться мудрее.
К фальши и глупости быть безучастней,
В бедах и трудностях – быть бы сильнее.

Но сердце глупое бьётся – как может.
Медленно веточка тянется к свету...
Годы летят. Но мне верится всё же,
Что не напрасно. Ждёт счастье нас где-то.

Декабрь

Декабрь – пора очарованных звёзд,
Декабрь – пора белоснежных мечтаний...
О, милый, ты даришь мне столько сияний
Серебряных чувств и серебряных грёз!

Пусть кто-то считает суровым тебя,
Но ты не суровый, ты светлый и чистый;
Твой ветер морозный и холод лучистый
Рисуют цветы на стекле для меня.

Твои голубые метели в снегах
Поют по ночам мне волшебные сказки,
И снится мне детство, снежки и салазки,
И слёзы, и радость, и снег в волосах.

И снится в огнях новогодняя ёлка,
Предчувствие чуда и нежная грусть...
О, милый декабрь, ты даришь мне столько
Серебряных снов и серебряных чувств!

О люди, о мои родные люди,
Вы знаете, у нас ещё всё будет,
У нас ещё вся радость впереди.
Мы будем жить, надеяться и верить,
И будет счастье наше не измерить,
И будет мир в сиянии любви!

Вы слышите: весна не за горами,
Уже рассвет прекрасными цветами
Раскрашивает тёмный небосвод.
Нам только бы пройти ещё немного,
Нам только бы свернуть на ту дорогу,
Где за собой нас Истина зовёт.

Конечно, будет всё не так уж просто,
И грозная, пугающая пропасть
Разверзнется под каждую стопой.
Но Истина Любви нас не обманет,
И каждому ладонь Свою протянет,
И поведёт спасительной тропой.

Я знаю, что всё будет не напрасно.
Когда-нибудь придёт Рассвет прекрасный
И беды все растают, словно сны...
О люди, о мои родные люди!
Вы знаете, у нас ещё всё будет,
У нас ещё всё счастье впереди.

Весна

Я жду тебя в неведомом волнении,
 Душа моя томления полна.
 Как сладко мне твоё прикосновенье!
 Как радостна улыбка мне твоя!

Ты юная. Ты весело ступаешь
 По бледным, умирающим снегам,
 Ты звонким смехом сны мои пугаешь
 И сердце разрываешь пополам.

Но, Боже мой, за что мне эта мука!
 Ведь видишь: я давно уже не тот.
 В моей душе царят печаль и скука,
 И нет конца моих земных забот.

Я слаб и беден, я уже не смею
 Смотреть в твои бездонные глаза,
 И позабыл всё то, что я умею.
 Зачем же ты вновь мучаешь меня?

Зачем же это новое свиданье
 И эти взоры ясные твои?
 Зачем мне это новое страданье?
 Оставь, оставь меня средь тишины!

Но нет, ты так безжалостно наивна!
 Идешь, смеясь, навстречу всем ветрам.
 И тает снег под взорами твоими,
 И сердце моё рвётся пополам.

Мне никуда от этого не деться,
 Я знаю: ты опять ко мне придёшь,
 И будут снова сны мои – как в детстве,
 И будет снова лить весенний дождь.

И будут плакать мокрые карнизы,
 И расцветёт весенняя земля...
 О юная, прости мои капризы.
 Ты знаешь, как мне трудно без тебя.

Я буду ждать тебя и улыбаться.
 Я буду ждать сквозь вечные снега.
 Я буду вновь учиться не бояться
 Смотреть в твои бездонные глаза.

*Верю в Солнце Завета.
 Вижу очи Твои.*

Александр Блок.

Я увижу Тебя через тысячи вёрст,
 Я увижу Тебя через тысячи лет.
 Через сотни страданий и тысячи слёз
 Я стремился узреть Твой спасительный Свет.
 Только краешком глаза, только краем руки
 Я мечтал прикоснуться к одежде Твоей,
 Я стремился к Твоей одинокой Любви
 Через сотни огней и земных миражей.
 И за тысячи лет я не смог позабыть
 Те следы на песке, и Голгофу, и Крест.
 Я молился в ту ночь, я пытался любить.
 Я пытался... Но даже когда Ты воскрес,
 Я не верил Тебе. Я не верил! И вновь
 Твоя кровь запеклась на моих рукавах;
 И мы снова ругали и гнали Любовь
 В озверевших от боли и горя веках!..
 Я узнаю Тебя через тысячи лет,
 Я узнаю Твой взор среди тысячи глаз.

И в сиянии звёзд, и в движеньи планет
 Я искал сквозь века Твой спасительный Глас.
 Я прошёл сотни вёрст, я прошёл сотни стран,
 Я искал Тебя всюду до края земли,
 Но мне все говорили, что это – обман,
 Но мне все говорили, что нету Любви.
 Только звёзды всё ярче сияли во мгле,
 Только сердце всё бешеной билось в груди,
 И горели следы на горячем песке,
 Обнажая знаменья распятой Любви!
 И взрывал небосвод ослепительный Свет,
 И дрожала Земля, чуя поступь Твою!..
 Я увидел Тебя через тысячи лет.
 Я дождался Тебя. Я – иду. Я – люблю.

В моём сердце – как в доме большом и пустом,
 Гулким эхом дрожат отголоски печали,
 А из окон высоких небесным лучом
 Робко светят нездешние горние дали.

И мне чудится в свете том счастья звезда,
 Смех ребёнка и радость, улыбка любимой.
 Но лишь только коснусь – и опять пустота,
 И опять я один, грустный и нелюдимый...

– Душа моя туманная,
 Ну где же ты была?
 – Звездой безымянною
 В груди твоей спала.

– Во дни зимы холодные
 Как ты жила во тьме?
 – Надежда синеокая
 Давала силы мне.

– Над тёмной бездной грозною
 Как ты смогла пройти?
 – Свечою Вера звёздная
 Вела меня в пути.

Вела сквозь все страдания...
 А утром, на Заре,
 В багряных одеяниях
 Любовь пришла ко мне.

Вновь зима серебристой порошею
 Заметает дорожки в саду...
 Я желаю вам только хорошего
 В наступающем Новом году.

И не страшно, что там, за окошками,
 Плачет ветер и воет пурга,
 Пусть надежда своими ладошками
 Оградит ваше сердце от зла.

Пусть рождественской зимнею сказкою
 Вас коснётся дыханье Любви,
 И однажды, смущённый и ласковый,
 К вам вернётся ваш Маленький Принц.

Осеннее небо
Над тусклой землёй,
Опавшая верба
Грустит над рекой.

Закончилось лето
И тёплые дни,
Холодные ветры
Врываются в сны.

Но нету печали
И нету тоски,
Лишь листья упали
Под ноги мои.

Лишь в синие дали
Кричат журавли
О том, что настали
Осенние дни.

Что кончилось лето,
И вновь над землёй
Осеннее небо
Зовёт за собой.

Вике...

Солнышко, играя в прятки,
Снова скроется за тучи,
А ты веришь без оглядки,
Что растает снег колючий.

Что придёт весна, и снова
Мы с тобой сыграем в жмурки,
И тебя, как лучик солнца,
Я поймаю прямо в руки!

И не спрячешь ты улыбку,
Будет взор твой чист и ясен.
Моя маленькая Вика,
Посмотри, как мир прекрасен!

В этом мире много места
Для надежд, чудес и сказок,
Он нас свёл с тобою вместе,
Чтоб умножить нашу радость.

И играя с солнцем в прятки,
Мы забудем все печали,
Будем верить без оглядки
В то, о чём мы так мечтали!

Облака

Над землёю ветер
Гонит облака,
И летят по свету
Белые стада́.

И летят, и тают,
Как моя печаль,
И никто не знает,
Что зовёт их вдаль.

И никто не знает,
Что их ждут вдали
У порога Рая
Вестники Любви.

Чудо

Казак Андрею...

Над землёй кружился снег,
Снег земли касался.
Шёл по снегу человек,
Шёл и улыбался.

С непокрытой головой,
Тихий и несмелый,
Шёл, как будто над землёй,
По дороге белой.

Шёл и нёс в своих руках
Робкие снежинки,
И сияли в волосах
У него искринки.

И кружился белый снег,
И смеялись люди...
Шёл по снегу человек
В ожиданье чуда.

Новый год, Рождество, –
И земля в серебре.
В эту ночь волшебство
Прикоснётся к тебе.

В эту ночь небеса
Серебристым дождём
Сквозь седые снега
Постучатся в твой дом.

Ты лишь только не спи
И окошко открой,
Ты лишь только храни
В сердце свет золотой.

И всю ночь до утра
Будет мир в серебре,
И проснётся земля
В лучезарной заре.

И коснётся тебя
Нежный свет золотой...
Эту ночь до утра
Моё сердце – с тобой.

Накануне Рождества

Моей Леночке...

Опустив глаза печально,
Ты сидишь вновь у окна.
В этом мире всё так странно:
Рядом счастье и беда.

В этом мире всё непросто.
Мы и сами не простые.
Реже смотрим мы на звёзды
И цветные видим сны.

Этот мир и этот город –
Как замёрзшее окно:
Нас манят огней узоры,
А за ними – ничего.

Что же ты сидишь печально
У замёрзшего окна?

Может быть, не так уж странно
Нас свела с тобой судьба.

Может быть, не так уж сложно
Отыскать свою звезду.
Говорят, что всё возможно,
Если верить в доброту.

Говорят, что всё бывает:
И любовь, и волшебство...
Посмотри: стекло – растает,
Лишь дотронься до него!

Посмотри, как снег кружится
Над сияющей землёй,
И на волосы ложится,
И смеётся нам с тобой!

Этот снег другой, надёжный,
Он не тает на руках,
Он – лучистый, он – таёжный,
Он летал в иных краях.

Ты не веришь? Ты не знаешь.
Улыбнёшься лишь, шутя.
Только – видишь: снег не тает
На ладонях у тебя.

Этот снег – он необычный,
Он родился на земле,
Самый светлый, самый чистый,
Самый преданный тебе.

Он родился, он спустился
Вместе с Ним, явившим Весть,
В этом снеге отразился
Свет немислимых Небес!

Он всё видел, он всё знает,
Ты прислушайся к нему.
Этот снег – он не обманет,
Скажет всё начистоту.

Он-то знает: всё несложно,
Если сами мы – простые,
Словно этот снег таёжный,
Словно дальний свет звезды,

Словно этот мир безбрежный
Накануне Рождества...
Как же искренно и нежно
Я хочу тебе добра!

Как же искренно и страстно
Я хочу, чтоб люди все
Отыскали своё счастье
На потерянной земле.

Всё получится, я верю.
Надо верить до конца...
Ты открой тихонько двери,
Не сиди лишь у окна.

Не грусти и не печалься –
Новый год стучится в дом.
В этот год мы наше счастье
Обязательно найдём.

Мой друг, я заболел, я очень болен.
И хоть не знаю, чем и почему,
Мне сладостна болезнь, и по воле
Делиться ей ни с кем я не хочу.

Мне сладостно и больно. Я не знаю,
Откуда это всё ко мне пришло,
Чего хочу я и о чём мечтаю,
И почему весь день смотрю в окно.

А на окне прекрасные узоры –
Отрывок экзотического сна.
А за окном бескрайние просторы.
А за окном Россия и зима...

Россия. Что с тобой? Ты устала
И потому решила отдохнуть,
Укрывшись белоснежным одеялом,
Чтоб ничего не видеть и уснуть?

О нет, спала ты долго, и веками
Пыталась пробудиться ото сна.
Но не могла... и бредила меж снами,
Что будто пробудилась и жила...

О, долго ли так будет продолжаться?
О, долго ли ещё страдать тебе?
Я не могу тобой не восхищаться,
Я не могу не плакать о тебе.

Я не могу, и пусть, пусть я болею,
Пусть не как все – и незачем лечить!
Лишь знать бы, что не зря, что я сумею
Своими твои муки облегчить.

Лишь знать бы мне, что будет всё прекрасно,
Что ты проснёшься, и исчезнет ночь,
Что жизнь моя не пролетит напрасно
И беды все сумею превозмочь.

Лишь знать бы, где конец твой и начало,
Куда идёшь ты, милая моя?
Но этого никто, никто не знает.
Не знаешь, может быть, и ты сама.

Я болен. Болен я тобой, Россия, –
И думаю, и плачу о тебе...
А впрочем, мы сегодня все больные,
Мы нынче все немного не в себе!

В эти странные долгие ночи
Сон покинул наш дом.
Не смыкая усталые очи,
Мы сидели вдвоём
Возле окон тревожно-печальных,
И в звенящей тиши
Нам всё чудились в отзвуках дальних
Чьи-то крики в ночи.

А за окнами плакали ветры
И стонала Земля,
И казалось, что будто на свете
Полыхала война!
И казалось, во всём этом мире
Никого уже нет...
Мы сидели в бессонной квартире
И встречали рассвет.

Кораблик

Ах, моя глупая несмелость!
Мне столько вам сказать хотелось,
Но только лишь пришла пора –
И все слова куда-то делись.
А за окном уже оделись
Вечерним сумраком дома.

Но что же мне сказать, ведь всё же
На восемь лет я вас моложе,
Да и глупей наверняка.
А этот лист так чист и нежен,
Он так невинно безмятежен,
Что бесполезны все слова.

Уж лучше я листочек нежный
Сложу в кораблик белоснежный
И по неведомым волнам
Его отправлю в путь далёкий
К тем берегам, где вы живёте,
Где вы грустите по утрам.

И, может быть, однажды рано
Вы вдруг проснётесь с чувством странным
И, в трепете прильнув к окну,
Среди дорог оледенелых
Увидите кораблик белый,
Лежащий прямо на снегу.

Такой простой, такой бумажный,
Такой доверчиво-домашний,
Такой наивный и родной,
Он поселится в вашем доме,
И ваши нежные ладони
Его согреют добротой.

И будут дни бежать за днями,
А одинокими ночами
Вам будут сниться корабли,
И голубые океаны,
И удивительные страны,
И чей-то берег безымянный,
И чьи-то глупые стихи...

С утра до вечера читаю
Журнал по имени «Судьба»,
Но до сих пор не понимаю
Его незримые слова.

Они загадочно и нежно
О чём-то тайном говорят;
И верю, верю безнадежно,
Что я сумею их понять.

И пусть не ждёт меня удача,
И пусть не верю в чудеса,
Но, может, что-нибудь да значит
Журнал по имени «Судьба»?!

Людмила Катаргина

г. Медвежьегорск, Карелия

Годы мчатся, юбилеи, сколько нам на самом деле?
Ну кому какое дело? Лишь бы были юбилеи. Лишь бы повод веселиться,
лишь бы в гости завалиться,
Рассказать бы анекдот, хохотать, разинув рот. Годы мчатся, юбилеи,
сколько нам на самом деле?
Ну кому какое дело? Лишь душа б, как в 20, пела!

Друзьям

Когда мы были мелкими,
Качались на качельках мы
И с горочки на саночках неслись.
Играть любили в «домики»,
И маленькие гномики
На Рождество ходили вверх и вниз.

Окопы все проверены,
И дзоты перемерены –
Все тайны мы пытались разгадать.
В походах хлеб с черникою,
Малиною, брусникою –
Теперь такого хлеба не сыскать.

А помнишь ты, наверное,
На озеро Военное
Купаться отправлялись все гурьбой.
И наволочки белые
Надуем так умело мы,
И по-собачьи плавали с тобой.

Зимой на лыжах бегали –
Тогда нам равных не было.
Нас музыка звала, играла кровь.
И на коньках до одури
Катались мы, и вроде бы
Здесь зарождалась первая любовь.

Когда мы были юными,
То на мопедах шумно мы
Катались и играли в волейбол,
Встречали поезд улицей,
Уж крепко спали умницы,
А нас никто не мог загнать домой.

Когда мы были молоды,
Ходили тоже модными.
Свиданья, парки, танцы и рассвет.
И эта дружба чистая,
Такая бескорыстная,
В душе моей оставила свой след.

Моя родословная

Не знаю своей бабушки и с дедом не знакома.
Деревни нет Могучева, где родился отец.
Для нашей милой Родины всё это так не ново:
Кого-то раскулачили, кого-то – в Повенец.

На стройке века сгнули, в концлагерях
расстреляны
И по этапу пущены: «Вперёд, на Соловки!»
А в Сандармох, урочище, телами всё усеяно –
Особенно старались здесь, в лесу, большевики.
Смотрите, ямы, ямищи, осевшие от времени,
И сколько их, таких могил, считать – не перечесать.
Есть книги поминальные (там тысячи фамилий!).
Теперь я знаю, что мой дед средь убиенных здесь.

Песнь Медгоре

Городок в живописном краю
Омывает седая волна.
О тебе эту песню пою,
Дорогая моя Медгора.

Мне по сердцу пейзажи твои:
Даль озёр, голубой небосвод,
Огоньки электричек вдали,
И закат золотой, и восход.

Серебристость прозрачных ночей,
Валуны на речном берегу,
Родниковой водицы ручей –
Всё я в сердце своём берегу.

Здесь высокие сосны шумят,
О прибоях напомнив морских,
А суровые скалы глядят,
Повествуя о судьбах людских.

На онежском твоём берегу
Дети строят дворцы из песка –
Я не верить в тебя не могу,
Дорогая моя Медгора.

Здесь Онеги зеркальная гладь
Умножает ночные огни,
И с надеждой гляжу я опять,
Как сияют, мерцают они.

Мамины глаза

Ах, эти мамины глаза...
Я помню их, пока живу.
Они прозрачны, как слеза,
Мне не забыть их глубину.
Они могли свой цвет менять,
То серый, нежно-голубой,
То синевой начнут играть,
То отливать морской волной.
Ах, эти мамины глаза
Я не могу не вспоминать.
Они сердились иногда,
Они умели и прощать.

Теплели эти огоньки,
Лаская взглядом каждый раз,
Вели меня, как маяки,
И не было любимей глаз!

Мои крылья

Шесть крыльев я б иметь желала,
Как шестикрылый серафим.
Так, чтоб мгновенно прилетала,
Чтоб помогла крылом своим
Тебе подняться и парить:
Любимой быть, самой любить.

Ещё крылом закрыла б тучи,
Что б не сгущались над тобой,
(Но это так, на всякий случай).
Пусть светит лучик золотой!
Тебе он улыбнётся вдруг,
И станет всё милей вокруг.

И я тогда счастливей буду.
Сложу в коробку реквицит,
Надолго про него забуду –
До времени пусть полежит.
Сама ж я не рискну парить:
Я по земле люблю ходить!

Счастливая

Трамвай несётся, что есть мочи,
Звенит, колёсами грохочет.
Мы – в ЗАГС в полупустом трамвае
И ничего не замечаем.

Глаза блестят, сияют лица –
Мне это снится иль не снится?
Любимый рядом, и, конечно,
Жизнь хороша и бесконечна!

Букет прохожего был кстати,
Не подвенечным было платье,
Кольца на пальце нет – есть Он!
Сердца стучали в унисон.

И не было невест счастливей.
Стал мир вокруг ещё красивей...
Трамвай летит с весёлым звоном,
Отстукивая «Мендельсона».

Осенью в лесу

Мне что-то шепчет дивный лес,
Осенний луч меня ласкает.
О сказке той, в краю чудес,
И о тебе напоминает.

Сквозь бурелом вперёд бреду,
А ель хватает лапой цепкой.
Куда-то срочно скачет белка,
Грибы теряя на ходу.

Мне всё здесь радует глаза:
Брусничный пурпур, разноцветье.
Шуршит листвою шальной ветер,
А на цветке блестит слеза.

И журавли летят на юг,
Печальный крик волнует сердце.
Найти стараясь в сказку дверцу,
Я всё даю за кругом круг.

Отцы и дети

Просила ребят написать мне о маме:
Портрет и привычки простыми словами,
Любимые фрукты, духи и помада...
Что маме дарить, что дарить ей не надо.

Но горько читать было эти работы.
Не знают, какая у мамы работа,
Не знают цвет глаз, сколько мамочке лет,
Не знают, она устаёт или нет.

Просила я мам написать мне в анкете,
Какие они, эти взрослые дети?
И с гордостью мамы писали о сыне,
Какой он хороший, какой он красивый.

Что любит? Она назовёт без запинки.
Конфеты, пирожные иль мандаринки...
Характер какой? С ним легко или сложно?
«Но всякое в возрасте этом возможно».

Проблема «отцов и детей» – она вечна!
И будем решать мы её бесконечно.
Но помните: чтобы себя уважать,
Надо и маму стараться понять.

Никто не забыт, ничто не забыто?

«Никто не забыт, и ничто не забыто!» –
Как часто об этом кричали газеты.
Но сколько пропавших имён не открыто,
И сколько останков разбросано где-то.

Снегами, дождями они омывались,
Их ветер сушил, вороньё их клевало.
Родные любимых своих не дождались.
«Никто не забыт!» – так с экранов звучало.

В Масельской по насыпи – линия фронта.
Три года держали бойцы оборону...
И там до сих пор плачет ветер о ком-то,
И можно услышать солдатские стоны.

На север составы проносятся глухо.
Руины мелькнут, водокачка разбита...
Но мало кто знает: с войны здесь разруха.
Никто не забыт, и ничто не забыто?!

Крещенский вечерок

Снег пушистый серебристый лёг на плечи:
Настроенье поднялось на целый вечер.
А Крещенский вечерок такой красивый.
Погадаю на тебя, дружок мой милый.

Буду снег бросать охапками на ветер.
Мне поможет он понять, что есть на свете
Тот, что суженым да ряженым зовётся,
На кого девичье сердце отзовется.

Имя я произношу с большим волнением,
Снег подбрасываю вверх я с нетерпением.
Вижу кружево заснеженного сердца –
Если сердце, значит, вместе будем греться!

Я, счастливая, обнять хочу сердечко,
Скоро суженый подарит мне колечко.
На губах твоё сердечко тает, милый.
– Ты мой суженый!!! – кричу я, что есть силы.

Письма с фронта

Посвящается А.Я.Распутину

Старенькие жёлтые листочки –
Сорок первый – сорок пятый год.
Пишет папа с фронта письма дочке,
Спрашивает, как она живёт,
Как здоровье Яшеньки и Таси,
Мама пусть себя побережёт,
Что-то долго писем нет от Васи –
Где-то часть его фашистов бьёт?
Сетует на то, что он не может
Дать тепло своей семье сейчас.
Аттестат отправил, «...хоть поможет
И поддержит в самый трудный час».
В письмах всё советы да советы.
О себе так скуп: «Жив, здоров».
Вспоминает всех и шлёт приветы.
«Будем до Берлина гнать врагов».

Пишет так, как будто нет сражений,
Нет снарядов, вздыбленной земли,
Крови, смерти, страшных нет мгновений...
Так солдаты близких берегли.

Букет дочери

С днём рожденья, моя дорогая, привет!
Посылаю тебе я словесный букет.
Собирала слова, словно в поле цветы.
А какой получился букет красоты?
В нем есть солнце, весенние краски, капель –
Так искрится в букете хрустальный апрель.
Радость, счастье, здоровье, идеи, восторг,
Процветанье, любимый мужчина, чертог.
Есть в букете слова, что волнуют нам кровь:
То, конечно же, Вера, Надежда, Любовь!

Рецепт здоровья

Хотите вы, чтобы на целый год
Вам сохранить отличное здоровье?
Конечно, да! Ну кто не хочет, чтоб
Стать была? Пей молоко коровье!

Не хочешь молоко – карельский пей коктейль.
Не забывай спортзал и физзарядку,
Тогда у вас всё в жизни будет гладко:
Средства всегда оправдывают цель.

Старайтесь вы почаще флиртовать
И будьте пофигистами в натуре,
Побольше смеха, юмора и дури –
Тогда здоровья вам не занимать!

У молодых течёт неспешно время

У молодых течёт неспешно время.
Всё успевает молодое племя:
Поспать, и поиграть, и поучиться,
Детей растить, и творчески трудиться,
Любить и даже радовать родных...

А мне уж не хватает выходных,
Чтоб справиться с домашними делами,
Серьёзно заниматься бы стихами...
А время так неумолимо мчится,
Заснул, открыл глаза – пора ложиться.

Побережье

Ласкают взоры морские волны,
И северяне мчатся к ним на побережье.
Их манит море, и шум прибоя.
И праздник лета, и простор такой безбрежный.

На Побережье, на Побережье
Поеду я, но это место в Заонежье.
И наслаждаться я буду летом
Волной карельской, и закатом, и рассветом.

Здесь небо часто меняет краску,
А белой ночью попадаешь прямо в сказку.
Простор озёрный, лесные дали,
А воздух так пьянит – и никакой печали.

Стальные волны о берег бьются,
Седые скалы оmyваются волною.
Здесь птички трели повсюду льются,
И что сравнится с этой милой стороною?!

Ностальгия

Гляжу внимательно на фото,
И что я вижу? Поразительно!
Там тени тонут отчего-то
В огромной луже. Соблазнительно!

Жара, дождь тёплый, в лужах пена,
И башмаки небрежно сброшены.
Так шлёпаем по лужам смело,
Какие были мы хорошие!

Ассоциации такие
Всплывают с этою картинкой.
И жаль, что мы уже другие:
По лужам не бежим с Иринкой.

Онего

Какой простор, какая ширь...
Так хочется обнять весь мир! –
Такие чувства я таю,
Когда на берегу стою.
Онего, милый и седой,
Ты оmyваешь город мой,
Прибрежных скал гранит долбишь
И силы волшебства хранишь.
Притягиваешь к островам
Туристов из далёких стран –
Пусть полюбуются они
Красой карельской стороны!
Хочу писать, хочу я петь,
Чтобы навек запечатлеть
Всю эту ширь, и весь простор,
И блеск стальной онежских волн.

Снегири

В тридцатиградусный мороз
Слетелись на рябинку.
И – ну давай её трясоти,
Срывая ягодинку.
Небрежно сброшенная вниз,
Слетает шапка снежная.
Вот это да! Какой напор!
Казалось, птичка нежная.

Пётр Красильникян

г.Ростов-на-Дону

Отпечаток

Зло шипело вокруг, выгрызая свой путь,
Подносило к виску леденящее дуло...
Я расплавил себя, стал текучим, как ртуть –
Окружил всю тебя, чтоб оно утонуло.

Всё плохое прошло, я стал снова собой,
У тебя на душе долгожданный порядок,
Но расплавленный я повторил образ твой,
И теперь он со мной, навсегда – отпечаток.

Не ищите меня

Не ищите меня в ресторанах и модных кафе,
Если кто-то вам скажет, что я, веселясь, выпиваю...
Ресторан – это ночь, звёзды в небе от края до края,
У цыганских костров я с друзьями всегда подшофе.

Не ищите меня в обстановке удобных квартир,
Если кто-то вам скажет, что я безнадежно влюбился.
Я всё время в пути – Одиссея не сдержит Калипсо,
А влюблённость – маяк, нескончаемый ориентир.

Не ищите меня у порогов церквей никогда,
Если кто-то вам скажет, что я занят поиском Бога.
Я ищу Бога там, где сознанию синоним свобода –
Это место внутри, там чертогов его красота.

Не ищите меня на погостах, когда я умру,
Если кто-то вам скажет, что я подступился к финалу,
Приходите к реке, я с ней вместе теку к океану,
Растворившись в воде, чтоб изведать его глубину.

Любовь – огонь

Любовь – огонь, зажегшийся над бездной –
Пандан – ему возвыситься дано
над вечностью.
Став жертвой беззаветной
два пламени сливаются в одно.

В том пламени нет пышности помпезной,
Границы стёрты с эго заодно.
Сердцам в восторге, раньше неизвестном,
Развеять мрак собою суждено.

Их пыл не исчезает безвозвратно,
Он возрастает светом многократно,
В веках горит он, искупляя грех.

Я истине одной на свете внимлю:
Сгоревший прах уйдёт обратно в землю,
Любовь – огонь – всегда стремится вверх.

Поэтессе

Я читаю слова, слышу мысли и чувства,
Вижу сердце живьём, в перекрестье из строк,
Знаю, что нелегко, понимаю, как пусто
Одарённой душе среди житейских морок.

Возвышаясь в твоём, свет рождающем слове,
Я вибрирую в такт благозвучности рифм.
Как стеснительный паж в полутёмном алькове,
Видя царственный взгляд, замираю на миг.

Я посмел всё понять, значит, буду наказан,
Уничтожен, отлучен, а после прощён...
Ведь алмаз и в грязи остаётся алмазом,
Даже если обвит пониманья плющом.

Экзистенция настоящего

Я виски налил – надоумила осень –
Согреться хочу золотистым огнём.
Что знак бесконечность? – «упавшая восемь» –
Удушливой лентой, что Мёбиус сплёл.
Мы все сознаём беспредельную вечность,
Но сами не вечны... Уловка ума?..
Налью виски – «Дьюарс», смакуя неспешность,
В себе улыбнусь: бесконечность – тюрма.

Зимняя элегия

Дым из труб стремится ввысь,
Снег кружится веретёнцем,
По деревьям плавно солнце
Вниз сползает, словно рысь.
Остановится, замрёт...
Станет чёрною пантерой,
Прыгнет вниз на пурпур белый –
Жёлтым бликом на излёте.
Ухнет филин, вечер прочь,
Пред сверкающим престолом
Мрак наполнится ментолом...
И придёт седая ночь.

Клаустрофобия чувств

Клаустрофобия чувств...
Руки свисают с решётки,
И чёрно-белые чётки
Щёлкает время-Прокруст.
Хруст – отколовшийся день
Тонет в трясине вселенной,
Но возвращается пеной
Лживых и глупых идей.
Тень – а быть может, туман?
Мысли и чувства в сфумато,
Сердце тоскою зажато –
Снова попало в капкан.
Шрам – остаётся терпеть,
Слушать о нежности сказки,
Перелицовывать маски,
Глядя истёртую клеть.

Елена Качина

г. Пермь

Быть привыкаю знакомым твоим

Наверное, скоро пройдут холода.
Зима канет в вечность. В несбыточных снах
исчезнут все лица, растают слова,
и мы станем лишними... Ты в мечтах,
бредя ранним утром в толпе-маете,
увидишь однажды из прошлого взгляд.
И мир весь исчезнет. И в той тишине
всё станет неважным – глаза говорят:
– Ждал этой встречи, сгорая в тоске.
Каждым мгновеньем моля о тебе.

Ты понимаешь?

– Я понимаю...

Знаешь, тебя я искала везде.

Каждое утро, в чужих городах

Я покупала билет в никуда.

Ты обещаешь?

– Я обещаю...

Веришь, я был там – в твоих миражах,

Нашу любовь, словно милость, прося.

Каждую клеточку плоти любя.

Ты доверяешь?

– Я доверяю...

Каждым дыханьем живу для тебя.

Так отчего же судьбу мы виним,

Страстную нежность доверив иным...

Ты привыкаешь?

– Я привыкаю...

Быть привыкаю знакомым твоим.

Скоро закончатся все холода.

Будут дни тёплые – это весна.

Ты замерзаешь?

– Я замерзаю...

Без сожаленья нас скрыла толпа...

Я заключила с одиночеством контракт

Мой милый граф, мостите крепче свои доводы –
Я заключила с одиночеством контракт.
Любви устроила шикарнейшие проводы.
Былые чувства записала в артефакт.
Мой славный граф, не верьте дамским обещаниям.
Они сегодня, полагаю, не в чести.
А мимолётные и страстные свидания
Я не забуду, но скажу: «За всё прости».
Найду я каждому решению ответственность.
Не надо, граф, меня за это не кори.
На кон поставила свободы непосредственность
И заключила с одиночеством пари.
Не жгите свечи, граф, сомнительное правило.
Для примирения мне воска запах – яд.
Поверьте, Вас от искушения избавлю я.
Я оставляю Вам на память только взгляд.
Мой милый граф, свои доставайте грошики.
Пусть Ваша свита алчным вьётся вороньём.
На посошок, последний раз ещё, хороший мой,
Последний раз, быть может, мы с тобой споём...
* * *

Ликуйте, граф, ликуйте – страсти-прегрешения

У Вас и жизни я покорно отмолю.

Не верьте, сударь, больше женским откровениям.

Я проиграла то пари. Я вас люблю.

А потом, несомненно, вновь свидимся

Мы с тобой, несомненно, вновь свидимся.
Разговором застольным впритирочку
Под сухое и сыр, тот, что «в дырочку»,
Потихоньку, как водится, сблизимся.
Ты начнёшь, непременно развязно,
Ведать жизнь обстоятельно, весело.
И когда-то словесное месиво
Обязательно станет бессвязным,
Будешь что-то шептать о предчувствиях,
Про разлуку, с полночными сплинами.
Возбудившись хмельными причинами,
Горько скажешь, что счастье отсутствует.
Я, наверно, не стану манкировать
Твои ласки, как прежде, жалеючи
Нашу встречу шальную и мелочи,
Неожиданно ставшие милыми.
И, как правило, сразу отчаянно,
Приглашенье последует страстное,
А слова, что однажды напрасно ты
Не сказал, будут здесь не случайными...
... И под утро, возможно, усталые,
Чуть смущаясь поспешным прощанием,
Расставаясь, дадим обещания
Позвонить, маясь чувствами шалыми.
Чтоб, вернувшись в законное логово,
Жизнь наполнив мажорными смыслами,
Долго тешиться грешными мыслями,
Что и кесарю может быть Богово...
А потом, несомненно, вновь свидимся...

Мы играем в знакомых

Мы играем в знакомых, мой милый...
Днём свободу хлебаем глотками.
И как горькую кару стихами
Пьём разлуку хмельными ночами.
Я тебя понимаю, мой милый...
Жар любви своей страстью врачую.
Словом сладостным – душу больную
Отогрею. Тебя зацелую.
Я тебе доверяю, мой милый...
Нежным взглядом при встрече ласкаю,
Каждым мигом с тобой воскресая.
Я себя от тоски исцеляю.
* * *
Я тебя забываю, мой милый...
Я себя от тебя исцеляю...

Чёрные письма. Май 2013

По горящим мостам нет к любимым
обратной дороги.
Нет средь пепла в бывшее торёных следов. Эпилоги
Не вписаны нами ещё в книгу жизни, мой мальчик.
На пожарище чёрных сомнений случайные танцы
Мы танцуем с тобою вдвоём. Эти страсти-романсы –
Горький реквием праху любви, вспоминая её,
плачь ты.
Плачь, зови её, мальчик. Болящая память – убога,
Мысли – грешны, и только дорога любви –
дар от Бога,
Пыль и камни в пути – от людей.
К сожалению, тленом
Разжигаю очаг, и опять, не внимая поверью,
Строить храм в пепелище – дурная примета,
за дверью
Смою грязи и кровь,
чтоб любить тебя вновь незабвенно...

Девочка, вдаль уходящая

Девочка, вдаль уходящая,
Что же сегодня не плачешь ты?
Слышишь, весна молодящая
Шепчет: «Могло всё иначе быть...»
Все откровенья винтажные
В памяти спрятаны пытками.
В прошлом – все краткометражные
Встречи с немymi улыбками.
Лижет твоё одиночество
Раны болезно-сочащие.
Где-то «его невысочество»
Стонет молитвы хмелящие.
Чувства тоскою стекли, а мы –
Врозь бумерангами брошены.
Сласти любви псевдонимами
Страх и лжи припорошены.
* * *

Девочка, вдаль уходящая,
Плачи твои не утешены...
В талость весны морозящие
Слёзы берёзы намешаны...

Где-нибудь в последних числах мая

Время всё расставит по местам,
Выложит всё важно, ровно, чинно.
Тайны раскрывая и причины,
Воздавая всем нам по счетам.
Неприменно всё закончится весной.
Где-нибудь в последних числах мая,
Может быть, в словах ещё блуждая,
Я не занедужу вновь тобой.
И, разрушив пыльные клише,
Выпуская сирость чувств наружу,
Я открою шлюз сомнений в душу,
Обнажая мыслей неглиже...
А потом нехстати, просто так,
Разобью витраж цветных аллюзий,
И, сломав калейдоскоп своих иллюзий,
Высыплю все стёклышки в кулак.
* * *

Дождь размоет замок на песке
Где-нибудь в последних числах мая...
И осколки страсти, душу мая,
Заблестят строкою на листке...

Всё очень просто, граф, отмерены все сроки

Какая участь уготована мне – слепо
Играть с судьбой в порочный преферанс.
Поверьте, милый граф, эффект его плацебо
Тоску не вылечит, но в прикупе есть шанс.
Всё очень просто, граф, отмерены все сроки.
Чего вы медлите, вистуйте, карта – в масть.
Мой визави, пасую вновь, вот только строки
Вам допишу, ну что за глупая напасть.
Судьба намерила – и волки вроде сыты,
И шансы сёстрам – оставаться при серьгах.
Но что же делать, если карты уже вскрыты,
А туз краплённый застревает в рукавах?
Блефуйте, сударь, коль висты сегодня ценны!
За полсекунды вам удачу насулю.
Она – изменщица – и проигрыш – мгновенны.
Как знать, быть может вас по прежнему люблю...

А весна глядела гадостно

Мы с тобой беспечно грезили,
Раздавая обещания.
А весна красивым вензелем
Выводила предсказания.

Не звала, не откликалась я,
Зная вёсен беспредельности,
И заря встречала алая
День тот, где мы по отдельности...

Мы глотками пили всласть вино
Страсти, алча утоления.
А весна глядела гадостно,
Добавляя искушения...

Я шептала откровения,
Ты мне – нежности порочные.
Наши вёсны – лишь мгновения.
Жизнь – часы, часы песочные...

Танцуй, мой молчаливый, гордый мим

Танцуй, мой молчаливый, гордый мим,
Театр абсурда был неотвратим.
Врагами погран, ближними хулим.
Ликуйте, страстно алчущие зрелищ, –
Вы рядом были с ним, но вдруг воззрели
Того, кто вам на слёзы мазал грим.
Зал полон. Кукловод с поклоном лживым,
Как коршун от предчувствия наживы,
Бросает в темноту свой хищный взгляд:
На первый ряд слепых марионеток,
В партер, где люди-маски всех расцветок,
На ложи, бельэтаж – повсюду яд.
Улыбкой вкось заклеенные рты,
Мычащие мольбы до сипоты.
Танцуй же, милый мим, свой танец чести.
Вчера ещё в короне с бубенцами,
Слеплённый подхалимскими словцами,
Сегодня ты лишён елейной лести.
Ты – мим! Движений чувственных ваятель.
Один на сцене – сам себе создатель.
Я в зале этом. Я тебе молюсь.
За масками – всё те же злые речи.
Сегодня – выход твой! Расправь же плечи!
Танцуй свой танец жизни в стиле блюз...

Маленькие приключения большой компании

Утро солнечной субботы.
Завтрак – чай и бутерброды.
Раз дождливая погода
Отменила саботаж,
Обсудив детали вкратце,
Мы решили (в девять-двадцать)
Потихоньку собираться
Всей большой семьёй на пляж.
Было много нас немножко:
Степанида – наша кошка,
Близнецы Алинка, Лёшка
(Непоседы. Им по три)
И соседка тётя Вера
С ярко-красным несессером
(Судя по его размерам –
С бегемотиком внутри),
Полотенца и панамы,
Плед из шерсти горной ламы,
Крем от слепней из рекламы
И четыре лежака,
Надувной матрас и карты,
Три подушки, мячик, нарды,
Домино и сок томатный,
Старый чайник без свистка.
Кошке детки в девять-тридцать
Предложили вдруг побриться.
Киса – гордая тигрица –
Испытала явный шок.
От движений нежно-резких
Взобралась по занавеске,
Та рвалась с противным треском,
Словно лопнувший мешок.
Тут, конечно, не до сборов:
Визги, вопли, разговоры.
Кошка – шмыг по коридору –
И её в помине нет.
Есть десятка два царапин,
Патефон разбитый папин
С гравировкою «Шаляпин» –
Между прочим, раритет!
Папа наш весьма спокоен –
Созерцатель, а не воин,
Но сейчас сказал с мольбою,
Что в машине подождёт.
Близнецам за мега-шалость
Лишь немножечко досталось.
Степанида ухмылялась –
Наказанье – жгучий йод.
Я скажу вам по секрету:
Позже те же непоседы
Соком прямо из пакета

Елена Кубекина

г.Воронеж

Поливали ламинат.
Ламинат и тётю Веру,
Ту, что с красным несессером,
Ставшим красно-буро-серым
(Станный, видно, был томат).
А в итоге – в десять-двадцать
Подустали домочадцы –
Осознали, что купаться
Не решатся никогда.
Да и я подумал тоже:
Близнецам подарим вожжи,
А на пляж поедем позже –
Пусть прогреется вода!

Осенняя сказка

Лес в ожидании: вот растуманится –
Солнце добавит цветные штрихи.
Поздняя осень – увы, бесприданница, –
Мстительно листья срывает с ольхи.
Зябко и сыро. Избушка-развалина
Редким лучам подставляет бока.
Нынче хозяйка её опечалена –
Ноет опять костяная нога.
Печка поленьями быстро растоплена,
Громко мурлычет согретый кот.
Утром письмо получила от гоблина –
Шлёт комплименты и замуж зовёт.
«Станешь женой мне, пещерной владычицей?
Сможешь оставить свой лес, наконец?»
Чёрный котейка в колено ей тычется:
«Что же, Ягуля, пойдёшь под венец?»
Нет. И не надо нести околесицу:
Гоблин... Пещера... – бредовый финал.
Ей, если честно, уже как три месяца
Леший соседский в сердечко запал.
Осень – волшебных историй рассказчица –
Тайной и чудом плеснет через край.
Леший, как только луна обозначится,
К Бабе-Яге поступится на чай.

Предвесеннее

Падёт последний бастион:
Зима, лишённая владений,
Уже сменила прежний тон,
Став тише, бережней, смиренней.
Весь скарб врагу наперекор
По тропам, тающим и скользким,
Две пары снежных мантикор,
Впряжённых в старые повозки,
Везут в страну безмолвных льдин...
А здесь весну давно молили
Разлить рассветный гренадин
Из припорошенной бутылки
На купол выцветших небес...
Вернитесь, птицы-менестрели!
Весна танцует полонез
Под робкий плач виолончели.
Опять тревожат и горят
Браслетом руны на запястье.
По венам гонит сладкий яд
Моё проснувшееся счастье.

Бегающий человек

*В 1808 году человек по имени Джон Кольтер
обнажённым пробежал свыше 150 миль,
преследуемый несколькими сотнями воинов
племени черноногих.*

По рассказу Роджера Желязны «Дикие земли»

Поток черноногих, стекавший рекой по склону,
Свистящие перья разрезающих воздух стрел.
У Западных Скал, где привыкли пастись бизоны, –
Опасные земли, а значит, свои законы,
А Джон – в окружении сильных и смуглых тел.

Индейцы застыли, вернулась осенняя тишь,
Лишь старый шаман безучастно сказал: «Побежишь».

И он побежал. На него началась охота.
Земля дрожала от гула индейских ног.
Кипело в груди, и щипало в глазах от пота.
Кровавая песня звучала, ждала исхода,
Но в гонке за жизнью, он верил, спастись бы смог...

У прерий враждебный характер, его не постичь.
Джон Кольтер, беги, ты для ри – аппетитная дичь!

Река приютила в холодных осенних водах.
Поток обвивался вокруг неживых коряг.
Кому-то – опасность, а Кольтеру – шанс на отдых.
Хоть дымом индейских костров пропитался воздух,
Рассудок остался за гранью, и там же – страх.

Разбитое тело саднило, как свежий нарыв.
Но в мыслях стучало: «Я жив... Я пока ещё жив!»

Дорога от смерти затем поднималась в горы,
Белесые хлопья за ним заматали след.
Безумие... Вверх, где порой не найти опоры...
Безумие высушит мозг, и, наверно, скоро.
Но он в самом Сердце Горы, и возврата нет.

Душа ускользнула, танцует одна среди скал,
А трапперу снился голодный звериный оскал.

Игра затянулась, охотники стали дичью.
Озёра огня, испарения серы, смрад.
Опасность – везде, лишь меняет своё обличье,
Джон Кольтер хохочет, зашёлся в победном кличе:
Мы милости просим в кипящий зловонный ад!

Сознание парит возле снежных светящихся пик,
За арками радуг рассеется ястреба крик...

Возрождение

Все пророчества сбудутся в срок:
Скорый поезд уставшей зимы полетит под откос,
Снег водой просочится в песок,
Будет ветер трепать пряди рыжих, как солнце,
волос
Непокорной бунтарке-весне в макинтоше.
Мы с ней тѣзки почти, мы безумно похожи.
Я ей рада до слѣз.

Расшнурует бунтарка кисет
И раздарит любовный табак, исполняя обряд,
Мы во время одной из бесед
Уничтожим наброски печальных стихов –
пусть горят.

Пусть огонь разрастается, искры взметая,
Пепел смоем дождѐм, позабудутся к маю
Все дороги назад.

Станем пестовать крошечных фей,
Что так любят волшебные сказки и вишни в цвету,
Слушать шѣпот оживших ветвей, –
И весна разольѣт по бокалам вино на меду.
Мы пригубим его, что останется – выльѣм.
Будет радость – стихам, перелатанным крыльям –
Шанс узнать высоту.

Если верить**В соавторстве с Оксаной Дашковец**

– Наши редкие встречи давно порционны.
Две минуты в сети – и: «Прости... Убегаю...»,
Нить, связавшая нас, натянулась и рвѣтся –
Мы с отчаянной стойкостью вяжем узлы.
У общенья в сети неизменны законы.
У судьбы безучастность замѣрзшего Кая.
В нашем выцветшем небе – муляжное солнце,
Наши звѣзды – лишь горстки остывшей золы.
Все разлуки чреватые синдромом отмены,
В межсезонье унылом почувствую остро –
Может быть и щемящей, и злой ностальгия,
Вызывая потребность увидеть, обнять...
Я привыкла тебя принимать внутривенно –
Мы как кем-то давно разлучѣнные сѣстры.
Пусть у жизни циничной задачи другие –
Остывающим звѣздам добавим огня!
– Фаталисты не верят, что встречи случайны.
Я пока что на грани бессонниц бестелых
Представляю – взорвѣтся салют впечатлений, –
Я приеду и сяду поближе к тебе.
Будет чай, но не будет заложниц онлайн,
Только мы – в самом сердце живых посиделок
(На стене – две друг к другу прильнувшие тени),
Зажигаем двойной стихотворный фламбе.

О времени

Говорят, что унынье – удел инфантильных и слабых.
Ну давай, веселись под хлопки разноцветных шутих!..
Каждый прожитый год –
лишь песчинка в глобальных масштабах,
Каждый прожитый мною – эпоха – в масштабах моих.
Неподкупное время – и лекарь, и вор. А покуда
Отрезают от вечности стрелки приличный кусок, –
Просыпаются пеплом сквозь сито седые минуты,
И сегодня готовится в новое Завтра бросок.
Столько нужно успеть! Затянула циничная гонка.
Остановишь свой бег, – и догадка уколѣт в ребро:
С каждым годом сложнее сохранять в себе
святость ребѣнка
И держаться привычного курса на свет и добро.
Но когда, позывной посылая в унылые окна,
На строптивой зиме отыграется март-лицедей,
В отогревшемся сердце надежда восторженно ѣкнет:
Молодая весна воскресит в нас наивных детей.

Лизаветушка

г.Киев, Украина

Спаси меня... Я знаю, это одному тебе дано.
Но, видно, нам быть вместе в этой жизни
всё ж не суждено...
Мне об одном осталось Господа молить всегда:
Чтоб приводил тебя в мой дом хотя бы иногда...

Знай, что я без тебя ничья,
Я последний твой в жизни причал.
Не руби сгоряча с плеча,
Чтоб не гасла любви свеча.

Коли плохо тебе одному,
Приходи, я приму, обниму...
Я согрею, усталость сниму.
И тебя не отдам никому.

В этой жизни одна стезя –
Без тебя мне никак нельзя...
Мне даровано море огня...
Приходи, окунись в меня...

Пусть тепло моих губ, моих рук
Обовьёт твоё тело вокруг
Ореолом любви огня.
Приходи, окунись в меня...

Ты говорил мне: погоди, наступит лето,
Мы будем наслаждаться тёплыми ночами...
Мне так отрадно было просто слышать это,
Мечтая, упивалась сладкими речами...

Проходит осень, уж зима стучится в двери,
И лист последний скоро с дерева сорвётся,
Но я по-прежнему бездумно тебе верю,
Надеюсь, что любовь моя ко мне вернётся.

И пусть мечты скорее в action воплотятся,
А расстояние сократится между нами,
Я всё же верю: будем вместе наслаждаться
Очередными лета дивными ночами...

Наивно думать, что подобное свершится,
Пусть яд речей твоих оставит только раны,
Но продолжает учащённей сердце биться,
Когда звучит твой нежный голос без обмана...

Одалиске

Я не прорастаю тобою, я лишь отдаю своё лоно,
От пылких объятий моих не получишь урона...
Ни телу, ни чести твоей я не буду помехой,
Я лишь одалиской прилягу к подножию трона
Того, что тебе же сама и воздвигла с успехом,
Позволь увенчать поцелуями вместо короны
Чело, и позволь мне остаться твоею утехой...

Безумна ль Грета?

Ни антраша, ни фуэте балета,
Ничто не может так меня заморозить,
Как сверхбезумное твоё желанье жить...
Или безумною? Как лучше, Грета?

Никто не знает, что влечёт тебя вперед.
И нужно ль знать кому-то это?
Ответь, невзрачная кухарка, что ли, Грета?
Куда отправилась: в полёт или в поход?

Воинственная дева – фламандский Дон Кихот.
Ты воплощение разумного начала,
Твои глаза открыты, без забрала...
Стремленье в бой вступить со злом тебя зовёт?

Вокруг безумие, а ты сияешь светом
И рвешься в бой, прекрасная кухарка Грета.
Тебя творец безумною назвал:
Не справишься тебе одной со злом. Он знал...

Что в мире этом мне даровано судьбой?
Найду ль приют душе своей мятежной?
Я одиночество хочу делить с тобой,
Предчувствуя, что это безнадежно.

Сама виновна в том, что страсть к тебе
Зажгла в сопернице, не ведая об этом.
Душа рыдает, покоряясь судьбе,
Но восставая перед целым светом.

Я буду смиренная, любую боль снесу,
Я выдержу любые испытанья.
Я на закланье чувства принесу.
Невидимыми сделаю страданья.

Но если в час Господнего Суда
Душа должна держать последний свой ответ, –
Помилуй Господи меня, когда
От взрыва чувств моих померкнет белый свет!

Не покидай

Не покидай... Мысль о разлуке жжёт меня, как лёд.
Не покидай... Иль всё то доброе, что есть во мне,
умрёт.
Не покидай... Мне не забыть твою улыбку никогда.
Не покидай... Всё в этой жизни без тебя –
одна беда.

*Нежных чувств не добиться мне от тебя.
Это всё понимаю, умираю, любя...*

Впусти меня в свои мечты,
Прими меня в свои объятия –
Кричит душа до хрипоты,
Не в силах больше умирать я!

Я повторяю вновь и вновь:
Постыла мне судьба такая;
Пусть возрождается любовь
И растекается без края.

В пучине огненных страстей
Желала б вечно пребывать я.
Не вырываюсь из сетей,
Хочу упасть в твои объятия.

Но нежных чувств не жаждешь ты...
И нет страстей – одни мечты...

*Как мухам дети в шутку,
нам Боги любят крылья обрывать.
В.Шекспир «Король Лир».*

Желанья плоти губят всех людей,
Ведь волен выбор каждый сделать сам.
Склоняясь пред утробой своей,
Мы сами крылья возвращаем небесам.

Пусть не томится дух тогда ничей,
Когда желаньям плоти подчинён,
Захочет он взлететь к мечте своей,
А выяснит, что крепко пригвождён

К тому кресту, что сам себе создал,
Что сам себе обрезал два крыла,
И сам на том кресте себя распял,
Забыв, какой душа его была...

Сама есмь Бог. Душа свободна, знаю.
Хоть позабыла, прежде кем была, –
Но никогда и ни на что не променяю
И не обрежу два своих крыла...

Вольно нам выбирать между жизнью и смертью,
Меж полётом души и тоскливой судьбой,
Но Господь не судил в суете круговерти
Нити наших судеб сочетать меж собой.

Это только мираж: протяну будто руки,
А навстречу свои ты протянешь в ответ...
Я читаю один приговор о разлуке,
Когда взор твой ответствует явно мне: «Нет».

Так зачем небеса зажигают желанья,
Без ответа надежды и пустые мечты?
Разве кто-то утешится чьим-то страданьем,
Созерцающая сей мир с неземной высоты?

В этом что-то не так, то напутали боги:
Не ту цель поразила Амура стрела...
О мой Ангел-Хранитель, укажи мне дорогу,
Чтобы прочь от любви безответной вела.

Не отвергаешь, но и не зовёшь...
Подверг сомнению нашу совместимость.
И, тем не менее, мне шанс даёшь,
Презрев судьбу, поверить в обратимость.

Хочу дождаться я минуты той,
Которая откроет жизни тайну,
Что неспроста мы встретились с тобой,
Нам шанс дарован встречи неслучайно.

Возможно, иллюзорные мечты
Напрасно в голове моей витают,
И суть игра для тех, кто с высоты
С ухмылкой на подобных мне взирают.

Пусть глупо... Всё же, думаю, мои мольбы
Помогут «вырулить» обратно ход судьбы...

*Ты Орландина, ты судьба моя...
Да, моё имя – Орландина...
А.Хвостенко*

Пока не сыпется песок,
И не похож на праха порошок
Мой облик. И пока пергамент плеч
Ещё годится, чтоб кого-нибудь привлечь,
Приди ко мне, желанный мой.
Мы вместе поразмыслим над судьбой:
Готов ли ты, как я с тобой, идти
Совместно до конца пути...

В извечном поиске подруг
Ты тратишь время зря, мой друг.
Пойми, прозрей: ведь только я
Единая судьба твоя.

В безумном бреде за тобой иду...

У любого порога готова стоять я,
Ожидая открытые твои объятия.

Только нет на земле ещё места такого,
О котором бы знала, что найду тебя снова...

А потому остаюсь распята в тенетах у Фатума-фата.

А у времени ритм другой (фрагмент)

Как бы время убить, потерять,
Растянуть, обмануть или сжать?
Не найду подходящих слов,
Как избавиться от этих оков?

Увильнуть, ускользнуть, обойти,
Как найти обходные пути?
Чтоб вернуться с тобой туда,
Молодою была когда...

Чтобы тело моё без прикрас
Приводило тебя в экстаз,
Заставляя всё позабыть...
Как желаю любимой быть!

Быть любимой одним тобой,
Но у времени ритм другой...

С бабьим летом, любимая!

Катюне в день её рождения.

День рожденья сестры моей
Наступает с прохладой дней...
С пряным запахом жухлых трав
«Бабье лето» пришло, сестра...

Жизни осень остудит нас:
Ощутимей усталость глаз,
Слабость тела, скованность чувств...
Поцелуй снизойдёт ли с уст?

Но останутся сладкие сны,
Ожиданье прихода весны,
Радость встречи нового дня,
Возгоранье души огня,

Что поможет любимым понять:
Жизни смысл – для родных сиять.
И мне хочется крикнуть ветрам:
Свет мой, Катя, моя сестра,

Сколько б лет ни звенело в ушах,
Знай: по-прежнему жизнь хороша...

Посвящается Юджину

*Сонет самой себе о желаемом от имени моего
горячо любимого внука. То не китайцы горло
полощут – то моя бабушка горло дерёт:
Тррра-а-акторрр, тррра-а-акторрр –
кыргызга в общем.*

Гортанный звук хрипит и разум манит,
А звук варгана просто «крышу рвёт».
Я знаю – это бабушка «шаманит»
И к «духам отправляется в полёт».

То барабан терзает, то гитару,
То воеет песни с кем-нибудь на пару:
Уже не девушка, но вроде не старуха,
Она пытается достичь улады слуха...

То гонг затронет, то джамбей достанет,
То спины тайских лягушат дерёт,
Изводит всю семью, пока «шаманит»
И к «духам отправляется в полёт».

Я эту дамочку боготворю...
Я вырасту – hang drum ей подарю.

Колокольная прощальная

Было, это было: жизнь я пригубила
С горьким терпким вкусом на устах.
Думы рвались мимо, но неотвратимо
Белым мелом сели на висках...

Дум думала много: мнилось, у порога,
У начала жизни я стою.
Время быстро сплыло, и иссякла сила,
Может, farewell* уже пою?

Перемолотило жизни злое било,
Плетью отхлеставши по душе.
Думала – у входа, не познавши брода,
Через омут – к выходу уже...

*farewell – прощайте...

Зачем я здесь, кто я, чего желаю?
Меня звук флейты вечностью манит.
А душу мысли горькие смущают,
Что я Никто, но Бог меня хранит.

И если мы Создателя частицы,
Как искры пламени, покинули Его,
То нужно ль нам обратно возвратиться?
Или сгореть до пепла одного?

Я прах и пепел в этой жизни тленной.
Душа мертва. Напрасен Божий труд.
Я ожидаю каждый миг в своей вселенной,
Когда с лица земли меня сотрут...

Моление по Фрейдю

Не любви прошу, а милости,
Не веселья-разгула, а радости,
Чтоб земную юдоль легко снести,
Пребывая не в горечи – в сладости.

Не молитву я правлю – моление,
Не к богам – обращаюсь к Фортуне я,
Никогда не согну колени я,
Уповая на снисхождение.

Как и всем, мне свой крест до конца нести,
Ни прощенья жду, ни жалости...
Мне бы вымолить малость милости,
Чтоб с любимым быть вместе до старости.

*Va, pensiero, sull'ali dorate –
Лети, мысль, на золотых крыльях.
Дж. Верди, Набукко*

Как пилигрим, идущий вечно к своей судьбе,
Я постоянно в своём стремлении идти к тебе...

Но одного стремленья мало, а жаль...
И потому гляжу с печалью я вдаль.

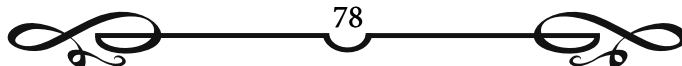
Одно желанье: во временную попасть петлю,
Чтоб возвращаться в твои объятия и говорить:
«Люблю!»

Чтоб потеряло в пространстве время с тобою нас,
И длился б вечно любви-утехи столь сладкий час...

Душа на крыльях уносит мысли куда-то вдаль,
Но время всё же неумолимо... А жаль...

Моя любовь спокойна и тиха,
Она не будет Вам помехой.
И даже если и не станет в Вашей жизни вехой,
То не оставит и следов греха.

Одно желанье: ощутить в ответ,
Что Вы достойны обожанья.
А коль судьба дарит нам редкие свиданья,
То пусть их озаряет солнца свет.

Арина Ладенка

г.Москва

Родилась в г.Москве. Юрист, преподаватель.
 Публиковать стихи начала с 18 лет, но фактически – после одобрения её творчества В.Г.Распутиным – выдающимся российским писателем.
 В 2009 году вышла книга стихов А.Ладенки – «Дорогами надежд», а в 2012 – проза – «Крыша поехала».
 В предлагаемой читателю подборке – стихи, как вошедшие в публикации ранее, так и новые...

Женщина присела на лугу
 и от солнца щурила глаза...
 День рожденье, сорок, я живу...
 Но... уже сгущается гроза.
 Жаркий день... –
 бездельничать нельзя –
 Вот жива! И подрастает сын,
 а вокруг – зелёная трава,
 белые ромашки, неба синь...
 Есть далёко-близкая родня,
 где-то жив хороший человек,
 о котором думать бы могла
 целый свой короткий
 женский век!
 Грезилось
 то ль наяву, то ль в дрёме,
 руки бы раскинуть и уснуть...
 Только кошка не сыта мышами.
 ...за водой сходить
 да простирнуть?

Суд вершился в лето то над нами –
 Победили солнышко –
 дожди,
 ураганы сосны сокрушали,
 и ветра тушили фонари.
 Свет зарниц единственный
 был мрачен...
 Ночь страшна от грохота грозы...
 Это всё потом,
 ...а так счастливой
 быть хотелось
 в неге той жары...

Женщина присела на лугу...

Как рифмуются строчки?

Как рифмуются строчки?

 Их шлифуют страданьем!
 послуженьем – терпеньем,
 позолотой души...
 Запахнув все печали
 кружевною одеждой –
 вязью слов безупречной
 и талантом любви!
 ...Как рифмуются строчки?..
 – Как шлифуются скалы?!

Как
 кружочками камни
 обтесали шторма?
 Как
 у дома гроза
 тополя обрезала,
 и как ветер – в лицо
 заморщил глаза?

 – Как
 рифмуются строчки?
 Как дышу? Я не знаю...

То не фантазия*

То не фантазия, не прошлое –
 из яви и пока жива...
 Я – Ладенка – души проталинка,
 я – Ладенка – ручей, река.
 Я – Ладенка – и дом, и улочка,
 я – Ладенка – в надел земля:
 там, если праздник –
 всей деревню,
 и коль печаль – на всех одна!

Я – Ладенка – строка из адреса, –
 кавалеристова родня,
 с заповкой Пятницкого хора
 прабабок слушали князя...

В роду герои с ветеранами,
 в роду и плотник, и кузнец,
 интеллигенция из пахарей,
 как говорят: и швец, и жнец!

.....
 Земля дедов обетованная,
 где жребий ладом всё решал –
 по жребию – сужденье Божию –
 Добра святого идеал...

.....
 Читатель мой,
 прими, любезнейший,
 стихов заветных сердца вязь
 и не взыщи предубеждением,
 и сказкам дней не дай пропасть!

*На карте России есть такая речка –
 Ладенка

Пять окон

Пять окон на улицу,
 на восток, на сад...
 Кот на солнце жмурится...
 Яблонь аромат.
 Ласточки тревожатся,
 поросёнка визг...
 Кружевною пеною
 май в садах повис...

Маленькая девочка
 встала у крыльца,
 Под ногой – ступенечка,
 впереди – тропа...
 День кипит работою:
 «Взрослым всё дела...
 Я одна осталась –
 всех переспала!»

Стелется туманами
 света пелена...
 «Да куда же делась
 бабушка моя?
 Может, в огороде?
 Может быть, в саду?
 Я уже большая –
 бабушку найду...»

Сходит по ступенькам,
 не закрыла дверь,
 Тронула ладошкой
 у крыльца сирень...
 Жар пошёл по ножкам –
 холодна трава...
 Не отрывает глазки от неба –
 «Красота!»

Спустились ветви низко –
 бутоны да цветы –
 и сыплет бело-розовым
 сияние Весны...

...Года пройдут, всё сбудется...
 Жить, знаю, нужно так,
 чтоб детям

так же помнились
 те пять окон,
 все в сад...

Читала женщина стихи

К***

москвичке, писательнице и журналисту – Фроловой Екатерине Николаевне

Читала женщина стихи,
и взор – весною! – так светился,
что абрис грусти на лице
от плена лет освободился.
Читала женщина стихи –
и вроде буднично и просто,
но венка билась на руке
пергаментной,
под цвет берёсты...

Читала женщина стихи,
хоть снег на волосах искрился,
был голос звонок и глубок,
ручём проникновенным лился...

Читала женщина стихи,
так, в разговоре у соседки,
в воспоминаниях судьбы
(у Гумилёва строчки метки).

Читала женщина стихи,
спиной худенькой прямилась,
созвучная огню души,
в пространство
музыка стремилась...

И стылый день уже не сер,
но полон запахов и звуков,
и наклонились облака, –
дожди плеснули,
дробь простукав...

Читала женщина стихи –
сюжет – про мир, мечты и грёзы...
Читала женщина стихи,
как откровение – апостол!

Читала женщина стихи...
Внимая смыслу, сокрушалась,
что редко так мы говорим –
стихами...
К жизни возвращалась...

Настоящий

Настоящий,
сто́ящий, открытый,
нараспашку –
клеточкой, душой...
настоящий –
верный, откровенный,
искренний,
доверчивый, родной...

Настоящий –
значит, без подлянки...
без тумана,
безразличья, лжи,
настоящий –
мыслью сокровенной
поделиться сможет поспешить!
Настоящий ведает печали,
радостью надежды одарит...
настоящий –
светел... без лукавства –
сам тревогой близкого болит!

Настоящий... много или мало –
просто человеческий человек?
Хоть не ангел – во плоти и яви,
добротой исполнивший свой век!

Настоящий –
жизнь без маскарада,
в настоящем – честь! – чрез не могу,
настоящий – правда как отвага,
верящий тебе чрез клевету!

Настоящий – страхами не мучит,
но развеет подлости туман!
Настоящий –
разве так бывает?
На Земле – мерещится всё нам...

Настоящий... есть ли у кого-то
друг такой, что ангелу сродни,
настоящий...
Душе милосердный,
Господи! Прости и не взыщи
по грехам – неверию, упрямству,
по обидам, страху или лжи,
Господи,
при жизни нас порадуй...
Человека доброго найти!

В храме его жизни*

*К картине «Мой мир»
художника Юрия Ракиши*

В храме его жизни
были две богини,
купола увенчаны
портретами любви...
Локоны стекали по плечам Ирины –
хрупкой ветвью краски
на мольберт легли.

В храме его жизни –
ровные колонны –
белые опоры, труд его души,
а на них просторные
арочные своды,
чтобы много света,
солнца, теплоты...

В храме его жизни сам он –
лишь художник,
сам – лишь подмастерье
вечной красоты...
В храме его жизни
женщина – богиня,
и сияньем счастья –
дочери черты.

В храме его жизни –
нежные полотна –
красок совмещенье в яркие тона.
На картинах белых –
колеи-дороги...
В храме его жизни,
как в любви, была!

** В конце восьмидесятых гг. XX в.
в Москве на ул.Разина проходила
выставка замечательного
художника Ю.Ракиши, организованная
его вдовой Ириной.
Автор стихотворения на
выставке оказалась случайно.
Именно там и сложились эти стихи.*

Когда такой волшебный снег

Когда
такой волшебный снег:
узорный и пушистый, –
Как будто
с ангела крыла слетает,
серебристый,

И кружит,
кружит пухом снег
предчувствием гармоний,
В нас усмиряя
власть страстей
прелюдией симфоний!

В звучаньи вечной чистоты
нет места для тщеславья...
Пойду теперь среди толпы,
очищена страданьем...

Где чувству грань,
где грань ума? –
В достоинстве и чести?
В благоразумии, в вине?
Иль в безрассудстве песни?

Снега...
Снега и хлад зимы –
царит покой и воля!
Самодержавием души
мрак рассекай любовью!

Где рай и ад? –
А небо – в нас...
Пусть ангел не осудит
все заблуждения мои
и милосердным будет!

.....
Когда
рождественским постом
снегами небо крутит,
молись, мой Ангел, обо мне...
Чтоб не гадать, что будет...

*«Бранить, корить и порицать
имеет право тот, кто любит», –
так Чехов говорил, не я,
и кто ж слова те позабудет?*

.....
Так ветер,
всколыхнёт волну,
и снова гладит что есть силы...
Так плачет
птаха над гнездом,
когда птенец упал любимый...

И учит, и кричит, и корм
несёт встревоженная птица,
но вместе все – и вновь покой
и воркованье голубицы...

Учись же, сердце, так летать,
чтоб не тянула камнем
совесть...
И так принять, и так понять,
и так любить,
обеспокоясь

разлукой,
долгой тишиной,
молчаньем близких без ответа
и их беспомощностью –
той,
что учит мужеству от века!

.....
«Бранить,
корить и порицать
имеет право тот,
кто любит».

Дарите женщинам цветы

Дарите женщинам цветы –
пусть в радуге смеётся солнце!
Дарите женщинам цветы –
пусть ночь –
в брильянтах звёзд в оконце...

...Дарите женщинам цветы –
и хоть один цветок –
по средствам,
дарите женщинам цветы,
пусть разулыбится – кокетством!

Дарите женщинам цветы
в открытках, в песнях,
в сказках, в яви! –
дарите женщинам цветы –
подруге, бабушке и маме...

Дарите, пусть себе ворчит
или вздыхает чуть смущённо –
дарите женщинам цветы,
дарите счастьем испуганно!

Дарите красками зари,
дарите нежностью ста шёлков –
дарите женщинам цветы
без смысла, искренне, без толку!

С любовью, нежностью, теплом
(пусть изучает смысл их знака),
дарите женщине цветы,
чаруйте пленом аромата!

Румянцем стужи, жаром дня
и уверением заката –
дарите женщинам цветы...
К ногам – поля из роз и мака!

Не принесёшь – так увези
туда, где маревом – люцерна,
или азалия кипит,
или ромашковая пенность...

Дарите женщинам цветы
упрямо, весело и смело,
как правда вёсен, в цвет побед...
И просто без причин,
как верность!

Дарите женщинам цветы,
дарите искренне, сердечно,
назло смятению обид,
наперекор всему – беспечно!

Всем снегопадам и ветрам –
наперекор –
разувереньям,
и в кризисы, и так – в аванс,
в дни праздника
и в час сомненья!

Дарите женщинам цветы...
Душою щедрый – счастлив будет!
Дарите женщинам цветы!
Дарите радованьем... чуда...

.....
Прошу за всех, стихом бодро:
– Улыбки сейте в мир повсюду –
Художник этот – доброта –
Святейшего любви этюда!

.....
**ДАРИТЕ
ЖЕНЩИНАМ
ЦВЕТЫ!**

Приходит час

Приходит час, когда птенца
вдруг клювом подтолкнёт
орлица...
Сначала падает,
но вот, взмахнув крылом,
взмывает птица!

А мать?..
Что мать?
Не тесно ей среди птенцов
в её гнездовье,
но научает всех орлят
парить –
с волнением и любовью!

Так, сын, и ты меня прости, –
Лети – взмывай, –
как мне ни больно...
Опаской связывать полёт
твоей души? –
Нет, не позволю...

Пари! Учись среди людей
быть человеком,
быть мужчиной...
(Но... Не печаль меня
ты тем,
что сменишь Родину
чужбиной...)

Взмывай!..
Натруженным крылом
преодолеть возможно ветры!
Пусть будет
чистым небосвод,
и горизонты, и рассветы...

.....
Верши судьбу свою, посмей!
Чтоб силы духу доставало!
А над Отчизной два крыла...
Сыновний подвиг вдохновляло!

За вас

И было сказано:
«Молитесь за врагов
своих»...

Дай Бог вам аглицким манером
лишь добрый юмор источать!
Не знать болезней
(слабость пленом ваш дом
не стала б утруждать!)
Дай Бог вам горестей не ведать...
быть в дружбе с совестью, в ладу,
и находить зимой подснежник,
и... рифму заплести в строку!

Дай Бог поменьше сокрушений,
что как случилось, что не так.
Пусть бес не посетит сомнений,
не улестит притворством враг...
Дай Бог не знать вам паутины
из оговоров злых сердец,
чтоб позже эхом не вернулось
кому-то сказанное вслед!

Дай Бог вам солнце – утепленьем
и радостью на новый день...
Дай Боже сердцу вдохновенья,
пусть обойдёт печалей сень...
Дай Бог душевного прощенья
за ослепление грехом.
Дай Бог смирения, терпенья
в дороге дальней
хладным днём...

Ни озорство,
ни злоукавство
не огорчит в веселья час...
Пусть рядом будут добры люди
и друг сердечный не продаст.
Пусть полнитса река желаний
водой исполненных надежд,
и будут радостны тревоги,
и нежен сладостный рассвет!

Пусть ожерелье слёз жемчужных
до аритмии не корит...
И воздух всех садов цветущих
всю жизнь вас бережно хранит!
Насыплю пригоршнями счастье
любви – что Бог для жизни дал...
Храните, радуйтесь, щедрите
(пока Всевышний не взыскал!)

И в праздник солнечного света,
и в белом снеге у окна...
И в щебетанье птиц весенних –
коротким росчерком стиха,
и в день надеждоу заветный,
в туман укутавший зарю...
Прошу за вас – дай Бог вам силы –
жалеть людей...

А я... – прощу.

Светлана Моисеева

г.Волхов, Ленинградская обл.

Стихи пишу – сколько себя помню, люблю все свои стихотворения, и хорошие, и не очень, как мать любит всех своих детей. Увлечение поэзией, вероятно, повлияло и на профессиональный выбор: много лет учу детей «разумному, доброму, вечному» – работаю учителем русского языка и литературы в родной средней школе №8 города Волхова.

Тонкий месяца серп

*Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...*

А.Ахматова

Снова утро до боли похоже на сумрачный вечер.
Тонкий месяца серп уплывает на запад фелукой...
Мне казалось,
скользим мы с тобою друг другу навстречу,
Но желанная встреча опять обернулась разлукой...

Мне казалось, окно я оставила настежь открытым,
Но задёрнуты наглухо шторы, и ставни –
без щели...
И слова, что молитвой твердила, бесследно забыты,
Вместо них –
только скрип от дождя почерневших качелей...

Я хранила кленовые листья пурпурной окраски –
Меж страницами книги труха
вместо листьев осталась,
И в красивые, добрые, с детства знакомые сказки
Грязной кляксой вползла
истомившая душу усталость.

А фелука судьбы продолжает свой путь
в неизвестность,
Где на каждую встречу приходится по три
разлуки...
Тонкий месяца серп, осознав вдруг свою
бесплезность,
Обречённо звенит и стекает слезами мне в руки...

Шарф

Вновь лижет огонь лениво берёзовые поленья:
То вздыбится лавиной гривой, то пепельной ляжет
тенью,
Разглаживает морщины на скорбном лице
полена...
Она опять у камина. А отсвет огня – на стенах.

Она замерла с вязаньем на стуле, выдавшем виды:
Вот возраст-то! Наказанье! –
и плещет в глазах обида.
Обида кусает сердце: как пусто в огромном доме!
А ей бы – чуть-чуть согреться, чтоб сбросить тоску
в истоме...

Тоска тёмно-серой шалью давно ей легла на плечи:
И чай она пьёт – с печалью,
и на ночь – не гасит свечи...
Как сердце болит, расскажет она лишь ему, камину.
Потом.
Когда шарф довяжет
Погибшему летом сыну...

Пила я нектар из чужого бокала

Пила я нектар из чужого бокала
И счастье чужое с придирчивым видом,
Как платье со шлейфом, себе выбирала.

Рвала я цветы полевые на воле,
Атласною лентой вязала в букеты:
Они, мне казалось, не чувствуют боли.

Я бабочек нежных ловила ладошкой,
По бархату крылышки их расправляла –
Носила на платье изящною брошкой.

И всё мне казалось простым и послушным:
Я лёгкой рукой циркача-кукловода
Водила за нити и жизни, и души.

Чужою судьбой я играла беспечно
И звонко смеялась, не веря страданиям,
Считая наивно, что так будет вечно.

В отраву однажды нектар превратился,
Поникли от боли цветы полевые,
Осыпались крылышки бабочки-брошки,
Циркач-кукловод растерялся и сбился –
И нити, как плети плюща неживые,
Повисли в бессильно упавшей ладошке...

То, что досталось

Звонкой дробью вприпрыжку несутся минуты,
И будильник стрекочет шальным пулемётом:
Ты приходишь – и время дуриет почему-то,
И душа замирает, как перед полётом.

Ты приходишь – и словно разлук не бывало,
И не прожитых вместе недель не случилось...
Может, зря... не тяну на себя одеяло
И лелею в душе только то, что досталось?

...Роз букет ты поставил опять в изголовье,
Чтоб я вместе с тобой по утрам просыпалась:
«Только то, что досталось» зовётся любовью!
...А не прожитых вместе недель – не случилось...

Ну какое мне дело?

Сумасшедший Апрель, ну какое мне дело,
Что с судьбою своей ты опять не в ладу?
Ты напомнил мне то, что давно отболело –
Не к добру ты играешь со мной в чехарду!

Прошлогодний твой брат мне устроил потеху:
Всё твердил невпопад, чтоб сжигала мосты.
Но до Мая тогда мой трамвайчик доехал:
К счастью, я не брала путевые листы.

Я палила костры не на сердце – на даче,
В них сжигая апрельской метели тоску:
Я б давно не жила, если б было иначе, –
Видно, Май написал мне Господь на веку!

Сумасшедший Апрель, ну какое мне дело,
Что ты видишь опять прошлогодние сны?
Сяду в старый трамвай, чтоб душа не болела:
Пусть везёт меня в Май – в первый месяц весны...

Саму себя отчаянно жалея...

Саму себя отчаянно жалея,
Перебираю старые листочки:
Когда-то же струились веселее
Мои судьбою скрюченные строчки!

Когда-то же вились изящной вязью,
Переливались радугой желаний,
Наивные, не тронутые грязью
Обмана и растоптанных мечтаний!

Листаю пожелтевшие тетради,
Знакомые до судорожной дрожи, –
В любой из них найду, почти не глядя,
Чужую жизнь, что на мою похожа...

В нашем августе пахнет осенью

Высь небесная стынет просинью.
В нашем августе – пахнет осенью,
Пахнет горечью куст рябиновый,
У подсолнуха – сердце вынули,

Томных лилий краса помятая
Пахла мёдом. А нынче – мятою.
И ромашек толпа глазастая
Бойким взглядом уже не хвастает.

Ночь тумана вуаль набросила...
В нашем августе – пахнет осенью,
Пахнет горечью расставания.
В грустных строчках – моё признание,
Мимолётное настроение:
Ведь любовь-то – всегда весенняя!

Исповедь старого дивана

Пишу. Зачем, и сам того не знаю:
Не может у дивана быть потомков.
Но кто-то, может быть, и прочитает,
И выбросит потом, небрежно скомкав.

Я стар, как мир. И выцвела обивка.
Местами кошка когти приложила.
Давно уж нет на свете той паршивки,
А я пока скриплю себе вполсилы...

За век диваний всякое бывало:
Сменил я три квартиры между делом,
Ношу сейчас седьмое покрывало
(Шестое у камина обгорело).

Любовных сцен я повидал в излишке:
Шальные, прямо скажем, были ночи!
Потом по мне запрыгали детишки
(Признаюсь, был немного и подмочен).

Но чаще с ностальгией вспоминаю
Привычные вечерние сюжеты,
Когда хозяин, выпив кружку чаю,
Шуршал в моих объятиях газетой.

Прошло три года, как его не стало –
Хозяйка лет на десять постарела...
Но так же стелет мужу одеяло,
Разглаживая складочки умело,

Морщинистой дрожащею ладошкой
Пуховую подушку поправляет,
Вздыхает и садится у окошка,
И кулачками слёзы вытирает...

От жалости дрожат мои пружины:
Недолго нам с хозяйкой до погоста...
Гордился я: заслуженный, старинный...
Да что там говорить? Я – мебель просто...

Поздно всё переписывать начисто

Встрепенётся вдруг время тревожное
И нацепит личину прошедшего.
До небес дотянуться несложно мне –
Сложно память унять сумасшедшую.

Вагонеткой по рельсам заржавленным
Вспять несёшься, колёсами звякая.
Всё, казалось, уже переплавлено,
И надежда оставлена всякая.

Те же грабли, что памятью брошены,
Ищешь, чтобы ударили заново.
Память, стоп! Ну давай по-хорошему!
И зачем ты явилась, незваная?

Хлещет ветер лохмотьями мокрыми,
Ветер прошлого, злой и ухватистый.
На столе – фотография блёклая...
Поздно всё переписывать начисто...

Вдруг?

А небо сегодня – без дна и без края,
Сиреновой дымкой подёрнута даль.
Я вдруг поняла, что уже не считаю
Ни дней, ни часов, что рождают печаль.

Эпоха безвременья мир затопила –
Без дна и без края струится поток.
Я в нём растворилась и напрочь забыла,
Как больно молчанье стреляет в висок.

Без дна и без края сиреневый вечер,
Всё реже и реже часов перестук –
В безвременье тонет желанная встреча,
Но изредка вздрогнет короткое: «Вдруг?»

Ирина Морозова

г.Москва

Запомню

Я запомню тебя, непременно запомню таким, как ты был,
Тихий плакальщик в чёрном промокшем от снега пальто...
Танцевали снежинки, кружась, как огни шапито,
Ты смеялся и, глядя на них, непрерывно и нервно курил...

Отчего-то казалось, что даже твой взгляд заболел и продрог,
Ты курил и смеялся, ругая назойливый снег...
Я запомню озябший твой взгляд и мучительный смех,
Тихий плакальщик в чёрном, заснеженно-нежный
король-скоморох...

Изволь

Мой милый принц, ты долго чистил латы, –
Окончен бал, а платье съела моль,
Целует Золушку чужой брюзга-король...
И мы с тобой ни в чём не виноваты, –
Латаем сны – заплатка за заплатой...
Ты этого хотел, мой принц?.. Изволь...

Сорок пятен

Наигрались в дочки-матери,
Разбежались по домам...
На ажурной белой скатерти –
Сорок пятен по углам...

Ах! Разгневаётся маменька, –
Ей всю ночь стирать ажур, –
Отругает дочек маленьких...
Пожалеет взрослых дур...

Ум короткий, косы длинные, –
Покориться и молчать...
Бабы – дурами наивными –
Станут пятнышки считать...
И стирать...
стирать...
стирать...

Сорок пятен... сорок бед...
Сорок бабьих горьких лет...

Отпусти

Отпусти меня,
не держи...
Оставляю бывшее –
прошлому.
Прежней близости
миражи
Нашей снежностью
припорошены...

И у каждого – свой
рассвет,
Свой очаг и своя
история...
И обратной
дороги
нет
В изменившихся
траекториях...

Держи меня за руку

По краю реальности... трепетно, нежно – по нежному,
Касаясь губами... в безвременье медленно падаем...
Держи меня за руку, это не страшно, я рядом... но
Два сердца дробятся на части с тоской и надеждою...

Когда облака под ногами – всклокоченной пеною,
Теряется страх высоты, будто нет притяжения...
Смотри на меня... я – твоё, ты – моё отражение,
Потерянный рай и забытая наша вселенная...

Больше, чем долго

Это больше, чем долго, – с тех пор, как мы были вдвоём, –
Будто в щель ветрового окна унесённая жизнь,
Загулявший сквозняк тянет в пропасть, –
держи и держись, –
И уже не страшит перспектива пропасть:
суждено – пропадём...

И в отчаянии крикнув сквозь слезы: гулять так гулять, –
Убежим от тоски вслед за ветром и мятным дождём,
Затянувшимся шрамам на сердце шепнув:
мы ещё поживём, –
Если шрамы саднят по ночам, значит, есть что терять...

Сто наших бессонниц назад

Забери мои сны, сколько есть их, бери безвозвратно,
Все они о тебе, значит, можно сказать, и твои,
Я хранила их бережно, стопкой сложив аккуратной,
Как немые портреты когда-то счастливой семьи.

Отпусти наши сны, пусть они улетают, как птицы,
Вольным – воля, коль время пришло, не держи, пусть летят...
Я надеюсь, однажды они захотят нам присниться,
Точно так же, как снились сто наших бессонниц назад...

Так и надо

Так и надо мне, – заслужила,
Отравилась коротким «да»,
Будто жизнь свою раскрыла
От тебя и до «никогда»...

Так и надо мне, – локти близко,
Сколько силы найдёшь, – кусай...
Постоянство моей прописки –
Бестебяшный постылый рай...

Золушка

Горох – от риса, просо – от пшена...
И сорок кактусов в нарядненьких горшочках,
Балы и принцы в старой сказке на ночь дочке...
И карандаш, шурша, выводит на листочке, –
Сегодня Золушка опять грустит одна...

А так хотелось, чтобы фея – на порог,
И платье – в пол, и за окном ждала карета...
Но даже в рай теперь пускают по билетам...
И плачет Золушка на кухне до рассвета,
Ссыпая на пол
 просо... рис... пшено... горох...

Счастье, mon chere

Знаешь, mon chere, счастье – это не то, чтобы
всё хорошо и гладко, чтобы душа срывалась от
радости с места в карьер... Счастье должно быть
с горчинкой подтаявшей шоколадки, как та, что
мы запивали ликёром... ты помнишь, mon chere?..

Или когда посреди жары на скамейке летом нас
заливало до нитки холодным дождём... Это любить
друг друга до и после рассвета... падать, сбивая
колени и локти, зализывать раны... вдвоём...

Счастье, mon chere, – это когда ты держишь мои
запястья... слушать биение сердца, прижавшись
к груди... Я и сама не знаю толком, что значит счастье,
– просто скулю без тебя и тоскую, mon chere...
Приходи...

Вполнакала

Мы любовь на любовь меняли...
Вполнакала, но как-то жили, –
Изменяли, себя теряли,
Признавались, но не любили,

Целовались взахлёб от скуки,
Обещая, не обещали,
Разжигали сердца, чтоб руки
На морозе не замерзали...

Это было смешно и странно, –
Нам друг друга всегда хватало,
Мы лечили тоску и раны
По инерции, вполнакала...

Нам казалось, что мы играли,
И, играючи, уходили...
Уходили, как умирали...
Всею душою... и что есть силы...

Копилка

Неприкаянно слоняюсь
По углам твоей души,
Спотыкаюсь, разбиваюсь,
Рассыпаюсь на гроши...

Хочешь грошик на удачу?
Я оплачу всё сполна...
Оплачу... или оплачу...
Все едино, грош – цена.

Значит

Давай обойдёмся без дат и имён,
Без тянущей вниз мишуры ярлыков...
Отмеченный в лоб поцелуем богов,
Возможно, тем самым богами клеймён...
Сотрём траектории ложных границ,
Презрев относительность их высоты,
Без страха падём у последней черты, –
Упасть – не всегда означает, что «нищ»...
Упасть с высоты – далеко не итог, –
Чем ниже, тем выше разгон для прыжка...

Касаюсь тебя... и теплеет рука...
А значит, что ты – мой единственный БОГ...

Пока я не ушла

Ключи, помада, смятый проездной...
Твой кот меня до двери провожает...
– Прости, усатый, но... никак со мной...
Да ладно, всё наладится, не ной, –
Святое место пусто не бывает...

Не щурься, серый, я ведь не со зла,
И не грусти... забыл? – коты не плачут...
Ты есть... а я почти уже была...
И вот ещё... Пока я не ушла,
Дай почешу за ухом на удачу...

Не по-весеннему

Небо роняет последний свой снег,
как застывшие слёзы,
Пересекая пути невесомых снежинок
и наши пути,
В воздухе не по-весеннему зябко
и пахнет морозом,
Непостоянством весны, новомодным
парфюмом и хрупким «прости»...

Ленты заснеженных улиц,
сплетаясь предательски туго,
Давят на горло до хрипа, до спазмов,
мешают дышать...
В этой расхристанной полувесне
нам нельзя друг без друга, –
Крепче меня обними,
чтобы нечего было друг другу прощать...

Предел постоянства

Пять твоих и моих
бесконечно коротких минут,
Поцелуй, разрывающий в ключья
немое пространство...
Ты – константа моих удивительных снов
и предел постоянства,
Недоступная точка сплетения
двух амплитуд...

Пять минут, разделяющих жизни
на «после» и «до»,
Как безвременье времени... тихо...
за каплею – капля...
Два нелепых актёра
в таком же нелепом спектакле...
В бесконечной репризе, цикличной,
как выдох и вдох...

Шёпотом

Прошепчи мне тихо... так, чтобы слышала только я, что, как прежде, ждёшь и хочешь меня обнять... Я почти сдалась и совсем не хочу гадать, что с тобой было до и будет после меня...

Я почти забыла, как это – быть с тобою вдвоём, только вижу сны, мои нелепые сны... Не сойти б с ума от цветущей шальной весны и от этих снов, что приходят с твоим лицом...

Я сама не верю в родство наших душ и тел, но как будто им совсем не до наших вер... и, сведя на нет полузначимость полумер, я приду в твой сон так внезапно, как ты хотел...

Рыжее

Я хочу быть твоею последней... твоею точкой... Против правил, канонов и пусть даже против веры... Все приличные кошки ночами бывают серы, Только я буду ярко-рыжей сегодня ночью...

Презирая законы и серость, пройду упрямо, Вызывающе рыжей шерстью тебя пленяя... На коленях свернувшись клубком, в двух шагах от рая, Обниму тебя мягкой лапой... мой САМЫЙ-САМЫЙ...

Никто не виноват

Никто из нас ни в чём не виноват... Привычка быть уже не ранит души... Песочный замок так легко разрушить, Сломать... и отвести невинный взгляд... Одним кивком, движением ресниц Насыпать соль на ноющие раны, Искать грехи, провинности, изъяны, Не замечая скорби бледных лиц, Распахнутых от боли страшных глаз, Вобравших все круги немого ада... И, уходя, сказать: прости, так надо, Никто ни в чём не виноват из нас...

Вдоль линии судеб

Твоя нереальность сродни моему одиночеству, Мне ближе всех близких – твой стёртый на сгибах портрет... Я просто попутчик без племени, рода и отчества В затерянный город, которому имени нет.

Вдоль линии судеб теряется след в бездорожии, Стирая надежду тебя по нему отыскать... Две сломанных жизни, которые нами не прожиты, И право на выбор, которого нам не принять...

Целую тебя

Целую тебя... целую тебя... целую... Губами, как угольками, сжигаю кожу... Целую тебя, мой нежный, мой невозможный, Я призрачный сон... запомни меня такую...

Запомни меня полынным шальным рассветом, Внезапным дождём, глотком сумасшедшей ночи... Запомни меня такой, как ты сам захочешь... Мой призрачный сон... целую тебя за это...

Не больно

Слова на губах застывают нелепо, безвольно И бьются о стены с отчаяньем раненой птицы, И счастье сочится сквозь пальцы в песок по крупiciцам... Не больно...

Не больно прощаться, когда прогорело, остыло За давностью лет и бездумно растроченных вёсен... Тебя я давно, как нежности пришедшую осень, Простила...

Я тебя нарисую стихами

Я тебя нарисую стихами на белом листке Карандашным наброском нанизанных бусами слов, Обниму летним ветром, дождинкой скользну по щеке На неровные строчки тебе посвящённых стихов...

В нарисованном мире придуманных мною страстей Карандашным наброском останется в сердце портрет... Рассыпаются бусы с разорванной нитки моей, Как меж пальцев песчинки на пляже, которого нет...

Любит – не любит

Любит – не любит... болит – не болит... Глупой ромашке доверив решение, Рву лепестки, чтоб развеять сомнения: Верит – не верит... простит – не простит...

Больно – не больно... Печаль между строк... Всё перемелется, стерпится, слюбится... Всё непременно когда-нибудь сбудется... Падает грустно пророк-лепесток...

Падает... падает, в танце кружась... Невыносимо... покорно... безропотно... И, умирая, пророчит мне шёпотом Тихое счастье... и синь твоих глаз...

Мой безумный сон

Мне снился сон: пушистая сова, Как кошка, С моей ладони слизывала крошки, Вцепившись коготками в рукава...

И розовели листья у берёз, И был рассвет по цвету схож с лазурью... И в этом опьяняющем безумьи Всё было настоящим и всерьёз...

И кошка, сладко спавшая в ногах, В мгновение, Сверкая белоснежным опереньем, Взлетела птицей, скрывшись в небесах...

Мне было разбираться не резон, Как перепутались сова с домашней кошкой... Я отряхнул с колен остатки крошек, Прогнал сову... и свой нелепый сон...

Денис Минаев

с. Матыра, Луховицкий р-н,
Московская обл.

Родился 19 июля 1977 года.

Член Союза писателей России.

Автор книг: «Моя родная» (стихи и рассказы, 2009), «Поэт и осень» (стихотворения, 2010), «Мне бы в юность» (стихи и рассказы, 2013) и книжки-раскраски для детей «Одуванчик» (стихотворения, 2013).

Также его стихи и рассказы вошли в три десятка коллективных сборников. Награждён Большой серебряной медалью им. Н.С. Гумилёва.

*По плодам их узнаете их.
(Из Нагорной проповеди Иисуса Христа)*

(вместо пролога)

Злюсь...

Душа моя не на месте...

Пребываю я в шоке полном...

Покупал незнакомец крестик.

Молвил: «Дайте с гимнастом голым»...

.....

Представляется нам хорошим

Всё, что делаем на планете.

Даже вдруг окажись мы в прошлом –
Эдак двадцать назад...

столетий, –

Нам бы не было стыдно, плохо.

Мы б смотрели, как представленье:

Человек... один!.. на Голгофу

Крест...

наш!..

тащит...

во искупленье...

Мы бы начали делать ставки:

«Упадёт...»

Донесёт...

Всё. Bravo!!!»

«Ой, смотрите, кого-то в давке

Затоптали»...

Аншлаг!!!

Забава!!!

А потом, позабыв о каре,

Мы бы снова предались блуду.

И, нажравшись, в хмельном угаре

Стали все обнимать Иуду –

Лицедея бессмертной драмы,

Что поставлена гениально.

Показушно всплакнули б... дамы,

Привлекая самцов брутальных...

А в ближайшее воскресенье

Побежали б мы ставить свечи.

Просто так...

Заодно со всеми...

И не каялись...

«Нам же не в чем, –

Ведь не мы «мужика» прибили

К кипарисовым деревяшкам.

Сам избрал свою не по силе

Ношу.

Ведал, что будет тяжко»...

.....

(вместо эпилога)

О Господь, Ты прости заблудших,

Научи соблюдать заветы,

Изничтожь бесовщину в душах,

Помоги обратиться к Свету.

Старик

А он шепчет во сне – «Мила!

Потерпи там...

Чуть-чуть осталось...»

Катя Селюк

Утро. Собаки взрывают нехоженный снег.

Как бесподобны, наверное, их ощущения...

Где-то в сторонке идёт пожилой человек.

Он незаметен.

Безмолвен.

Окутан забвеньем.

Нетороплив. Он давно никуда не спешит.

В память о юности бурной – лишь пара медалей.

Все остальные награды зятя-алкаши

За самогонки пол-литра с похмелья продали.

Дочки, которым он всю свою жизнь посвятил,

Не забывают – в дни пенсий приходят исправно.

Но ненадолго – нет времени вовсе и сил.

Так что не нужно их помощи ждать и подавно.

Мог ли подумать в войну боевой офицер,

Что он заслужит такую «счастливую» старость?

Мог ли представить, фашиста беря на прицел,

Что благодарность ему будет меньше, чем малость?

В драповом, пахнущем дурно, потёртом пальто

Бродит старик, стеклотару с земли поднимая.

И возле мусорных баков не видит никто

Тусклого взгляда героя победного мая.

Вечером дома дешёвую сварит лапшу.

Съест безразлично.

Один.

И нахлынет усталость.

Скажет, на фото супруги смотря:

«Я спешу...»

Ты потерпи там,

родная...

Недолго

осталось...»

Людмила Михеева

г. Луховицы, Московская обл.

Для продолженья птичья рода
певец весны, спеша, летит.
Да переменчива погода:
то расцветёт, то загрузит.

Луна закрылась облаками.
Трудяга-ветер тучи рвёт.
И первый гром не за горами.
А с ним и летний дождь польёт.

9.03.1984

Грачи

Капели стук о подоконник
открыл весенним дням отсчёт.
И чёрный грач, весны посланник,
гнездо своей подруге вьёт.

На кронах ивы придорожной,
а где-то даже на сосне
его собратья строят гнёзда,
крича и радуясь весне.

Один отыскивает ветки,
другой квартиру сторожит,
чтобы сосед, грачина дерзкий,
не попытался захватить.

А вон воришка, озираясь,
чужие прутьики крадёт.
Из гнёзд соседских вынимает
и к своему скорей несёт.

До ночи не стихает гомон
над поселением грачей,
где каждый обзавёлся домом
затем, чтоб вывести детей.

За лето выпестовать нужно,
поставить крепко на крыло.
Ведь в край далёкий, тёплый,
южный
лететь на зиму нелегко.

Так в чём же этот главный подвиг
всего живого и людей?
Продолжить род себе подобным:
родить и вырастить детей.

1.03.1996
12.01.2004

Сорочий дом

На яшень высокий
сорока присела.
Местечко себе
для гнезда присмотрела.

И вот уже
пара крикливых сорок
для будущих деток
возводит домок.

Но тут налетели
воришки-грачи.
Присвоить гнездо
захотели они.

Сороки трещали,
грачей отгоняли
и новые прутьики
дружно таскали.

А чтобы в «квартиру»
никто не залез,
соорудили
над нею навес.

Два дома следили
за птичьей борьбой.
Растроганы люди
сорочьей судьбой.

Сумели сороки
гнездо отстоять,
и скоро в нём
птенчики стали пищать.

Сулит городское соседство
беду.
Охотница кошка
крадётся к гнезду,

таясь средь зелёной листвы
и ветвей.
Хозяева храбро
бросаются к ней.

Заставили хищницу
с дерева слезть.
Но не расхотелось ей
птенчиков съесть.

Сорока поскоком
за кошкой бежит,
вниманье отвлечь
на себя норовит.

Догонит и клюнет
ей кончик хвоста!
Они состязались
до вечера так.

Чем кончилось это,
не видел никто.
Но вот
опустело сорочье гнездо.

А ранней весною
жужжащей пилой
опилен был яшень.
Он стал... нежилой.

27.04.2002
г. Луховицы

Кто же сделал это чудо?

Ночь на вахту заступила,
сном людей угомонила
и решила, что пора
приниматься за дела.

Из большой и тёмной тучи
раскидала снега кучи,
мягким пышным покрывалом
склоны сопок укрывала.

Посыпала щедро крыши,
чтоб дома казались выше.
А на землю и дороги
коврик кинула под ноги.

Облака повыше взбила.
Порт огнями расцветила.
Так, снежинками шурша,
Ночь трудилась не спеша.

Тихо спит портовый город.
Серебром искрится море.
И над островом одна
улыбается Луна.

На часы взглянула Ночь –
уходить пора ей прочь:
вышел ей на смену День.
Поползла по небу тень.

Стало всё вокруг не так.
Взяв в карман Луны пятак,
Ночь, довольная собой,
удалилась на покой.

Утром, выйдя, ахнут люди:
– Кто же сделал это чудо?
Вся земля белым-бела! –
Ночью к нам зима пришла.

7-15 ноября 1981г.
о. Сахалин, г. Холмск

Весна

Отяжелевшие сугробы
покрыла плотно корка-наст.
На нём, рассыпаны природой,
сверкают искры, как алмаз.

Весна местами снег слизнула.
И в ожидании тепла
от спячки роща встрепенулась.
Всех раньше верба зацвела.

Я прошагал немало по стране –
От юности армейской до печали,
И потому влекут родные дали
Меня к родной азовской стороне.

Романтика с годами не проходит.
И, отшагав армейские версты,
Теперь стабильно мною
верховодит
Та сущность моей юности мечты.

Сейчас,
в годину тяжких испытаний,
В краю под прежним зовом СССР
Меня, конечно, не на Запад тянет –
На землю, где азовский «интерьер».

Хочу быть здесь,
хоть раем и не пахнет –
В родном краю
безделье прижилось,
Хочу, чтоб для меня на поле предков
Тепла от сердца русского нашлось.

Хочу встречать рассветы под Азовом
И ощущать всю прелесть чабреца,
Хочу быть рядом с добрым,
верным Доном,
Как в детстве,
слышать топот жеребца...

Мне очень верится –
придёт пора такая,
Когда я вновь спою в краю родном,
И с нежным трепетом
калитку открываю
Для сына, внука и друзей
в свой дом.

Я малой Родине пою

Мне бы пройти по первопутку,
Касаясь стороны донской,
Чтобы на полном вздохе
крикнуть:
«Спасибо, Родина, я – твой!».

Уже прошли былые годы,
Я снова здесь, в родном краю.
И, несмотря на все невзгоды,
Я малой Родине пою.

Мне бы прочувствовать душою
Тоску родного бытия,
И не пройти бы стороною
Тех мест, где Родина моя.

Здесь Дон мой и моя Азовка,
В тиши застыли камыши,
Здесь улица моя Азовская,
Где встречаю рад я от души.

Я люблю тебя, малая Родина

Я люблю тебя, малая Родина,
С зовом утренним петуха,
С камышовой крышей и ставнями
У родительского очага.

С яркой краской калины
ветвящейся,
Звуком трактора на полях
И ребячьей ватагой, резвящейся
На родной Азовке волнах.

И с костром на зорьке вечерней,
И с парною душой молока,
И с разлукой, порою значительной,
И с размаха – наверняка!

Много прожитого, много пройдено,
Чтобы вновь к тебе подойти.
Я люблю тебя, малая Родина.
Ты – дорога в личном пути.

Недопетая песня

Как будто
все расставлены уж точки,
Приходит время –
нечего скрывать,
Когда с берёзы плачут
соком почки
Приходится о чём-то тосковать.

Берёзка милая, скажу тебе, родная,
Как другу верному
и искренне любя:
Ещё не спета песня боевая,
И бродят чувства, душу теребя!

И не остыла в жилах
кровь донская,
Не рвусь совсем я
на людской покой,
И песня недопетая, живая
В душе бурлит могучею рекой.

Клянусь тебе, любимая подружка,
Исполню всё,
судьбой что суждено,
Залог тому –
крестьянская избушка,
Мой отчий дом,
где было так тепло...

Отчий дом

Годы быстро летят,
но уверен мой взгляд,
И я знаю, к чему мне стремиться...
Всё родное кругом,
дорогой отчий дом,
Я иду, чтоб тебе поклониться.

В тишине я грущу, подбирая слова,
И позёмка, как прежде, кружится.
Я стремился к тебе,
где бы ни был, всегда,
Отчий дом, чтоб тебе поклониться.

Вот я снова стою у родного двора,
А напротив – казачья станица.
Край родной, отчий дом,
ты в душе у меня,
Я пришёл, чтоб тебе поклониться.

Алтарь Отечества и женщины России

Страницы жизни,
как страницы книги,
Листаю я, дыханье затаив.
Передо мной бои во имя жизни –
Кровавые, жестокие бои.

Передо мной разруха, лихолетье
И жгучая тоска души моей
О женщине-герое многодетной,
Сражавшейся
в тылу войны своей...

Алтарь Отечества и женщины
России...
Слова тут неподкупны никогда.
Ты – Родина, ты мать моя – Россия!
Ты – женщина! И я люблю тебя...

Люблю я женщину России

Люблю я женщину России
С её чарующей красотой
И непокорной, горделивой,
Но с чисто русской душой.

Она коня в скаку усмирит,
В избу горящую войдёт.
Она ребёнку жизнь подарит,
Любую трудность превзойдёт.

Лишь потому, что дочь России –
Всегда в труде, всегда герой.
Пусть непокорна, горделива,
Но с чисто русской душой.

Алексей Никонов г.Кораблино, Рязанская обл.

1. Истоки лжи не скажут о себе плохого.
2. Смеясь порою над бессилием других, не замечаем, как смеёмся над собою.
3. Птицу поднимает не только размах крыльев, но и стремление к полёту.
4. Упрощённый вариант жизни – пьянство.
5. Жизнь – это наше присутствие в пространстве.
6. Тело – раб мозга.
7. Но покроются пылью года.
8. Талантливые уходят раньше. Видно, кому-то и там скучно без них.
9. Пусть в этой жизни я ничего не значу, но рвенью к мысли пусть приобретёт значенье.
10. Эх, Русь, смотри, как смерть людей терзает.
11. Как часто стала вздрагивать земля, она не спит, ей больно очень от ран, что люди нанесли.
12. Корабль, построенный из органов земли, далеко не уплывёт.
13. Я бредил красотой России и признавался ей в любви.
14. Ушедшие не будут с нами, у них теперь загробный мир.
15. Душа ушла, и память тает, и тело превратилось в пыль.
16. Днём меня много, а ночью – один.
17. Вином и сердце не согреешь, и в душу смачно наплюёшь.
18. Эх, как жестоко поступает лесь, ей в помощь недоверие и зависть.
19. После бурных дней молодости одиночество опустит тебе руки, и ты потянешься только за стаканом.
20. Вино украдкой ходит по России как тяжкий и ненавистный груз.
21. Спирт хваток, народ шаток.
22. Если хочешь быть хорошим – дай обмануть себя.
23. Я ненавижу Вас, я ненавижу Вас за то, что Вы пополнили судьбу любви изменой: закрыв глаза, Вы погубили дни. Сломали всё и не дождалась перемены.
24. Проститься – избавиться.
25. Жизнь – это сон – проснёшься перед смертью.
26. Настоящий поэт тот, кто пишет рукопись так же нежно, как ласкает женщину.
27. Женщина – это сложное изобретение природы.
28. Стихотворение – это красота души человека.
29. Воспевая мёртвых, не забывайте о живых.
30. Стерва жизнь – стерва.
31. Стакан вина стал для многих заводной рукояткой и сломал немало судеб.
32. Если сник, угрюм, невесел – не потеряй себя в депрессии.
33. Первая глупость – прощенье,
Вторая глупость – беда.
Третьей присуще рвенью
Лохом стать навсегда.

34. Не надо громких фраз о чести, она утонула от стыда.
35. Измена и предательство – близки и едины.
36. В глазах и ложь, и к правде склонность. Как разгадать неопределённость?
37. Когда-то все мы станем былью,
И вряд ли что поможет нам
Вернуться в мир, в котором жили,
Где чувства в жертву приносили.
Идеи в нас – быстрее бы в храм
И замолить грехи слепые.
38. Сначала потеряю всё, потом прозрею и возьмусь за ум...
39. Утонули мысли в грусти, и пошла душа плутать.
40. В этой жизни всё пустило самотёком. Настолько глупо – не окинешь оком.
41. Слыла смешной загадкой, когда играли в прятки мы, предстала птицей раненой ты много лет спустя.
42. Растают следы на снегу – рассеются годы в пространстве.
43. Природа ставит нашу жизнь под сомнение.
44. Хозяйка смерть. Хозяйка прибирает всё к рукам.
45. Эх, сколько надо силы и терпенья, чтобы дождаться той минуты вдохновения.
46. Остатки роскоши нам преподносит жизнь – кормилица-земля на грани катастрофы.
47. Художник, рисуя картину, в первую очередь ублажает себя, а уж потом, кому понравится.
48. Столица брезгует народом – в глубинке бродит нищета.
49. Искусство – это вещь не обязательная, придуманная, требующая постоянной критики.
50. Мы восхваляем всякий транспорт, но льются слёзы в мире странствий.
51. В твоей душе я туч не видел, в моей душе живёт погибель.
52. Тишина провеет мысли и заставит долго жить.
53. Похоже, пьянство разрешено современным руководством – модель нужная, чтоб очистить общество от ненужного.
54. Трещат мои мозги по швам, а тело терпит унижение.
55. Лишь резкий контраст хорошего с плохим рождает плод таланта.
56. Все блага жизни зависят не от размеров ума, а от его реализации.
57. Поэзия – это борьба постоянная, борьба со строкой и конкурентами.
58. Лишь только вследствие ума – последствия.
59. Уймись, судьба, меня не трогай, хочу пройти другой дорогой.
60. Стиль жизни нам диктует время – раздвиньте камни и пролезьте в щель.
61. Я не хочу в люди – там нелюди.
62. Не допусти судьбу сидеть у ног твоих, порой мне хочется чего-нибудь другого.
63. Ностальгия о прошлом – как мучительный сон. Помню всё, но туда не пускают.
64. Ах, вдохновенье, вдохновенье, не уходи, мне так легко!
65. Пустая затея – дума о рае.
66. Смеётся тот, кто засмеётся первым, не дёргайте ногою нервно и не ищите дураков!
67. Нет! Госпожой не будет мненье. На троне наше настроенье.
68. Ну что ты! Разве можно себя неосторожно, небрежно бросить в грязь.
69. Кому-то музыка облегчит ношу чёрных дней.

70. Убереги себя от сладких дум – взгляни иначе.
71. И мы спешим, и годы не стоят на месте.
72. На горизонте старость двери открывает.
73. Первый твой друг при одиночестве – чистая квартира.
74. Начальник при жизни – подчинённый в аду.
75. Утро смеётся над глупостью вчерашнего дня.
76. Не потеряй себя в пучине бед – не увлекайся чёрной полосой.
77. Когда смеётся кто-то очень – душа его пуста.
78. Ты страстно не жалей ушедших в бездну дней.
79. Я доедал вкуснейший борщ твоей души, а ты стихом моим пренебрегала.
80. Старость – это неповиновение здравому смыслу.
81. Слегка поджав хвост, пёс убегает, слегка нахмутив бровь, мужик запивает.
82. Не Божий дар прикрыть легко лазейкой сможет, угонив стремленье к совершенству, вернёт случайных на свои места, и не видать нам умных лиц на троне.
83. Признание музыкант заслуживает только тот, о ком положительно отзываются сами музыканты.
84. Я уйду из твоей жизни таким же ненужным и чужим.
85. Человек борется до тех пор, пока в нём играет самолюбие.
86. Стоит только раз оглянуться, и твой дальнейший путь окажется для тебя сомнительным.
87. Кому нужна наша слабость – если только врагам.
88. Далеко, далеко идут дожди, возможно, ты под ними мокнешь.
89. Наступит вечер, зажгутся свечи, нагрянут думы о далёком, тёплом и былом.
90. Откройте мне глаза, я ничего не вижу. «Открой!» – кричу тебе, и ты меня не слышишь.
91. Если бы Вы были великой актрисой, мне бы пришлось быть нищим зрителем.
92. Всё, что создано руками и умом человека, не может быть выше его возможностей.
93. В любой судьбе есть трезвый путь.
94. На Рязанщине мужики пьют, а бабы ездят на несмазанных велосипедах.
95. Жизнь «сорит», а смерть убирает.
96. Мы к старости бежим, не считая километры. Когда достигнем «цели», считаем и шаги.
97. Болезнь – это попытка иных миров уничтожить тебя.
98. У каждого человека с рождения написана судьба его. Он может сделать незначительные изменения в ней, но своими усилиями прибавит себе больше мук...

СТИХИ

Вдохновение

Осенний ветер – холодный, холодный –
Печальные лица ласкает, ласкает.
А вход в этот мир – без сомненья, свободный –
Любителей строк ублажив – вдохновляет.
...Какое-то странное чувство тревоги
Сменяется оперным пением птицы.
Как хочется в эту историю влиться
И странности этой напиться, напиться!
Мираж нарисует таинственный замок,
Ковёр из чудес позолоченных листьев
Пусть в этом музее слетаются птицы.
Спасибо! – мгновенью смешной небылицы.

Все мы смертны

В твоей душе оркестр умолкнет.
Задушит радость серость дня.
И странник, тихо двери открывая,
Пленит тебя, слезой маня.
Ты побредёшь таинственно и нежно,
Украдкой прячась от незримых глаз.
Долина, залитая ярким солнцем,
Поспешно превратится в тёмный лаз...

Вопросы без ответа

Размажет ветер капли на плите
И сгинет прочь бродяжничать по воле.
Плачевный мир надгробья дышит мне
Простуженным дыханием покоя.

Осиротевшее молчанье, как во сне –
Жестокий мученик плохого самочувствия...
И ты так плакала когда-то в ноябре,
Считая дни до мнимого предчувствия.

Ранимый почерк жизни октября.
И ты молчишь, родная мама – можно ли?
Вот-вот заплачет сердце у меня –
Наполнится слезой «сума» бездонная.

Две судьбы

Остаток сломанной судьбы,
Померкший свет поникшей скрипки.
Удел её – для красоты
Висеть немой на тонкой нитке.
В забытом доме всё молчит,
И нет иных от жизни хлипкой.
В постели женщина не спит,
Хранит покой умершей скрипки.
Судьба судьбе открыла дверь,
Не предъявив своей визитки.
Играли, пели, а теперь –
Слепая плата за ошибки.
Богиня жизни – тишина –
Своим бездушием пленила,
И женщина в себя ушла,
Судьбинушку вином залила.
...У скрипки высохла душа,
Остались в сердце боль и слёзы.
Теплилась память, чуть дыша.
И тихо умирали грёзы.

Как превращаются цветы
В столь ядовитые созданья?!
Последний штрих твоей любви
В моём сознание тает, тает...
И очень жаль, не знаешь ты,
Как тихо сердце замирает.
И вот брожу я по земле,
Ласкает ветер мои кудри,
Не до возвышенности мне –
Моих стихов уже не будет.
Цветы не радуют меня,
А лишь слегка тревожат души.
По свету бродит тень моя.
А облик – отраженье в луже.
Я верю, что пройдут дожди
И эту горечь в бездну смоют,
Перечеркнут твои следы,
И я пойму, что всё пустое...

Крик и шепот (Холодная невеста)

Злая осень – унылая, медная,
От богатства безумного – вредная,
Сшила грустью поля одинокие.
Бродят мрачные мысли далёкие...

Там у старой заброшенной мельницы
Старичок задержался, завредничал –
Это я, с мнимой осенью в сговоре,
Забродил сиротинушкой по миру.

Привет:

До чего же родные – «неродные» –
Ноября милей руки холодные.
И когда станет жизнь не уместной мне,
Попрощаюсь с холодной невестою...

Матери

Годы – они, словно тени,
По жизни украдкой прошли.
И нудной тяжёлою ношею
На плечи родные легли.
Последние годы настойчиво
Ты грусти своей не уймёшь.
Ответ из далекого прошлого
Ты в этой печали найдёшь.
...Я веточку срежу сирени
И нежно тебе подарю.
За плечи возьму, как любимую,
По парку весны проведу.
Играй же, весёлый оркестр,
А птицы тебе подпоют.
От звука забытого вальса
Морщинки разглядятся вдруг!

Насыщенной лирой закончилось лето.
Устало, упряталось в старый архив.
Обида – и нам не бродить до рассвета,
Уныло грустить у заплаканных ив.
Не верю, что может быть сладкой разлука.
Тоской угнетает запущенный сад,
По грязным аллеям скитается скука,
Но как вдохновляет осенний наряд!
Осталось не много для полных свершений,
Осенней стихии бродячие дни.
Мгновенье мгновений, Вы блажь или гений?
Поэтов пленило, чтоб что-то смогли...

Не жалею ты меня, отрада,
У порога души не стой.
Слёз твоих мне теперь не надо,
Не юли, не криви душой.
Ты теперь не в весеннем платье.
Это – твой незавидный штрих.
Позабыть бы тебя мне надо,
Окунуться в прощальный стих.
Чужды мне превосходства ада –
Здесь покой далеко не тих.
Побреду по тропинкам сада,
Поищу утешенья в них.
По аллеям гуляет скука,
Одинокий забытый сад.
Только он для меня не мука,
Я его превосходству рад.

О бомжах

Ты пришла погреться у костра.
Но... костёр печально догорал.
Почему так мучаешь себя?!
Отчего в изгнании душа?!
Странный почерк у твоей судьбы.
Ничего не видно – то не лесть –
Кроме страшной, ненавистой тьмы
И... тебя такой, какая есть.
Ты явилась к людям на поклон
И исчезнешь, словно тишь и гладь.
Как же так? Твоё среди людей
Перестали имя повторять?!

О далёком и родном

Чёрные птицы летают в ущелье.
Блик тополёвки, отживший муляж.
Ведьмы подбросили в ауру зелье,
Вот что боюсь я сегодня, сейчас.
Это совсем захудалая вечность.
Бисером плакала горе-страна.
Эх ты, моя вековая беспечность
Где же твоя, голубок, сторона?!
Весточки ждёт деревушка, скучая.
Я не решаюсь идти на поклон,
Старое время обид не прощает,
Новое ставит границей заслон.

Обоз 90-х

Под обрывом валялся обоз,
До предела заполненный душами.
С поля боя их в дали унёс
Беспредел благородства бездушия.
А тела? Что тела – брызги памяти,
Отголоски вчерашнего дня –
Им поставят кресты над пристанищем,
Если живы ещё матеря.
Пронеслись по России слезой,
Отличившись, года 90-е.
Спишет их кто-то лёгкой рукой.
Залатает словечками острыми.
Может, мода пошла «уходить»
В подземелье здоровыми, сильными.
Только душам до слёз не любить –
Любоваться цветами могильными.

Октябрина (Осень)

Октябрина, ты самая милая.
Октябрина, ты осень дождливая.
Как становятся люди счастливыми
Под дождём, как певцы, говорливыми.
Ты в платочке поношенном, выцветшем,
Золотистое платье, душистое.
Отшумишь и оплачешь без устали,
И душа твоя ангельски чистая...
Кто-то скажет – явилась непрошенной
И тропинки листвой запорошила.
А вчера с ветром долго скандалила
И на окнах слезинки оставила.
Но как женщина ты очень мнимая,
Злишься, мечешься сутками длинными.
И берёзки, залитые ливнями,
Окрестили тебя Октябриною.

Остановись, мгновенье!

Скорым ушёл тот поезд,
Больно мне очень, не скрою,
Что-то забыто тобою,
Что-то оставлено мною.
Вдаль унёс наше детство,
туда, за большие горы.
Там, в голубых просторах,
его передаст другому.
...Что ты, родная, плачешь?
Это ведь старая песня.
Конец этой песни печален,
начало куда интересней.
Сожги эти старые письма,
в которых уложены строки
Той юности нашей далёкой,
в которой ранений истоки!

Поставьте свечи

*Посвящается другу и композитору
Татьяне Кручининой.*

Не услышит она, не услышит.
Смерть горячих кровей в спину дышит,
Коль усопшие ждут пополнений,
У судьбы не ищи снисхождений.
От мучительной ночи бессонной,
Репетиций – плелась отрешённой.
И хвалить её сильно не будем,
И о песнях её не забудем.
Поставьте свечи.
Ну вот и всё, закончен вечер,
Забит в углу аккордеон.
Она теперь его не слышит,
О ней теперь заплачет он.

Привет:

Осиротевший дом.
Не стало Тани в нём.
Построен из аккордов он,
Рождённых песен.

Какой ужасный плен,
Гуляя, чёрный день
Сменил её мечты на тень –
Поставим свечи.

Превосходная мысль –
быть забытым слепцом
Или просто родиться
вороньим ловцом.
Чтобы страха не видеть
и боль не терпеть,
Безразличием сладостно
душу согреть...

Не всё одно

Душевные боли, судьбы ранимы.
Несчастные слепы, но Богом хранимы.
Находит им Боже огромные силы,
Чтоб камень в душе никогда не носили.

Признание в любви

Русская весна немного припозднилась.
Печалится земля и не скрывает грусть.
Сегодня мне в цветастом платье снилась
Любимая моя, застенчивая Русь.

Припев:

Я руки протяну к тебе, моя Россия,
Поглажу солнца луч, а значит – всю тебя.
На свете не встречал я стороны красивей,
Где я живу, страдая и любя.

И я открою дверь в берёзовую сказку.
Зайду в весенний лес с загадочной судьбой.
Берёзку обниму и нежно приласкаю,
И русскую печаль я заберу с собой.

Разлука

От скитаний долгих
Ты предстала тишью,
Я шепчу так громко –
Ты меня не слышишь.
Да и я «задушен»
Чёрною тоскою.
Жаль, не бродит осень
Раннею весною.
Охладели мысли,
Погрустнела муза,
Простонала птица –
Пала мёртвым грузом.
Что случилось в жизни?
Что перевернулось?
Ах, как пылко сердце
Так недавно билось.
Верю – скоро птицы
В дали соберутся.

Наши чувства вместе
В их ряды вольются.
Станет вдруг широкой
Узкая дорога:
Позади разлука
Станет одинокой.

Экология

Что за чушь? Вновь зима капли моря смела.
В океане таинств – облака, облака...
Суета в синеве – тучки плачут слегка.
Столь слаба сила лжи, но ловка.
...В океане таинства почернели века,
Погрустнели слегка
облака,
берега...

Я тебе не смогу помочь,
Если ты усомнишься в людях.
Утонула в кошмарных буднях,
Одинокой встречаешь ночь,
Я тебе не смогу помочь.
Ты не видишь берёзки белой,
И она для тебя не у дела
И тобою гонима прочь...
Ты поможешь себе сама.
Дай покой воспалённым нервам,
Что натянуты, как струна,
Сделай шаг к примиренью первой –
Примиришь со своей судьбой,
Здесь тебя не осудят люди,
И церковью колокольный звон –
На душе воскрешенье будет...

Как смешно смотреть на хмельного. Как больно хоронить живого.

Эта осенняя ночь буквально бу-до-ра-жи-ла «больные головы» скитальцев – жертв наивности, слабости, непригодности к непредсказуемым законам жизни. Голодными, раздетыми, грязными разбросала она их по увядшим паркам, подъездам и даже городским свалкам... кладбищам...

Пристань усопших... Весьма странно вела себя одна из совсем неухоженных могил, внутри которой, похоже, образовалась смутная среда – выливавшееся в непонятное стечение обстоятельств. Но что это?! Шум травы? Шелест листья? Нет! Стон, слабый стон из могилки – просьба помочь. Кто это? Кому помочь?

...Налитый кровью червь ползёт к нему, лежавшему рядом безжизненному телу сына. (По нашему размышлению и рассуждениям, червь – это мерзкое и гадкое существо... Но всё же...) Червь заползёт в ноздрю человека и несколько позже покинет её, но реакции никакой не произойдёт. Печально...

Всё стихло. Лишь над кладбищем нависла туча и совсем не собиралась покидать место трагедии... Казалось, она морщится и периодически тяжело вздыхает.

Закапали капли дождя, заплакала осень.

Вся жизнь в думах...

Изо дня в день проблемы, которые в конце концов после всех психических нагрузок делают нас слегка зачерствевшими, а в последствии безразличными ко всему. Можно говорить что о больших масштабах всякого рода дел человека, что о маленьких. И все они связаны одним узлом – горькой правдой, в которой нет ни жалости к себе и окружающим, ни к природе-матушке, ни к той берёзке, на которую я сейчас смотрю с горечью, пытаюсь понять, за что же ей такое страшное наказание – держать своим телом четыре крупных строительных панели, наваленных на неё сбоку, чтобы не лежать им и не разрушаться в воде, не терять товарного вида.

Выжить-то она непременно выживет, если не помешает совсем. И хозяин плит найдётся когда-то... Только не быть уже берёзке стройной, как прежде.

Эмилия Офледи

г.Пермь

Афина

В знойном мареве Эдема
На проспекте Посейдонос,
Словно в сказке – море слева,
Справа – здания стеною.

Волны плещутся лениво,
Воздух брызгами пронизан.
Солнце жарит сверху спины,
А песок – жаровня снизу.

Под огромными зонтами
Тень и отдых ищут люди.
Высь безбрежная над нами –
Хорошо тому, кто любит

Рай земной под этим небом.
Будь то холод, зимний ветер,
Или томный воздух летом –
Ты прекрасней всех на свете,

Город-сказка, город-тайна,
Вечная, как мир, Афина!
Моё сердце замирает
От восторга, полис дивный!

Ветерок слегка колышет
Парус лодки на причале.
И откуда-то чуть слышен
Голос запоздалых чаек.

Вот детей промчалась стая,
Пары не спеша гуляют.
Медленно идём к трамваю,
Сумерки нас догоняют.

День с вершинами простился,
Гор очерчивая спины.
Тёплый вечер опустился
На прекрасную Афину.

Реки улиц бесконечных
Разливаются огнями.
Прогуляемся беспечно,
Небо звёздное над нами.

Ароматами пленяют –
Тут таверна, там таверна.
От бузюки звуков тает
Сердце, и трепещут нервы.

Я скучаю по тебе, Афина!

Я скучаю по тебе, Афина,
Красоты античная звезда!
По восходам и закатам дивным,
Шумным улицам и площадям.

Добрый солнцем напоённый
полис,
Любоваться можно, не устав,
Слышать твой многоязычный
голос,
Многоликий образ повидав.

Древних монументов и развалин –
Здесь прописка минувших
времен,
И истоки самых разных знаний –
Родина прославленных имён.

Ты прекрасна, Греции столица,
Колыбель мифических богов!
Мне ночами очень часто снится
Шествие пасхальных огоньков,

Что в канун Христова воскресенья
Семьи православных афинян
Трепетно несут огонь священный,
Взяв из храма, по своим домам.

Перезвон колоколов окрестных
Возвещает наступивший день –
Ангелов божественная песня
Славит свет и прогоняет тень.

Я люблю тебя, Великий город!
Здравствуй без печалей и тревог!
Вечно будь
душой и сердцем молод!
Да хранит тебя Всевышний Бог!

Как была я наивна,
Слепо верила в чудо:
Стану самой счастливой
И любимой буду.

Чувств безмерных лавина,
Обжигая, пьянила.
Сладких снов паутина
Завлекла и пленила.

И волшебных фантазий
Кружит яркая дымка
От иллюзий в экстазе
И от слов его пылких.

Но предательства жало
Сердце словно изрежет,
И летят с пьедестала
И мечты, и надежды.

Отболела моя душа
По тебе, мой любимый.
Как-то медленно, не спеша
Эта боль отступила.

Я кричала тебе: «Вернись!» –
Ты не слышал ни слова,
А вокруг продолжалась жизнь.
Я надеялась снова и снова.

Каждый день я тебя ждала
И томилась в печали,
И слезами душа сполна
Обливалась ночами.

Солнца свет для меня померк,
Омертвели душа и тело.
А потом наступил момент:
Так мне все надоело!

Лишь сейчас, вспоминая те дни,
Удивляюсь: откуда силы
Появлялись, ведь слёзы одни
Днём и ночью со мною были.

Как смогла это всё пережить,
Только Богу известно.
Я пыталась тебя забыть –
Мою самую горькую песню.

Как-то медленно, не спеша
Эта боль отступила.
Отболела моя душа
По тебе, мой любимый.

Реквием

Мой надёжный защитник и друг,
Самый преданный в мире
мужчина,
Моей жизни спасительный круг,
Я от Бога тебя получила!

Счастьем, будто волшебным
дождём,
Одарил меня полною мерой,
Словно чудом, и ночью, и днём
Наполняя любовью и верой.

Но явилась нежданно беда
И детей наших жизни забрала,
И твою она душу туда
Унесла, отняла, всё украла.

О, как это печально и горько!
Голос мой в небеса летит к вам:
Мне без вас на земле одиноко!
Мы когда-нибудь встретимся
там...

В храме

Робко, тихою поступью
Одолею ступени.
Я у ног твоих, Господи,
Преклоняю колени.

И под своды священные
В мироздание храма
Принесу без смущения
Все сердечные раны.

Запах ладана в воздухе,
Свеч горящих мерцание –
Здесь душа ищет отдыха
И в грехах покаяния.

Вы не ангел любви

Не сводите с ума
колдовскими словами,
Они шёлка нежней, как огонь,
горячи,
Моих мыслей поток усыпляя.
Но с Вами
Я, поверьте, боюсь оказаться в ночи.

И горячим дыханьем тишину
обжигая,
Не пытайтесь шептать у меня
за спиной,
Ворожить моё сердце –
что за напасть такая,
Никогда не окажетесь
рядом со мной.

Взгляда не подниму,
не надейтесь, не ждите!
Без смущенья смогу ль
посмотреть Вам в глаза!
Вы не ангел любви,
а её искуситель!
Не тревожьте,
иначе разразится гроза!

Ну и что ж,
что порой мои губы пылают
От нахлынувших чувств,
воскрешённых душой.
Если прошлое вновь постучится –
растаю,
Увлекусь, как и прежде,
любовью большой.

Уходите, прошу! Сердце шепчет:
«Останьтесь!»
Я с собою борюсь,
но от встречи бегу.
Не сводите с ума, умоляю,
и знайте:
Оставайтесь пока
на другом берегу.

Но, быть может,
когда небо звезды рассыплет
И ночная луна вдруг заглянет
ко мне,
Так захочется счастья неземного,
что сгинет,
Безвозвратно уйдёт
призрак канувших дней.

Не тогда ли взойдёт
солнца луч золотистый,
И на мой подоконник
упадёт букет роз,
Увенчает успехом
Вашу преданность слову
О любви Вашей верной
без печалей и слёз?

Эка жалость!

Вновь ищу тебя в толпе
Шумных улиц.
Днём и ночью о тебе
Я волнуюсь.

После множества дорог
Ты однажды
Снова ступишь на порог,
Тихо скажешь:

«Я вернулся, извини».
И, с надеждой
Посмотрев в глаза мои,
Станешь прежним.

Знал бы ты, мой дорогой,
Как я рада!
Пусть немножечко другой,
Всё же рядом.

Проходи же и садись,
Мой любимый,
И прижму тебя к груди
Что есть силы!

Снова рук твоих тепло,
Губ улада.
Всё так просто и легко –
Слов не надо.

И всем телом трепещу
От волненья.
Снова многое прощу
Без сомненья.

Ты виденье или явь –
Всё смешалось...
Сонных глаз моих печаль –
Эка жалость!

Утрата

Как нелегко друзей терять,
Ты словно часть себя утратил –
Не в силах больше доверять,
Поймёшь: это не дружба, хватит!

Он всё равно тебя предаст
Без сожаленья и сомнений,
Как было это много раз –
Ничто характер не изменит.

Но оказалось – он хорош,
Как говорят: чужим и нашим,
А значит, тебе в спину нож,
Хотя в глазах не видно фальши.

Уж лучше враг – он откровенно
Тебе покажет неприязнь,

Двуликий друг – абсурд, наверно,
Но в жизни есть такой сарказм.

Как жаль, потеряно доверье,
И предстоит душе болеть,
От этого не лечит время,
Но осторожней будешь впредь...

Чудо!

Любовь – коварство и обман,
Она мечта или дурман.
Соблазн её волшебных слов
Из обольщения и снов.

Она звезда и сладкий яд,
Петля и пропасть, рай и ад,
И слёзы, и счастливый смех,
Она величие и грех,

И торжество, и зов небес,
Паденье или тяжкий крест.
И вновь рождается росток:
Любовь как чудо, как цветок!

Не причините мне любви

Не причините мне любви,
Её огонь испепеляет,
Лишает крыльев от тоски,
Когда она нас покидает.

Не причините мне любви,
Я от неё бегу подальше,
Мне ядом кажутся твои
Слова, наполненные фальшью.

Не причините мне любви,
Сейчас я от неё прозрела.
Моих ты взглядов не лови,
Мне до тебя совсем нет дела.

Не причините мне любви,
Она так ранит моё сердце.
Меня зови иль не зови,
Души моей захлопну дверцу.

Не причините мне любви,
В ней столько неуёмной страсти,
Огонь, бушующий в крови, –
И это всё дарует счастье.

Не причините мне любви,
Ведь с нею даже чёрт не страшен,
Весь мир с зари и до зари
Таковыми красками раскрашен!

Не причините мне любви,
Она мне так необходима.
Но без неё проходят дни,
А это жизнь проходит мимо.

Не причините мне любви...

Клавдия Орлова

д.Перевицы, Луховицкий р-н,
Московская обл.

О детстве

Мне бы в детство хотелось вернуться,
Побывать в мире сказочных грёз,
Постоять на высоком кургане
С хороводами белых берёз.

Мне бы знать, о чём ивушка шепчет
В час ночной ветерок озорной,
И о чём шепчет ивушка речке,
Наклоняясь над гладью речной.

Добежать босиком до оврага,
Где клубится туман по утрам,
И упасть бы в высокие травы,
И вдохнуть их пьянящий дурман.

В лес сходить по грибы и орехи.
Сказки слушать про свой Бежин луг.
И чтоб рядом всегда была мама,
Мой надёжный и преданный друг.

Ещё выйти б в широкое поле,
Там набрать голубых васильков
И догнать быстро мчащийся поезд
С грустным пеньем прощальных гудков.

Поезд детства назад не вернётся,
Пусть пройдут даже тысячи лет.
Только в памяти будет храниться
В моё детство счастливый билет.

Деревня

Я люблю деревню, старенькие хаты,
В зимний вечер вьётся синий дым над ней.
За костёр рябины, что растёт у дома,
И за красногрудых милых снегирей.

За душистый запах беленьких черёмух,
За дурман над лугом сочных спелых трав,
За цветы сирени и за птичье пенье,
Что доносит ветер из лесных дубрав.

Поседевший волос чаще замечаю,
Прожитые годы оставляют след.
Раздаётся в небе крик гусиной стаи,
Тая в поднебесье, как весенний снег.

Все ли доберутся до заветной цели?
Кто из них вернётся в край родной назад,
Где камыш высокий что-то шепчет речке
И такой чудесный розовый закат?

А какое небо над моей деревней!
Будто кто раскинул голубой шатёр.
Гномики-волшебники каждый божий вечер
Ткут из ясных звёздочек золотой ковёр.

Я люблю деревню, старенькие хаты
Средь лугов просторных, пашен и полей.
Горожан жалею, меж домов зажатых.
Я люблю деревню!
Нет её милей.

Неизвестному солдату

Одинокий холмик у дороги
Зарастает вновь полынь-травой.
Здесь погиб в далёком сорок первом
Паренёк вихрастый молодой.

Сколько лет, откуда был он родом,
Чей он сын, жених, а может, брат?
Остаётся вечно безымянным
Верный своей Родине солдат.

Не придут к нему его родные,
Не прольёт слезы горячеей мать.
Только раз в год серая кукушка
Прилетит над ним покуковать.

И не суждено узнать солдату,
Что давно закончилась война,
И что День Победы отмечает
Не один десяток лет страна.

Сколько их, всё ещё безымянных,
Вдоль дорог, по оврагам лежат.
Горько плачут цветы полевые
У могил неизвестных солдат.

А живые теперь вспоминают
О боях, о погибших друзьях
И о дне той далёкой Победы,
До сих пор со слезой на глазах.

Прошагал наш солдат пол-Европы,
Защитил от врага он страну.
Мы за нынешний мир и победу
Быть должны благодарны ему.

Ирина Павленко

г.Вязьма, Смоленская обл.

Вы бывали в Провансе?

Вы бывали в Провансе?
Там лавандовый цвет на заре
На ресницы ложится
 сиреневым тоном.
Мир чарующих танцев,
Молодое вино в ноябре,
Дивный мёд и миндаль,
 и подсолнухов звоны.

Виноград, кипарисы...
А дыхание Грасса весной
Растревожит сознание
 сладкою дымкой.
Вечно-древние тисы...
И лазурного моря прибой
Вам нашепчет мелодию утра
 с улыбкой.

Смена ритма – коррида,
Крик тореро, и вновь мир другой –
Табунوف полудиких коней
 смелый топот.
Непохожие виды
Этих мест, где в пейзажах покой,
Прелесть юга – Марсель,
Авиньон – каждый город...

Апельсином

Стать бы солнечным апельсином –
Чтоб взрываться
промоглым вечером
И немое рваное небо
Фейерверками обеспечивать.

И внедряться вкусно кляксой
В одинокие спины жителей,
Кочевать по линиям красным,
Наполняя соком живительным.

Вырывать из точек холодных
Зачерствевшие мысли серые.
Энергетик свежий в дыхание...
Может, кто-нибудь в это поверит.

Не прикрыть усталые руки,
Оголённые осени плечи...
Я взорвусь оранжевым счастьем
На минуту пасмурным вечером.

Средневековое сердце

Средневековое сердце
Бьётся войною Столетней,
Рвётся на кровные части –
Мира не будет меж нами.

Ты – это Англии ветер,
Я – отголосок Парижа,
Старых готических башен,
Что окружали сей город.

Остров Сите затопило.
Помнишь, там римляне жили?
Славили добрую Сену –
Светлые чистые нити.

Яркими были знамёна –
Наши с тобою молитвы.
Ныне слова устарели,
Стёрлись слова о любимых.

Не прорастаем единой
Вечнозелёной травой.
Мрачные серые своды
Стали сильнее лазури...

Да разобьётся о стены
Старых готических башен
Тихо моё, без тревоги,
Средневековое сердце...

Сонный город

Длинные улицы, старые вязы,
Серо-лимонные лавки, дома.
Город с налётом усталости
тонкой уснул.
Маленький город в весеннем
уютном плену,
Стелется по тротуарам туман –
Он из кристалликов призрачных
связан.
Сонное время – луна осторожно
Льёт арманьяк на туманный ковёр
И растворяется,
нежно касаясь земли.
Слышится эхо
старинных историй вдали.
Тает над миром
чернильный шатёр,
Тает и время вчерашнее
в прошлом.

Рыцари славной и доблестной эры
Тихо бредут – их доспехи в пыли,
Светлые странники в звёздной
пыли, и поют
Песню – нашедшую в раненом
небе приют.
Звуки последние в землю легли...
Ночь запускает рассветные
стрелы.

Ветер

Северный ветер холодный,
сырой по ладоням,
Далее в пальцы, под кожу
занозой до сердца.
Ветер не станет горячим –
ему не согреться,
Он и восточным не станет –
скорее утонет
В талой воде, что польною
так пахнет сегодня.

Горький табак почему-то
со вкусом ванили,
Тонкая змейка на перстне была
талисманом –
Может, истерлась,
а мы позабыли о главном –
Цвет бирюзовый
на серые флаги сменили...
Ветер смывает на пальцах
историю линий...

Ветер странствий

Ветер странствий привел
в Лангедок-Руссильон –
край оливковых рош
и мускатного лета.
Здравствуй Ним, Монпелье,
неземной Каркассон!
Бесконечное море –
шум тающих волн –
солнцем южной земли
я отныне согрета...

Виноградники вдоль побережья
шумят –
древнеримское эхо ласкает
ладони.
На холмах Сердани изумрудный
наряд...
Каталонские танцы,
влюблённый твой взгляд
и старинная песнь трубадура
о Донне.

Здесь проложен
к Святому Граалю мой путь,
здесь история дышит
со временем новым.
Я читаю Видаля стихи наизусть,
нежно в сердце поёт Лангедок,
а не грусть.
Понимаю тебя, милый край,
с полуслова...

Максим Прокофьев

г. Азов, Ростовская обл.

Счастье

Я хочу подарить тебе счастье,
Только, знаешь, оно не в деньгах –
Унесу от лихого ненастья
На усталых, корявых руках.

Я хочу подарить тебе море,
Подарить на рассвете зарю.
Мы достаточно выпели горя,
И не слышали слов «Я люблю!».

Как же больно порою бывает,
И от боли бегу я в толпу,
Вот и сердце моё замирает,
Но клянусь, что тебя я найду,

Повстречаю однажды под вечер
После зноя в аллеи тиши,
Ты так нежно обнимешь за плечи
И прошепчешь: «Максим, не грусти».

Двое

В душе не брезжится закат,
Нет ни надежды, ни любви –
Не повернуть коней назад,
А по ночам приходишь ты.

И пусть опять мне нелегко,
Открыть тебе душевный бред?
Мечта к тем звёздам – высоко,
Где озарит нас лунный свет

И вновь по Млечному Пути
Пойдём мы, за руки держась,
Дорогой веры и любви,
От счастья вместе веселясь.

Я ищу любовь

Брожу по свету. Вновь ищу любовь.
Она есть смысл сознания человека.
Я ухожу от этой боли вновь
Искать судьбу, потерянную где-то.

В руках котомка, за плечом – сума.
Опять один иду я по дороге.
Влечёт к мечте прекрасная звезда,
И вдаль меня ведут больные ноги.

Закрою я глаза, увижу вновь
Рассвет, зарю на побережье моря...
Средь лжи, обмана я ищу любовь,
Мне без неё в судьбе хватало горя.

Пока один – непонятый никем,
Ночами грудь от боли сильно ноет.
Забывший я друзьями насовсем...
Но справлюсь!
И борьба чего-то стоит.

Я одинок. Нет рядом ни души.
Друзья разбили на осколки счастье.
Душа моя так просит теплоты,
А за окном моим опять ненастье.

Который год я в поисках добра,
Я верю в Бога. Вера эта святая!
Ищу давно сердечного тепла
И верю, что дождусь его когда-то.

Прости меня, я много согрешил,
Не веря в небо, братьев обижая.
Я в этой жизни много натворил,
Не зная, что настанет жизнь иная.

Прошу и за врагов своих – прости!
Ты не суди их, Боже, очень строго –
Ошибки допускаются в пути,
Но пусть к Тебе их приведёт дорога.

Объясни мне

Объясни мне, прошу, что и как?
Растолкуй мне, всё это к чему?!
Я «больной» и обычный дурак,
Почему сердце тянет ко дну?

Затерялся я где-то во тьме,
Где-то в сонном несчастном бреду,
И по кругу бегу, как во сне,
Всё надеясь – тебя я найду.

И друзей я теряю опять,
Почему? Объясни, почему?
Всё пытаюсь любовь отыскать –
Без тебя я её не найду!

Возьми любовь мою

Возьми любовь, прошу тебя,
в ладони,
В груди погасший разожги огонь...
Нам нежность, уродённую
в неволе,
Не выжечь
вместе с сорным бурьяном.

Вокруг коварство, алчность,
зло и похоть,
Но ты пойми – я не такой, как все.
Друг друга предают, а это плохо,
Но Бог воздаст по истинной цене.

Я не судья.
Господь нас всех рассудит,
И в жизни всё предписано судьбой,
Что суждено –
пусть так оно и будет...
Прошу, о Небо, встретиться с тобой.

Прошу тебя

Услышь мольбу мою – прошу,
не оставляй...
По жизни перенёс я
множество потерь,
Дорогой шёл я в ад, а может быть,
и в рай,
Коварства не простил, а ты
закрыла дверь.

Дорога жизни – тяжкий,
скорбный путь земной.
Я падал вниз, но снова поднимался,
И мне нужна, поверь,
обычная любовь,
Хотя наивным я, увы, остался.

Прошу, прости меня
за холод под луной,
Где в одиночестве страданий много,
Простить прошу,
что нарушаю твой покой –
Рукой судьбы ведёт к тебе дорога.

Услышь мольбу мою –
трагичная судьба:
Фальшивить сердцу не дано –
не будет,
Я так хочу, чтоб были у меня
друзья,
Любимая, которая полюбит.

Странник

Я много по свету
бродил и скитался,
Искал для себя простой теплоты,
Но странником жизни навеки
остался.
Я верю Христу – спасёт от беды,

Не зная любви,
я шагал по дороге,
Встречая плохих и хороших
людей,
Гудят от усталости руки и ноги,
Но так и не стал я по жизни
смелей.

Взываю к Всевышнему –
смилуйся, Боже!
Спаси, уведи от греха, пустоты.
Избавь от лукавого,
мерзости тоже,
Дай силы взлететь, чтоб
поверить в мечты.

Эльмира Рахматулина (Милика)

г.Радужный, ХМАО

Холод пронзает кожу.
Щиплет проклятый мороз.
Шагами своими тревожу
Чей-то зимний невроз.

Прохлада вечная тянет –
Вернуться домой и уснуть.
Из окон тепло укоризненно
глядит,
Окрикнет, попытавшись вернуть.

По городу иду, замерзая,
Но точно знаю – дойду.
Где-то подобие рая,
В нём я тепло обрету.

Мой голос забытый простужен,
Кашлем распята в снегу.
Шарф в темноте ветер кружит,
В сугробах устало тону.

Образ твой, как льдинки у Кая,
Составить я в памяти не могу.
Вьюга зовёт, не смолкая,
Дорогу домой не найду.

Город застыл в ожидании.
Лето не скоро придёт.
Снега пустыня бескрайняя.
Вместо тепла везде лёд.

В постели под одеялом,
В ванне под горячей водой.
Только ты всегда тёплый,
Но не всегда со мной.

Гуляя молча рядом,
но не сжимая рук.
Весна, но с неба валит
и слепит всё вокруг.
Ты будто Бог,
спустившийся на землю,
А я... Я тот, кто очень хочет верить.

Луна взошла,
бесстыдно отодвинув облака,
Мы рядом, но не вместе.
И можно не бояться
шалюного языка.
Я будто волк,
воспитанный овчаркой.
А ты... Ты тот,
кому могу сказать: «хозяин».

Исчезло время.
В больную голову уже дало вино.
И фонари горят через один.
Прохожих нет. Темно.
Ты как герой романа,
а я одна из тех актрис.
А вместе мы...
Мы те, кто не поймут любви.

Отделяя себя от тебя,
Я пытаюсь найти себе место.
Забывая, теряю себя.
Ничего не найдя – вместо.
Я мечтаю – уснуть бы навек!
И проспять до тепла
или первого снега.
Но, увы... Продолжаю свой бег
От себя, от тебя... ради общего дела.
Не хочу помешать в твоей новой,
Наверное, радостной жизни.
Бесполезно болтаюсь в своей,
Ударяясь об острые
воспоминания и мысли.
Будь, пожалуйста, счастлив,
а иначе – к чему?

Ну, я попытаюсь справляться.
Слушай сердце и следуй ему
одному.
Я напомним, что если не любишь,
то лучше не клясться.

Я искала тебя по запаху.
Со спины.
Я руки чужие сжимала, мне было
пусто.

Но лишь твои руки являлись
Мне в сны.
Лишь твой запах меня приводил
в чувство.

Удобно мне было лишь
На твоей груди,
Лишь твои ключицы
Служили мне жёрдочкой,
Как для птицы.

Лишь твои глаза я искала
миллионов взглядов среди
И ловила снежинки, которые
падали на твои ресницы.

Обезболивай меня в себе,
Трави моё имя снотворным.
Чтоб забыть, как скучаешь по мне,
Чтоб не помнить мой голос
задорный.
Убивай себя, чтобы я пропала,
Изводи себя, чтоб меня убить,
Забывай, как губы твои целовала.
Забывай, что такое «любить».

Нам не нужно чьих-то признаний,
Лишь немного тепла и мечтаний.
Одинокий альбом со стихами –
Вот и всё, что мне нужно ночами...

Послушай меня. Ощуцаю безудержную суету. Давай просто помолчим... Просто рядом... Ты и Я... Я услышу твоё дыхание, стук сердца, дрожь. Поражена давлением, которое сдавливает мои виски. Тонкой ниткой пробегает волна, переходящая в рывок бурления крови. Давай подумаем о чём-то неземном, высоком... О небе – оно такое светлое, как твои прямые мысли. О солнце, которое слепит наши взоры. И о дожде, который плачет вместе с нами... Давай взлетим, как птицы, птицы самые счастливые. Давай создадим наше общее счастье. Давай мы будем счастливы! Открой свои желания... Закрой глаза... Я подойду к тебе, я буду на сантиметр от тебя, но я не прикоснусь к тебе, ты почувствуешь меня, моё тепло. Ведь я прикоснусь к тебе душой, которая вселит вечное доверие. Нам не нужно слов... Давай просто молчать... Открой глаза... И я пойму, что нужна тебе...

Ирина Розенберг

г. Кемерово

Оно оказалось кислым –
Румяное, наливное –
До слёз, горлового спазма;
Рукою дано родной...
Метался горстями бисер
Запасов моих бездонных –
Роскошнее с каждым разом –
Но вот показалось дно...

В уютном и мягком кресле
Засев, размешала краски
Словесные – самый верный
Источник волшебных сил;
Должно быть, застряла в детстве –
Я слишком любила сказки,
Поверив – любые двери
Откроются на «сим-сим».

Ответом – знакомый кузов
Сплошной пустотой грохочет,
Колючим бурьяном пыльным
Нимало не огорчён...
Зачем становиться Музой
Того, кто творить не хочет?
Я больше не буду, слышишь? –
Стоять за твоим плечом.

А ты назвал меня просто – сука.
Что ж, гениально, как никогда.
(Срывали двери, тянули руки –
они бы съели, да кто б им дал –

и ничего – ни прощай, ни здравствуй;
никто ошейника не надел,
не всем досталось такое счастье,
кто столь безумно его хотел).

А ты – везучий, как видно, очень.
Но всё прошло. Поводок прогнул.
Моё умение ставить точки
(сродни таланту) – не оценил,

Не восхитился... Обидой пышет
И тон, и вид (а сказал – простил).
Пусть не коробит название «бывший».
Ведь если «бывший», то значит – «был».

...и вроде бы всё, как раньше –
вот солнце, и гнев остыл...
Но целой не стала чашка
От звука твоих «прости».
Впечатан удар вчерашний,
Прозрачный фарфор убит...
Послушай, как можно дальше
Держись от моих глубин
И впредь – обещай! запомнишь?
(дороже любых монет!) –
Не трогай моих сокровищ,
Не зная о их цене.

Не мерь одною мерой (не суди,
Да не судим...), перешагни соблазны –
Внимательнее в зеркало гляди,
Да вынимай по брёвнышку из глаза;
Останови словес осиный рой
(поверь, любое слово будет лишним),
Оставь попытки причинить добро
Дремучим и неблагодарным ближним,
Упрямо предлагая свой котёл
Чужой необразованности в пику;
Иди Тебе дарованным путём
И не взрывавай соседние тропинки.

Мы расстаёмся? – великолепно!
Улыбку слепим... Да есть примета,
Что в одиночку не ходят беды,
Ворота, стало быть, отворяй...
И у обиды был руль не вырван,
И от гордыни приличный вымер
Нутра кусок, и до горла прыгнуть
Недалеко. Наше дело – дрянь.

Мы не остались (а жаль) друзьями,
Приняв за правду одни изъяны
(мгновенно делает разум пьяным
и злым вошедшая в раж грызня –
анестезия – для слабых духом;
да встанет сильный, второй – да рухнет!
остановившись, зрачки потухнут...),
Не понимая, что так – нельзя.

На счастье – оба (и чудом) живы.
Безумно долго срастались жилы.
Давно неважно, кто прав, кто лживо
Смеялся – где был Король, где Шут...
Но – не хотела другие ночи!
И не нарушила верность волчьей!
И потому-то – без воя, молча –
Твоё прощение не прошу.

Сбившись с точности счёта поломок и функций нарушенных,
Каждой фиброю зверски мечтая о реанимации,
Посинев от реальности смоговой, лезу в отдушину
К возвращающим чистую жизнь стихотворным вибрациям.

Просочиться – взлететь – отслоиться от формы, что ползает;
Без остаточных капель впитать воздух грудью измученной,
Только чудом сумев не спугнуть невесомости образа,
С удивленьем глядеть на сюжетную самозакрученность...

Нет причины бояться полётов, раз небо не твёрдое!
Отпечатков не держит и, значит, никем не захватано.
Этой свежестью мне бы успеть надышаться до одури –
Неизвестно, как долго ещё оставаться без сладкого.

Не пахнет зима, хоть вешайся,
Хвоёю и мандаринами,
Висит серый смог приземисто,
Сквозь окна сочится гул...
Я тоже хочу волшебностей,
Не менее, чем другие, но –
Сегодня мне в них не верится –
Старалась, да не могу.

С чего же так? – Не проиграны
Бои! Этим фактом признанным
Гордиться бы! Ткань эфирную
Плащовым щитом надеть,
Прозрачные латы выправив,
Под флагом улыбки фирменной,
Идя по дорогам жизненным –
Где всё, не как у людей.

(На то и закваска стайера
Дана!) Правда, жилы вымотав,
Не слаще, чем за решётками,
Кто душу перетрудил.
Щелчки марафонских таймеров
Глуша золотыми крыльями,
Хранитель одарит шёпотом –
Всё лучшее – впереди.

Сокровища, башни, колдуньи, принцессы
(в седле непривычном покрепче держись!) –
Смеющимся детищем Венского Леса
Плывёт перед взором разбойница-Жизнь

И пишет сценарий на белых страницах
(чернила волшебны похожи на кровь) –
О чём-то мечтает, куда-то стремится,
Зачем-то торопится Главный Герой;

Он с кем-то простится, кого-то обнимет...
Но в час роковой не дано угадать –
От лезвий, летящих навстречу и в спину
(согласно сценарному плану) – куда?..

Соль крошкой алмазною бодро искрится
на незаживающей ране в душе...
И рок не всегда настигает убийцу.
Очнитесь, забудьте о сказках, mon cher.

Полуприкрыты (от ветра) веки...
На что мой образ теперь похож?..
Я стала тоньше – с горчинкой некой
(а есть ли сладость – не разберёшь)

И понимаю: вверх по ступеням
Пройдя, увидев, где их предел –
Любовь не ищет по объявлению,
Не награждают позорным «sale».

Откуда знаю, как надо лучше?
Дорог – несметно, иль путь – один?
Будь воля ваша, Судьба и Случай
Его Величество Господин,

Чтоб каждой жилкой под нежной кожей,
Забыв охоту на голубей,
К руке покорно прижалась Кошка,
Сама гулявшая по себе.

Я делала – неправильно
Всё! – к чёрту эту жертвенность!
И вновь слезой кровавою
По мне заплачет Женственность:

Слова... – железо плавится! –
Куда ещё откладывать?!
(Ты думаешь, мне нравится
Так – с разворота – вламывать?!)

Не носишь обручальное...
Любить – уже есть Мужество!
А ты – мой стон отчаянья! –
С любовью – не рифмуешься!

Предупрежденье строгое
Давно уж сделать надо бы...
Ведь если Богу – Богово,
Так значит... Гаду – гадово!

...ни звука – в горле суженном...
донельзя огорошенный...
Так получай заслуженный
Кусок!
Всего хорошего!

Беззвучен укус осиный.
Цель поражена в упор.
Уметь уходить красиво –
Искусство. (Давай, поспорь
со мной). Да при чём тут гордость?
Зачем добавлять наркоз?
Улыбка с эффектом «ботокс»,
Глаза без налёта слёз –
Так лучше? Покинуть список,
Пока невредим и цел –
Решительно, по-английски;
Долой – драматичных сцен
Кривляния! (Чем усыпан
их путь?..) Вариант один –
Верни мне ключи посылкой
И больше не подходи.

Максим Ролик

д.Козяны, Браславский р-н,
Витебская обл., Беларусь

Я хочу быть рядом

Какой сегодня день чудесный,
И снег кружится за окном.
Я вам скажу сегодня честно,
Сейчас мечтаю об одном.

Мечтаю встретиться с любимой,
Хочу быть рядом только с ней,
Красивой, милой и родимой.
Люблю её я всё сильней!

Прекрасное слово люблю

Я пишу на оконном стекле
Твоё имя, и сердце рисую.
И сижу я в ночной полумгле,
По тебе, моя Лена, тоскую.

Может, больше уже никогда
Не увидимся мы под луною.
Ну а вдруг пронесутся года
И ты станешь моею женою?!

И мы, Леночка, будем гулять
По асфальту весенних бульваров,
И любовью своей изумлять,
И мы будем красивою парой.

Наши дети идти будут с нами,
Улыбаясь цветам и весне.
С ненаглядными шалунами
Ты, любимая, нравишься мне!

Девушка мечты

Свои песни, стихи и мечты
Посвящаю тебе, дорогая.
В целом мире одна только ты,
Не нужна никакая другая.

Без тебя белый свет мне не мил,
Моё сердце тоска обуяла,
Образ твой меня так изумил,
А улыбка так нежно сияла.

Ты – дыхание нежной весны,
Ты – пожар пролетевшего лета,
Ты – мои беспокойные сны!
Лена, жду твоего я ответа!

Сердце не забыло

Расстояние нас разделило,
Друг от друга мы так далеко,
Что живу и пишу я вполсилы,
Что дышать мне – и то нелегко.

Просто сердце моё не забыло
Образ милый, чудесный, родной –
Той девчонки, что счастлив звать
милой,
Той, что в сердце и в мыслях
со мной.

В ларец закрою навсегда

Ещё один чудесный день
Прошёл, родная, без тебя.
Ты платье белое надень,
Вернись ко мне, не мучь себя.

Моя любовь ещё жива.
Поверь, всё будет хорошо.
Даря минуты волшебства,
Любить я буду всей душой.

И в сердце образ твой хранить
Я буду, милая, всегда.
Любви божественную нить
В ларец закрою навсегда.

Люблю тебя, Татьяна

Летним вечером,
дождавшись встречи
В парке
возле скромного фонтана,
Я заметил и иду навстречу,
Чтоб сказать: «Люблю тебя,
Татьяна».

Ветер дарит тишину
влюблённым.
Восторгаясь блузкой из вуали,
Танечку ласкать хочу под клёном
Возле одинокого причала.

О любви

На вокзале грустно и тоскливо,
Здесь сегодня очень
многолюдно...
Как же эта девушка красива,
Что со мною ехала попутно.

Ясная, весёлая улыбка,
А глаза сверкали, как алмазы.
А когда в купе звучала скрипка,
Сердце о любви шептало фразы...

Осень кружит лист багряный

Осень кружит лист багряный...
Дым костра упал на плечи...
Вечер, хмурый и туманный,
Мне напомнил наши встречи –

Как гуляли в старом парке,
Звёздным небом любовались,
Как дарил тебе подарки.
...Почему же мы расстались?

Разлука

Тебя обнимаю в последний я
раз,
Пришла, понимаю, разлука,
И капают тихо слезинки
из глаз,
Жизнь наша – престранная
штука!

После разлуки

Весна прогоняет вьюгу,
Мороз разукрасил окно.
Мы счастье дарим друг другу,
Любовью нам счастье дано.

Нежные, тёплые руки,
Ласкают тебя в эту ночь.
Мне после долгой разлуки
Подаришь красавицу дочь.

Снова мы наедине

Меня тихонько ты раздела
В тот вечер, мы – наедине.
Ласкаю нежно бело тело,
Ты о ребёнке шепчешь мне.

Вспоминаю

Вспоминаю сказочные встречи,
Страсть любовную ночей
бессонных,
Нежные, как снег пушистый,
плечи
И красивый разговор
влюблённых.

Вспоминаю тёплые объятия,
Поцелуи сладкие свиданий
И, как небо, голубое платье,
и минуты долгих ожиданий.

Любовь не вернуть

Кружит голову душистым ароматом
Мне черёмуха у озера лесного,
Но в саду грущу я с яблонькою рядом,
Ведь прекрасно знаю – любишь ты другого.

Снова мир земной мне кажется унылым,
Понимаю, наши встречи отцветают,
И меня не назовёшь ты больше милым.
И «Приветик» мне не скажешь, всё прощая...

Пролетят года... меня ты позабудешь.
А постель разделишь с ласками другого
И с желаньем губ моих не поцелуешь,
Может, вспомнишь о любви моей немного.

Вместе навсегда

Мне сегодня снился сон,
Как тонул в твоей любви.
Был красую вдохновлён
И шептал: благослови.

У камина я сидел,
Рядом ты была со мной,
От вина в тиши хмелел,
Называл тебя женой.

Не предаю я никогда,
Сердце греет теплота,
Снова вместе навсегда,
Ведь сбылась моя мечта.

Тебе не понять

Забить тебя я не могу,
Хоть, знаю: вместе нам не быть,
Любовь я в сердце сберегу –
Ведь без неё мне не прожить.

А служба снова впереди,
Опять ученья, марш-броски,
Но сердце плачет, боль в груди,
В любовной муке от тоски.

Тебе, родная, не понять
Происходящего со мной.
Как я хочу тебя обнять...
Ты стала не моей женой!

Я не виноват

Мне мысли не дают покоя,
Сижу, страдаю под луной.
Ведь нет вины перед тобою,
Что ты мечтаю не со мной.

Жду звонка

Весной зеленеют луга,
Омывает река берега,
А меня одолела тоска:
От подруги я жду звонка.

Ты мне позвони, позвони,
Меня за любовь не вини,
Красивая девушка Лена.
Не вырвусь из этого плена!

Не отпускай же ты меня!
Я полон страсти и огня.
Ты – символ женской красоты,
Девчоночка моей мечты.

Доброе утро

Моё солнышко, доброе утро!
Я хочу тебе что-то сказать,
Твои губы нежней перламутра,
Я безумно хочу их лобзать!

Подарю тебе нежность и ласку,
Брошу алые розы к ногам,
Унесу тебя в старую сказку
К невесомым, как пух, облакам.

Полетим, как две белые птицы,
Над прекрасной волшебной страной.
Боже мой, это мне только снится!
О тебе я мечтаю одной!

Я жду звонка

Пусть на улице мороз,
Солнце светит не всерьёз,
Ты сейчас грустишь одна.
Может, вспомнишь про меня?

Забудь беды и ненастья,
Подари секунды счастья!
Знаю: ты сейчас не спишь,
Что же ты не позвонишь?

За тобой готов пройти
Все дороги и пути.
Я люблю тебя, мой свет!
Ты – мой нежный первоцвет!

Я скажу тебе секрет:
Лучше тебя в мире нет!
Без тебя проходят дни...
Позвони мне, позвони!!!

Любимые глаза

Твои глаза светло-голубые
Я полюбил отныне навсегда.
Ведь для меня они родные –
Мне не забыть их никогда.

Глаза родные и желанные
Люблю я сердцем и душой.
Глаза, как озеро, туманные,
Вы мой нарушили покой.

Прошу, не надо слёз

Вот и закончен этот вечер.
Прошу тебя, не надо слёз.
Поверь, что будут ещё встречи,
Со страстью встречи у берёз.

Прошу тебя, не плачь, не надо.
Тебя давно я разлюбил.
Да, ты была моей отрадой,
Но... то был юношеский пыл.

Прошу, забудь же, дорогая.
Не надо помнить обо мне.
Теперь не ты со мной – другая,
Её целую при луне.

Не упрекай меня, не надо.
Ведь я ни в чём не виноват.
Тебе не быть со мною рядом.
И нет возврата нам назад.

Слова любви

Мне напомнит о тебе
Зимний яблоневый сад.
Мне напомнит о тебе
Золотистый виноград.

А сиянье света звёзд,
Позовёт в страну любви,
Имя милой назовёт,
Скажет тихо мне: живи.

Не сказал

Я много не сказал тебе
Слов нежных,
ласковых признаний,
Но благодарен я судьбе
За радость сказочных свиданий.

Почему

Стою у клумбы я с цветами,
Вспоминаю, милая, тебя,
Что произошло сегодня с нами,
Почему ушла ты, не обняв меня?

Я тебя никак, родная, не пойму,
Что сделал я тебе плохого.
Хочешь, тебя на руки возьму?
Иль ты завлекла себе другого?

Лунной ночью в небо посмотрел
И увидел нашу там звезду.
И грустил тихонько во дворе.
Вспомнил, как гуляли мы в саду.

Ты была весёлая всегда,
Радостно всегда мне улыбалась.
А сегодня убежала от меня,
Будто ты чего-то испугалась.

Он тебе не пара

Догорает тихонько камин.
Грустно плачет моя гитара.
Далеко ты... опять я один.
Ну поверь – он тебе не пара

Елена Рощина г.Кораблино, Рязанская обл.

Смуглая покупка

Мама куклу мне купила –
С бусами чумазку,
Даже с порошком я мыла
Эту черноглазку.

Я трудилась, я старалась,
Только вот напрасно.
Подросла и догадалась,
Сразу стало ясно:

Не лежала кукла в луже,
И не замарашка,
Не зовут её Катюша,
Не зовут Наташка,

Никогда не станет кукла
Синеглаза и бела.
Просто смуглая покупка
Раньше в Африке жила.

Пропавший аппетит

– Открывай, сынуля, ротик!
Ложка, будто вертолётник,
С кашей гречневой летит.
– М-м, пропал мой аппетит.

– Аппетит пропал?! Беда!
Так простынет вся еда.
Нужно нам его найти!
И куда он мог уйти?

– Утром убежал из дома.
– Ситуация знакома.
Беспокоюсь я всерьёз –
Там на улице мороз!

Может заболеть, бедняжка,
Слечь, простуженный, в кровать.
Станет вам обоим тяжко:
Вам придётся принимать

И микстуру, и таблетки,
Чтобы победить недуг.
– Аппетит ходил к соседке!
Да решил вернуться вдруг.
А-ам!

Цветы

Может быть, собрать для мамы
Луговых цветов букет?!
Нет, друзья! Судите сами:
Два, три дня – букета нет!

Достаю листок альбомный,
Карандаш и краски...
Если так – рисунок скромный,
А вот так – как в сказке!

...Мама рада! Мой букет
До-олго сохранится.

Он не ищет солнца свет
И не пьёт водицы...

Сказки леса

Снятся лесу лета сказки –
Зелень, ягоды, грибы.
Закрывают в зиму глазки
Даже стойкие дубы.

Ну а ёлочке не спится,
Видно, стужи не боится,
И сосна, её родня,
Подмигнула для меня.

Спит в берлоге бурый мишка,
Видно, уморился слишком,
Лапу бедненький сосёт,
Чтобы не урчал живот.

Спит клубок в уютной норке,
Из клубка торчат иголки.
Сразу и не разберёшь,
Что клубочек – это ёж.

А кому же тут не спится?!
Вышла из норы лисица.
Зайчика догнать спешит.
Да-а, хороший аппетит!

Вот по веткам скачет белка,
Скок-поскок да скок-поскок!
Угощение нёс для мелкой,
Протянул сухой грибок.

Та его схватила в лапки,
Отнесла в дупляный дом,
Будет Распушистой завтрак –
Помянёт меня потом.

Вот и пообщался с лесом,
А теперь пора домой.
Лягу спать, ведь должен леший
Тоже отдохнуть зимой.

Пчёлки

С золотою кружкой
Сели на цветок,
Мы спешим с подружкой
Собирать медок.

Чтоб не простужаться
Детям, не болеть,
Надо нам стараться,
Мёд собрать успеть.

Ветер пробудился,
Пыль поднял с дорог;
Дождик рассердился,
Промочил цветок.

Чтоб не простужаться
Детям, не болеть,
Надо нам мужаться,
Мёд собрать успеть.

Крылышки намокли,
Зябнем, нету сил!
Травы приумолкли –
Дождик подкосил.

Чтоб не простужаться
Детям, не болеть,
Надо нам держаться,
Мёд собрать успеть.

Стерпим от погоды
Мы любой каприз.
За плечами годы –
Трудовая жизнь.

Чтоб не простужаться
Детям, не болеть,
Надо нам стараться,
Мёд собрать успеть.

Продырявил тучу
Одинокий луч,
Сразу стало лучше,
Значит, снова в путь!

Чтоб не простужаться
Детям, не болеть,
Надо нам стараться,
Мёд собрать успеть.

Лето пролетело,
Осень у ворот.
Песню мы допели
И собрали мёд.

Чтоб не простужаться
Детям, не болеть,
Надо сил набраться
Нам зимой успеть.

Кенгуру

1
Томится в зоопарке
Маруся-кенгуру.
Да нет же, ей не жалко
Потешить детвору!
На родину ей надо
Вернуться поскорей:
Там у неё осталось
Одиннадцать детей,
А именно, три сына
И восемь дочерей.

2
Малютки причитают,
Присев у океана:
«Когда же возвратится
Приедет наша мама?»

Никто их не покормит,
Без мамы плохо жить,
И некому носочки
И трусики зашить.

3
Жила когда-то вместе
Счастливая семья,
Но кенгуру забрали
Из своего жилья,

Похитили Марусю
От маленьких детей!
Она не ожидала
Такого от людей!

4
В российских зоопарках
Высокая ограда,
А матери до дому
Добраться срочно надо.

В хорошее всё ж верится!
И кенгуру надеется.

Шанс выпал для Маруси,
Случилось лишь однажды:
Забыл закрыть ворота
Смотритель, дядька важный.

И кенгуру рванула
К свободе, что есть сил.
И чем такой поступок
Прохожих удивил?!

Бежит, спешит Маруся,
Зеваку сбила с ног;
За ней помчался дворник...
Хотел догнать – не смог.

Маруся – прыг в автобус!
Водителю сказала:
«Прошу! Скорей на поезд!
Подбросьте до вокзала!

В Австралию мне нужно
Добраться поскорей:
Там ждут меня три сына
И восемь дочерей!»

Тут хором ей ответил
Всёзнающий народ:

«Туда не ходит поезд,
Вам нужен пароход.
Поэтому езжайте
Иной дорогой в порт.

Автобус наш десятый,
Другой его маршрут,
Который вас подвёз бы,
Не ходит нынче тут».

5
Водитель – парень добрый,
А с ним и пассажиры
Почти единогласно
В беде помочь решили.

Домчал автобус лихо
Марусю до причала,
Там радио им новость
Такую прокричало:

«В Австралию отчалил
Сегодня пароход,
Туда же рейс повторный
Пойдёт лишь через год».

6
Заплакала Маруся.
Всёзнающий народ
Опять советы хором
Ей дельные даёт:

«Вам нужно, дорогая,
Попасть на самолёт!»
Доставили Марусю
Теперь в аэропорт.
И кажется, что будет
С детьми она вот-вот!

Маруся попросила
В Австралию билет,
Кассир проговорила:
«Таких билетов нет.

В Австралию отправлен
Сегодня самолёт.
И ждать повторный вылет
Придётся целый год».

7
В отчаянье Маруся
И залилась слезами.
«Кошмар!» – изрёк мужчина
С турецкими усами.

Не может дать совета
Всёзнающий народ.
Наверное, Марусе
Прождать придётся год.

8
А кенгурята малые
На берегу сидят,
На горизонт без устали
Во все глаза глядят.

Собака динго рядышком
По тропкам узким рыщет,
Голодная, для завтрака
Малюток бедных ищет.

И некому несчастных
От хищной защитить,
Коль малышей заметит –
Уж точно им не жить!

9
Жива ещё надежда!
Маруся не сдаётся!
Автобус, как ошпаренный,
На скорости несётся.

И вот Марусю подвезли
К бушующему морю.
Водитель молвил: «Извини,
Помочь не можем горю!

В хорошую погоду
Здесь ходят иногда
Торговые, военные,
Рыбацкие суда,
Жди парусов попутных –
На борт просись тогда.

С тобою бы дождался!
Работа: не могу!..»
И кенгуру осталась
Одна на берегу.

10
Как часовой, стояла
Она три дня, три ночи
И с моря не сводила
Заплаканные очи.

На утро дня четвёртого
Завидела фонтан –
Всё ближе, ближе, ближе –
Подплыл к ней великан:

«Как жизнь? Моё почтенье!
Я – Фёдор, добрый кит.
Давно я наблюдаю,
Что кто-то здесь стоит.

Возможно, неприятность
Какая-то у Вас?
Могу помочь ли чем-то?» –
Гремел китовый бас.

«Меня зовут Маруся.
Домой спешу скорей,
Там ждут меня три сына
И восемь дочерей.

В Австралию добраться
Никак я не могу!..»

«Что ж, на меня взбирайся!
Нетрудно, помогу».

11
Плывёт домой Маруся
На голове кита.
Не зря жила надежда,
Не зря жила мечта!

12
Зарёванные детки
Сидят у океана,
Всё ближе кто-то, ближе,
Вдруг разглядели: мама!

«Смотрите, нашу маму
Везёт огромный кит!» –
Указывая пальцем,
Сын младшенький кричит.

13
Запрыгали детишки,
От счастья завизжали.
То маму, то друг друга,
То Федю целовали;
Вернее, дядю Федю –
Гигантского кита.
Кричали так, что динго
Ужасно напугали,
Умчалась в страхе злюка
Оттуда навсегда.

Подумала собака,
Что небывалый зверь
Задрал в кустах кого-то,
Что ей конец теперь!
Бежала до-олго динго,
Шарахаясь кустов.
Трусихой оказалась
До кончиков зубов.

Разве вас этот факт удивляет?
Так и в сказках, и в жизни бывает!
Намотайте, ребята, на ус:
Слабых может обидеть лишь трус!

Домашний любимец

Пёс – любимец у Антошки,
У Танюшки – хомячок,
Черепаша у Серёжки,
В нашем доме – паучок.

Он живёт в углу за шкафом,
Он ловушки мухам ткёт.
Говорит мне даже папа:
«Зверь полезный. Пусть живёт!»

С папой в этом я согласен,
Ведь паук – гроза для мух!
Комарам паук опасен –
Человеку, значит, друг!

Самый стойкий

Карусели, карусели –
Закружилась голова,
Глазки наши окосели.
Только Славке трын-трава.

С Витей бухнулись на травку:
Побежали облака;
Видим дом, качели, лавку
Вверх тормашками слегка.

Почему-то всё трясётся?
И торопится – куда?
Туча, будто конь, несётся,
Бьёт копытом провода.

Карусели – это славно!
На траве мы в сотый раз.
Станет космонавтом Слава:
Самый стойкий он из нас

Подарок

Подарили Кактусу
Шарик в день рождения.
– Был воздушный он?
– Да, да.
– Цельный?
– Без сомнения.

Кактус к шарикку слегка
Лапкой прикоснулся,
Шарик словно застонал,
Бах! И тут же сдулся.

Как же старые друзья
Кактус забранили.
«Жить с иголками нельзя!» –
Меж собой решили.

Решили – совершили:
Иголок всех лишили.
– А как?
– Да очень просто!
Связали да побрили.

Поменялись

(рассказ Тузика)

Я сижу поодаль будки
До вечерней до поры.
Это Петька ради шутки
Выгнал пса из конуры!

Зубы страшно он оскалил,
На прохожих громко лаял,
Миску с кашею разлил,
Что я к ужину хранил.

Я расстроен до икоты –
Проглядел своё жильё,
Нет ни дома, ни работы.
Налетайте, вороньё!

«Марш в избу!» – кого же это
Позвала хозяйка-мать?
Позади остался Петя:
Он забыл ошейник снять.

Вот местечко я приметил –
На диване буду спать!

Я чуть-чуть побуду взрослой

Ох, ну как же надоело
В дочки-матери играть!
На немножко захотела
Я сегодня взрослой стать!

Вот надену калбуки,
Шубу тёти Любы,
Бусы, мамини очки
И покрашу губы.

Выйду погулять во двор –
Будут все дивиться!
Не начнёт дразнить Егор –
Вздумаает влюбиться!

Весенняя экскурсия

Здравствуй, крот, мой друг
слепой!
Слушай! Поделюсь с тобой.

Лучик ясный, лучик смелый
Посетил наш дивный лес.

Был снежок тут белый-белый,
Разрыдался да исчез.

Там сугроб, как генерал,
Важничал под елью,

Там, под вербою, вчера
Снег лежал постелью,

А теперь следов уж нету.
Поспешил подснежник к свету.

Лисьи наблюдая склоки,
Филин ставит крылья в боки.

Появились из берлоги
То ли лапы, то ли ноги.

О-о, да это же медведь!
Не пойдём сюда мы впредь!

Вот весну синички славят:
«Зинь-зи-вер», «зинь-зинь», –
О-о, память!

И расцвёл от звуков яшень,
В алых розах он прекрасен.

О-о, да это ж снегири!
Сосчитаем: раз, два, три...

Что тут выползло такое?
Мы оставим змей в покое.

О-о, так это же ужи!
Желтоухие всю жизнь.

Понимаешь, вижу плохо.
Одолжи-ка, крот, очки!

Пожилая я сорока,
Плюс хвораю. А-а-пчхи!

Безобразник – месяц Март

Безобразник – месяц Март!
То Весне он, словно брат,
С ней по улице пройдёт,
И подтаёт снег и лёд.

То Зиме он станет другом,
И опять мороз и вьюга,
С крыш сосульки смотрят вниз.
Есть у Марта свой каприз!

А Весна от холодов
Прячет нос в сугробы,
Что ж поделывать! – Март таков,
Нрав его суровый.

Расплата

Диме больно, Дима плачет,
Диму стукнул дерзкий мальчик.
Брат воскликнул: «Должен,
значит,
Дать обидчику ты сдачи!»

Дима отвечает брату:
«Нет денег на расплату...
Ничего в карманах нету!..
Ой, нашёл!.. Отдам конфету».

Престарелый одуванчик

Ох, голубушка Ромашка!
Был я, помнится, красив.
Оттого вздыхаю тяжело –
Юность быстро износил.

Помню, чубчик с позолотой,
Кудри в пышной бороде,
Любовался – эх, с охотой! –
Отражением в воде.

Поседел прекрасный волос,
Поредела борода,
Стал скрипучим звонкий голос.
Ох! за возраст пострадал?!

Налетел разбойник ветер,
Вырвал клоч седых волос.
И хохочет дурень, весел –
Старика довёл до слёз.

Хрюши

Говорят, что только хрюши
Лезут в грязь и любят лужи.
Почему же? Мы с Андрюшей
Тоже очень любим лужи.

Дождь не думает кончатся,
Тучи в лужах корчатся;
Нам скорей по ним промчатся,
Всё измерить хочется.

Ножки втиснули в сапожки,
Взяли зонтики под мышку
И под дождиком немножко
Мы побегали вприпрыжку.

Где глаза, где нос, где уши,
На лице не стало видно,
Но мы дети, а не хрюши –
Это вроде очевидно!

Бабушкин блинок

К нашей бабушке в ненастье
Мы спешим, не чуя ног.
Брат с порога: «Баба Настя,
Испекла ли ты блинок?»

Достаёт она варенье,
Чай, сметану и медок.
Ах, какое объеденье –
Тёплый бабушкин блинок!

Спать не хочет Медвежонок

– Я давно не маленький,
До свиданья, маменька!
До весны не буду спать –
Буду по снегу ступать.

Кто придумал, что медведи
Спать должны зимою?! –
Дядя Филин не ответит
С мудрою Совой!

– Неслух глупый, ну, ложись!
Правила последуй.
Спать зимой велела жизнь
Бурому медведю.

Лучшая подружка

(песенка)

1) Дождь капризный в октябре –
Пасмурно и тучно.
На прогулке во дворе
Мне гулялось скучно,
Настроение искал,
Измеряя лужи.
И, представьте, повстречал
С бантиками дружбу.

Припев:
Как хорошо, как хорошо,
Когда со мной подружка!
Её под дождиком нашёл.
Мы дружим очень дружно!

Танечка, Танюшка –
Лучшая подружка!

2) Вот беда – дожди одни
В праздники и будни!
Без друзей в такие дни
Всем живётся трудно.
Но мы с Танечкой вдвоём –
Нет дружнее на свете!
Нам и самым хмурым днём
Дружба солнцем светит!

3) Я в саду порой грущу –
Не нужны игрушки,
Даже кушать не хочу
Без моей подружки.
Появляются друзья
Верные откуда?
Без друзей прожить нельзя!
Дружба – это чудо!!!

Вкусные конфеты

Вышла Наденька гулять,
Кушает конфетки.
«Раз... два... три... четыре...
пять...» –
Сосчитали детки.
Смотрят Наде в рот друзья
И слюну глотают.
«Детям сладкое нельзя! –
Надя утверждает. –
От конфет болит живот,
Выпадают зубки;
Лук, чеснок полезен!.. Вот!..

Яйцо в скорлупке.
Все конфеты съем сама –
Вас я пожалею.
Что ты смотришь так, Фома?
Я уже болею!
Влезла дурочка в буфет:
Мёду захотела,
А нашла плохих конфет.
Разве это дело?!»
Тут сказал Серёжа вдруг:
«Мы тебе поможем.
Лично я не трус, а друг –
Поболею тоже!»

Уже большой

Мама кормит Женю с ложки:
«Съешь ещё!.. Ещё немножко!..»
Женя крутит головой:
«Я и так уже большой!»

Весь в папу

За воспитание Кольки всерьёз
Взялся отец,
задал странный вопрос:

– И в кого же ты такой?
Непутёвый прямо!
Убежал вчера тайком,
Ишь, какой упрямый!

За свои поступки, Колька,
Честно можешь отвечать?
Двоем нахватал-то сколько,
Как отцу не осерчать?!

Говорю – сиди за книжками!
Ну а ты – во двор с мальчишками.

Колька за словом не лезет
в карман.
Колко ответил сынок-атаман:

– Я-то что?.. Ещё цветочки!
Был один в мои годочки
Настоящий сорванец.
Вырос он и стал отец.

В школе тот мальчишка дрался,
В рваной форме приходил;
К однокласснице подкрался,
Жабу в ранец посадил.

Что там двойки! – единицы
Маме с папой приносил!
Не любил он даже мыться,
Кулаком сестре грозил.

Звали сорванца Серёжка.
Мы похожи, но немножко.
Слушал про его проказы
Нашей бабушки рассказы...

Папа, возможно, об этом забыл.
Если бы в детстве
он паинька был,
Рос бы и Колька, пожалуй, таков,
Не говорил бы язвительных слов.

Дождик

Дождик загрузил, наверно,
Разрыдался в лужицы.
С ним сегодня непременно
Солнышко подружится,

Пропоёт для дождика,
Приголубит плаксу,
Вытрет слёзы досуха.
Любит дождик ласку.

Вышло солнышко на крышу,
Носит рёву на руках,
Стал капризный чуть потише,
Сохнут капли на щеках.

Я и солнышко поём:
«Плакса, успокойся!
Под приветливым лучом
От кручин укройся!»

Сколько солнышко качало
Капризулю, как сынка?
Сколько песенка звучала? –
Подпевал её пока:

«Не реви, дружок, не плачь,
Улыбнись скорее!
Смех спасёт от неудач,
Доброта согреет».

Сказочный край

Посмотри вокруг с улыбкой!
Глянь, какая красота!
Дождик пробежался шибко
У горбатого моста;

В лужах топал, пузырился,
Уходить он не хотел;
На деревьях порезвился,
Каждый куст помыть успел;

Сколько капелек оставил
На траве – не сосчитать!
Сочно радугу приправил.
Мне на ней бы побывать!

Вот бы я с неё скатился,
Хохоча, в душистый лес;
Дождевой водой взбодрился
С листьев, как сады с небес.

Солнце светит в лес с ладошки,
На луга и на поля.
Край мой в сказочном лукошке.
Здравствуй, Родинка-земля!

Колобок

Испекла я колобок
Бабушке и брату.
Он сбежать хотел – не смог.
– Стой, хитрец! Куда ты?

Здесь в духовке, взаперти
Привыкай студиться!
– Ну и вредина же ты!
Дай мне укутиться!

Дармоедка

На реку пришёл Крокодил,
Здесь часто рыбёшку удил.
Присел порыбачить с моста,
Поставив ведро у хвоста.
Богат на заре был улов,
И радостен, горд рыболов.

Тут мимо бежала Лисица,
Искала, чем ей поживиться.
Увидев посуду с рыбёшкой,
Подкралась на цыпочках –
кошкой.
Плутовке одной рыбки мало,
Всю нагло она потаскала.

...Под лапкою хрупнула ветка
(Попалась теперь дармоедка!),
Застукал Лису Крокодил,
Затопал, как Рекс, завопил;
Зубами в сердцах заскрипел,
Чуть было нахалку не съел.

Возможно, Лиса б удрала,
Но жадной обжорой была –
Наелась плотвою от пуза,
И стал свой животик – обуза.

Вернулся домой рыболов.
Не смог сохранить он улов,
Зато своей жёнке принёс
Хвост-ворот из рыжих волос.

Небыль

Собрала та-акие бусы
Из брильянтовой росы,
Радуга сплела мне пояс,
Даже ленту для косы,

Звёздный плащ взяла у неба,
Туфли сшила из цветов.
Удержать бы эту небыль,
Унести её из снов.

Нет у ветра живота

Нет у ветра живота,
Нет ни рта, ни носа,
Нет ушей, чтоб в них шептать
Все мои вопросы:

Чем он дует на меня?
Чем волнует лужи?
Чем всю пыль готов поднять
И снежинки в стужу?

Как без крыльев и без рук
По ветвям он лазит?
И зачем срывает фрукт? –
Ведь не съест, проказник!

Нет у ветра живота,
Нет ни рта, ни носа...
Как же расспросить плута,
В чём он воздух носит?

В парке

Едет Миша на мопеде
Меж берёзок и осин,
В настроеньи Миша едет –
Светит солнце-апельсин.

Клумбы прячутся в аллеях,
Плачет жалобно фонтан.
С детства Мише здесь милее
Дуб – столетний великан.

Есть скамеечка у дуба,
Чтобы отдохнуть в тени.
Не был прежде Миша грубым,
Вдруг кого-то забранил:

«Кто же мусор тут оставил?!
Кто бумажки раскидал?!
Я прибраться б тех заставил!
Я метёлку им бы дал!

В наказанье – хрюшек этих
Я б гулять не выпускал!
Было б чище на планете,
Шар земной бы краше стал».

Хлам собрал в мешочек Миша,
В урну полую отнёс.
Дуб теперь спокойно дышит,
С Мишей он не знает слёз.

Кот и пёс

У меня есть кот и пёс.
Кот – Василий,
Пёс – Барбос.

В них души не чаю – честно!
Шло бы всё у нас чудесно.

Но... живут они не дружно –
Помирить их как-то нужно!

Мама плов положит в миску –
Это псу,
А киске – «Вискас».

Но дерутся кот и пёс –
Беспокоит их вопрос:
Что кому придётся кушать.
Маму не хотят послушать.

Забиякам дал я мячик –
Пусть в игре подружатся!
– Мяу!
– Гав! Гав!
Что это значит?!
Снова в драке кружатся!

Кто же так себя ведёт?!

Пёс Барбос,
Василий кот –
Друг другом ходят битые.

Прозвать бы их бандитами!

Ну разве можно драться?!
Царапаться, кусаться!

Бабушкино лето

Накануне октября
Топаю раздетой,
А в округе говорят:
Возвратилось лето.

Птички, будто бы весной,
Весело запели.
Очень ласкова со мной
Целых две недели.

Книжки я забросила.
Разве странно это?
Странно, если к Осени
Ходит в гости Лето!

Если не ошиблась я –
Говорили где-то,
Что гостит у Сентября
Бабушкино Лето.

Может, Лето захворало?

– Мама, что же приключилось?!
Может, лето простудилось? –
Зачихало, захворало,
Неуютным, грустным стало.

Серость небо затянула,
Тучи в лужи смотрят хмуро
И рыдают день за днём
О простуженном о нём.

Улетают птицы с криком,
Спят качели в парке тихом.
Расшумелась лишь листва;
А нарядна, а пестра!
Почему одета ярко?
Разве лета ей не жалко?!

– Мой малыш, промчалось лето,
Потому листва одета
В разрисованный платок;
Потому капризны тучи
И неласков солнца лучик;
Осень на дворе, сынок.

Волки

Наш ночлег у старой ели.
Здесь мы песни хором пели,
Завывали на луну:
«У-у-у, у-у-у!»

Дня четыре мы не ели –
Корм догнать мы не сумели,
Ускользнули зайцы, утки...
Ноет с голоду в желудке.

В стылой грезится постели
То, чего бы так хотели! –
Скачет зайчик еле-еле –
Хоть за хвостик укуси,
И за птичками поспели,
Так как птички не взлетели.
Сыты мы во снах и в теле.
Но... хоть травы в корм коси.

Змея

Ах, бедная, бедная, бедная я!
Мне с детства навязано имя змея!

Считается, змеи жестоки,
Поэтому мы одиноки.
Никто с ядовитой не дружит,
А мне друг особенный нужен.

В приятелях были мышата,
Пришлось проглотить их вчера.
И разве я в том виновата,
Что стало обедать пора!

Ах, бедная, бедная всё-таки я!
Совсем не подходит мне имя змея.

Я просто сама доброта,
Когда совершенно сыта.

Вот шорох раздался в кустах –
Зайчонка я вижу в мечтах.

«Эй, там! Подождите бояться!
Не пищу ищу, а друзей!»

Тьфу! Так не играю я, братцы!
Придётся самой убираться –
Здесь парочка скверных ежей.

Бесценный клад

Уважают в классе Петю,
Знает он, ну... всё на свете!
И тому учитель рад –
Есть пример для всех ребят.

Петя не такой уж взрослый,
Скоро будет десять лет,
Но на всякие вопросы
Скажет... как мудрёный дед!

Не спешите удивляться! –
Петя не рождён таким.
Просто стал моим он братцем,
Разучил я буквы с ним.

Лет с пяти библиотеку
Посещал со мною брат.
Книга учит человека!
Книга – наш бесценный клад!

Модница

Как грибок расту – мгновенно:
Платье лучшее мало.
Но рецепт я знаю верный,
Чтобы платьице росло.

Посажу его на грядку,
И полью, и прополю.
Я приучена к порядку
И помодничать люблю.

Ленивый портфель

Понедельник. Снова в школу.
Едет на спине портфель.
Он и гордый, и весёлый,
Не страшит его метель.

В нём учебники, тетрадки,
Всех цветов карандаши.
У меня не всё так гладко:
Снег лицо заपोрошил.

А ему-то что – лентяю,
Хоть бы капельку помог!
Я в сугробах утопаю
И совсем не вижу ног.

В бой иду на непогоду –
Лодырь дремлет за спиной.
Мне на нём бы ездить в школу,
Я не ждал бы выходной.

Это надо понимать

Отчего друзья Наташку
Одуванчиком зовут?
Оттого, что у Наташки
Странно волосы растут:

Шариком пушистым,
Жёлто-золотистым.

«Одуванчик, одуванчик,
Выходи-ка поскорей!» –
Прокричал дворовый мальчик
У Наташкиных дверей.

Как же истина одна:
У людей есть имена!

Вышла погулять Наташка,
Оживилась улица.
А она вздыхает тяжко,
Из-за клички хмурится.

Значит, ей обидно,
Это ж сразу видно!

Разревелась тут Наташка,
Расхотелось ей играть.
И сказал Матвеев Сашка:
«Это надо понимать!»

Ну кому понравится,
Если кто-то дразнится!»

Не беда, что у Наташки
Странно волосы растут,
Лишь по имени Наташку
Все друзья теперь зовут:

Жить им дружно нравится,
Лучше всех играетя.

В гости к бабушке

Эх, на поезде поеду
Завтра утром рано к деду!
Надо с вечера собрать,
С чем я буду там играть.
Мяч возьму и барабан,
Грузовик, подъёмный кран,
Катер, плюшевого зайку,
Пианино, балалайку,
Танк и армию солдат,
Каску, меч и автомат,
А ещё – стихи и сказки,
Чтобы слаще засыпать;
Три альбома, кисти, краски –
Я люблю порисовать.
Лишь бы что-то не забыть!
Вот бы деда прокатить!
Что ж, беру велосипед –
Будет радоваться дед!
...Головой качает мама:
«Что же взял с собой так мало?!»
«Ладно, – папа пробасил. –
Сам собрал, и сам неси!»
Разве это справедливо?!
Где найти мне столько сил?!
Чтоб такое с места сдвинуть,
Нужен папа или «ЗИЛ»!

Отчего мужчины плачут

Что это значит, что это значит?
Дедушка мой, будто маленький, плачет.
Может, расстроен, что ленится внук,
Что без помощника чистит он лук?
Взялся помочь – дед грозит: «Не балуй!»
Ножик он папе доверит, пожалуй!
Дедушке в помощь привёл я отца,
И у него слёзы градом с лица.
Что это значит, что это значит?
Папа теперь вместе с бабушкой плачет.
Оба режут – я ли в том виноват?
Или пока не готовый салат?

Может, подскажет мне кто из ребят?!

Почему же, почему?

Почему же, почему ночью солнце где-то?
Почему же, почему прячет день луну?
Почему же мне зимой не хватает лета?
Почему в морозный день тороплю весну?
Почему же сам себе стал я удивляться?
Как же так случилось: отдышать устал!
Не могу сидеть без дел, по дворам слоняться –
Я портфель сегодня в школу бы собрал.
А на улице тепло, даже как-то жарко,
Взрослые и дети загорать спешат.
Долго ждать ещё сентябрь – ах, ну как же жалко!
Мне сейчас бы в школу. Вот я был бы рад!
Я занятия посещал часто невесёлый
И на перемену торопил звонок,
А теперь грущу о том, что закрыта школа.
Мне бы так хотелось отвечать урок!

Рисунок для учителя

Рисует дождик что-то на стекле,
Он, как и я, немножечко художник.
На днях мне будет целых девять лет,
И для меня и сложное – не сложно!
Букет прекрасный стану рисовать
Из роз, тюльпанов, лилий и ромашек –
Придумаю хорошие слова
И подарю учительнице нашей.
Не будет завтра грустно ей ничуть,
Ведь праздник – День учителя – настанет!
«Мы любим вас!» – я громко прокричу.
А дождик... улыбнётся и растает.

Испорченный котик

Гости, подарки, пирожные, «Фанта» –
Как я люблю дни рождения!
Милый котёночек с розовым бантом –
Лучший сюрприз, без сомнения!
Но почему-то котёнок дрожал
И поджимал серый хвостик,
После чудак под кровать убежал.
Странный он всё-таки – котик!

Вечером гости домой разошлись,
Выглянул серенький носик.
Мама зовёт мой подарок: «Кис, кис!
Что же ты кушать не просишь?»

Котик охотно две порции съел –
Суп запивал молоком!
После понюхал меня – осмелел,
Шмыг на колени прыжком.

«Ур-р, ур-р, ур-р, ур-р-р!»
Что за звук в тишине?
Может, слышалось всё-таки мне?
Или мой котик испорчен?
В котике спрятан моторчик?!

Заболел на кухне кран

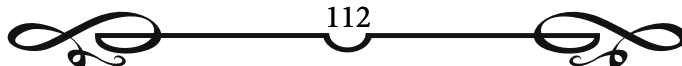
Кап-кап-кап, заплакала водица!
И предметы маются от ран.
Вот несчастье, вздумал прохудиться,
Заболел на кухне старый кран!

Я ему назначил перевязки –
Как умею, бедного лечу.
Как с больной сестрёнкой, с ним я ласков –
Чтоб скорей поправился, хочу!

Я представил только на минутку:
Если в каждый дом придёт беда –
Заболели краны не на шутку,
И польётся струями вода,

Высохнут озёра, водопады,
Реки, океаны и моря...
Дальше и рассказывать не надо –
Мир погибнет, проще говоря.

Кап-кап-кап! Не торопись, водица!
Мастер есть в леченье всяких ран –
Папа наш работает в больнице!
Вот придёт и залатает кран.

Просьба к Деду Морозу

Ёлка украшена в детском саду.
Дети желают подарков,
К Деду Морозу с мечтами идут.
Странная просьба у Марка:

«Мама моя поскользнулась на льду,
Ножки ушибла очень.
Обе болят и почти не идут –
Надо бы новые срочно!»

Дед краснощёкий ответил:
«Сынок,
Жаль, не ношу я с собой новых ног!»

У ёлки толпятся ребята,
И каждый подарок спросил:
Кристине собаку бы надо,
Даниле автобус и «ЗИЛ»,

Юре настольную надо игру,
Кате с узорами платье,
Мише фонарик, Виталику руль...
Марк повторяет несклади:

«Мама моя поскользнулась на льду,
Ножки ушибла очень.
Если я новые ей не найду!..
Может, пришлёте по почте?..»

Верят ребята – мир полон чудес,
Верят в волшебную сказку!
Вот появилась Снегурочка здесь
В посеребрённых салазках...

Ёлка украшена в детском саду,
Светятся шарики ярко.
Дома все дети подарки найдут.
И мама поправится Марка.

Антарктидножаркий день

Собираются гулять
мама с пингвинёнком.
Кто же трепетней, чем мать
смотрит за ребёнком?!
Накормила и умыла.
Нужно потеплей одеть,
Чтобы сыну-пингвинёнку,
на беду, не заболеть!
Есть у мальчика-пингвина
и пальто, и свитера;
Есть, представьте, и футболки –
если вдруг придёт жара.
Мама глянула в окно,
новости включила.
«...В Антарктиде тридцать пять», –
диктор объявила.
Значит, будет ныне день
Антарктидножаркий!
Сын футболочку надел
на животик маркий,
И в цветастом сарафане
мама вышла с ним гулять.
Для пингинов, значит, лето,
если минус тридцать пять.

Сказочный прогноз

Выполз на дорожку мерзкий гололёд,
Маленький Алёшка в детский сад идёт.
Неслухи-сапожки на беду скользят.
Нужно, очень нужно Лёшке в детский сад! –
Там сегодня праздник будет для ребят.

Будут там подарки, будет Дед Мороз.
Сказочный и яркий малыша прогноз –
Ёлка заискрится сотнями огней,
Гномы, феи, принцы оживут под ней.
Новый год обнимет волшебством детей.

Нужно, очень нужно Лёшке в детский сад!
Неслухи-сапожки на беду скользят.
Сказочный и яркий малыша прогноз:
Будут там подарки, будет Дед Мороз!

Немножечко дед

С дедушкой я на прогулки хожу,
С дедушкой мультики, сказки гляжу.
Если родители утром спешат,
Водит дедуля меня в детский сад.

С дедушкой лихо играю я в мяч.
Дедушка мой суперсильный силач! –
Может подбросить меня в потолок,
Будто бы я невесомый пушок.

Вот бы волшебницу мне повстречать,
Вот бы желанье своё загадать,
Чтобы сто лет был дедуля такой,
Пусть старичок, но зато молодой.

Чтобы сто лет с ним играли мы в мяч,
Чтобы сто лет был мой дедка силач.
Ну а когда пролетит сотня лет?..
Стану я тоже немножечко дед.

В детском садике

В детском садике у нас
Лучшие игрушки:
Вертолёт, большой Камаз,
Кубики, зверушки...
Мы сегодня так решили:
Стены будем возводить,
Чтобы звери в доме жили –
Им же надо где-то жить!
Чтобы ладилась работа,
Нужен дружный коллектив!
Грузим кирпичи с завода,
«Кто есть кто» распределив:
Петя – продавец кирпичный,
Строят – Лёва и Лука,
Катя – командир обычный,
Я – шофёр грузовика...
Эх, дружна у нас работа –
Дело движется вперёд!
А у дома лишь забота –
Он толстеет и растёт.
Вот и вырос дом отличный!
Впереди у нас обед,
Дальше сон дневной, привычный.
Лучше сада в мире нет!

Нина Сазонова

г. Луховицы, Московская обл.

Тополиная осень

Взметнулся тополь одиноко,
Совсем один среди берёз.
В печали замерев глубокой,
Роняет с листьев капли слёз.

Он, отражаясь в сонных лужах,
Пух провожая свой в полёт,
Чего в кругу своих подружек
В осенний час унылый ждёт?

Иль постарел он? силы сдали?
Иль осени довлеет груз?
Денёчки горькие настали –
Всё навеваает ему грусть.

Наряды у деревьев броски.
А он разут уже, раздет.
Лишь белоствольные берёзки
Ему шлют ласковый привет.

Ожидание чуда

Что там впереди, не знаю,
Только чуда я хочу.
Жизнь свою вновь пролистаю –
Всё ли было по плечу?

В лес уйду, где он без листьев
И без пенья птичек – пуст.
В небе сумрачном и мгlistом
Растворю былую грусть.

Под небесной божьей сенью
Что с тобой, родимый край?
Дай Бог людям всем терпенья
И надежду, веру дай.

Веру в чудо, в исправленье!
Так устроен человек.
Веру в Русь и в исцеленье,
Чтоб средь тьмы не гас бы свет!

Луг

Распластан луг передо мною
В осеннем пёстром одеянье.
Октябрь прохладною рукою
Кропит его росы сияньем.

Пожухли травы, коростели
Кричат печально и уныло.

Здесь скоро засвистят метели,
Как над бездомною могилой.

Но это будет чуть попозже,
Когда нам осень руки свяжет:
То солнце выглянет тревожно,
А то мороз на землю ляжет.

Как в серебре, застынут лужи,
Туман над речкой будет стлаться.
А солнце средь окрестной стужи
Сквозь тучи будет пробиваться.

Но ветер северный – студёный –
Не даст пролить тепла на землю.
Его я, как по камертону,
В эти мгновения приемлю.

Приемлю, чтобы ждать устало
Моей весны, любимой с детства,
Чтобы любить не переставало
Моё измученное сердце...

Любовь как жизнь

Стоит берёзка одиноко,
Одна во поляшке стоит.
На мир взирает светлым оком,
О чём-то с ветром говорит.

О чём? Как грустно ей живётся,
Головку не к кому склонить...
И скоро, видимо, порвётся
Её судьбины горькой нить.

И ветер сжалился над нею,
От дуба семечко принёс.
Росток как символ Гименея* –
Заметно к осени подрос.

Теперь берёзка не скучала,
Её покинула печаль.
Она дубку слова шептала,
Касаясь крепкого плеча.

От зноя и от непогоды
Хранила юного дубка.
Чтоб стала стать его в те годы
Всегда надёжна и крепка.

Года прошли, и вот он вольно
Раскинул ветки ввысь и вширь.
Берёзка дубом тем довольна:
Умом и ростом – богатырь!

А дуб её от снега, зноя
Сам защитит сегодня смог.
Так и живут на свете двое,
А рядом с ними встал лесок...

* Бог семьи и брака

Посиделки

Месяц в синем небе плыл,
Звёзды в выси проявил.
Он с заоблачных высот
Всем привет небесный шлёт.

Дев земных горят глаза,
Каждая весна-краса!
Их наряды хороши –
Парни, веселей пляши!

Парни мнутя у ворот –
Тянет всё же в хоровод.
Выбивают ноги дробь –
Туфли только не уgroбы!

Вот пустились парни в пляс –
Искры сыплются из глаз.
Почему глаза блестят?
Ну конечно, для девчат...

А гармоника поёт,
Спать влюблённым не даёт.
Все довольны будут тут –
Скоро свадебки пойдут...

Дотянуться до черты

Мы нечаянно с тобою
Повстречались, как во сне.
Ты несчастлив был со мною,
Я несчастлива вдвойне.

Мы исправили ошибку
И другой избрали путь.
Вызывает лишь улыбку
Тот отрезок жизни... пусть

В прошлом остаются горе,
И обида, и печаль.
Но стремленье выжить в споре
Увлекает снова вдаль:

Чтобы петь душе хотелось,
Чтобы била жизнь ключом,
Чтоб любить не расхотелось,
Чтоб рассвет встречать вдвоём.

Этим счастьем мы повиты?
Спросим у своей мечты.
Только тянет как магнитом –
Дотянуться до черты,

За которой счастье скрыто
И удачи поворот,
Где земная Аэлита
Тебя ждёт, чтоб взять в полёт...

Галина Самусенко

г. Коломна,
Московская обл.

Весенний сонет

Весна – пора влюблённых и поэтов.
Сезон мечтаний, серенад, стихов.
Ослабло бремя ледяных оков.
Нарушено зимы суровой вето.

И рифмоплёт строчит венки сонетов.
Он «Аллилуйя!» жизни петь готов.
Разливы рифм не знают берегов.
Поэзия любви – в потоках света!

Как славно – не бояться больше стужи!
Прекрасно солнце, что горит и в луже!
Вдохни всей грудью свежий ветерок.

Почувствуй дождь – слезами по лицу.
Познай природных сил могучий ток.
Ликующ сердца глас – хвала Творцу!

Апрельский снег

И снова выпал снег нежданно, нежданно,
Хоть за окном апрель и вроде бы весна.
А он лежит себе, белея перевозданно,
И, кажется, земля не встанет ото сна.

Под хмуростью небес, под белым одеялом
Как снежную зимой, всё так же будет спать.
Но на дворе апрель, весна уже настала,
А время, знают все, не повернется вспять.

А снег себе лежит, не ведая про это,
Накинув пелену на кровли и мосты.
И в шубе снеговой, совсем забыв про лето,
Красуются опять деревья и кусты.

На первый взгляд снежок и белый, и пушистый,
Но морщится под ним холодная вода.
И только солнца луч прогреет золотистый,
Весь зимний антураж исчезнет без следа.

Пусть дивно хороши уборы снеговые,
Да уж звенит по ним задорная капель.
Бегут, журчат ручьи с пригорков озорные.
А на дворе – весна, а за окном – апрель.

Мелодия весны

Звучит Весны мелодия простая.
Стаккато бьёт, срываясь с крыш, капель.
И ветерка протяжен ритурнель.
Кряхтит росток, сквозь землю прорастая.

Напевы птички – нежная свирель.
Ворчит река, с натугой лёд ломая.
Журчит вода, низинки заливая.
На струнах ручейков бренчит апрель.

Вещица музыкальна, хороша.
Звучаньем очарована душа.
Оркестр – в ударе. Пьеса – ля мажор.

Кому ж ансамбль согласиём обязан?
По воле чьей единым ритмом связан?
В финале – рондо. Солнце – дирижёр!

Грустный праздник

Сегодня праздник моего рожденья.
Его не очень сильно я ждала.
Не слишком проявляла нетерпенье,
Хотя гостей к себе и позвала.

Хоть дату эту всю обмажь вареньем,
Однако понимаешь с сожаленьем –
Года бегут, а молодость прошла.
Уж не вернуть. Такие, брат, дела.

Что ж, стало меньше пусть одним рассветом.
Всё как у всех – семья, друзья, любовь.
Во внуках доживу, домослю вновь
То, что на свете не успела этом.

Сияет солнце. За окошком – плюс.
И для меня весна танцует блюз!

Март

Сегодня – минус двадцать, хоть за окошком – март.
Дыхание весны так близко, так желанно.
В борьбе за власть с весной зима вошла в азарт,
Всё злится, бесится, психует неустанно.

То – минус двадцать восемь, то через день – плюс два.
То – мокрый снег да дождик, то хулиганит вьюга.
То слякотная серость, то неба синева.
Никак зиме с весной не побороть друг друга.

А солнце по-весеннему на небе – колесом.
И нежится земля, в лучах его купаясь.
Зима уходит медленно побитым грязным псом,
Метелью мокрой напоследок огрызаясь.

Антонина Тесленко (Mickelson)

г.Пятигорск, Ставропольский край

Родилась 14 июля в г.Тбилиси. Живу и работаю в городе Пятигорске Ставропольского края.

Самое главное для меня слово в жизни – «ЛЮБОВЬ». Поэтому хочу пожелать всем только любви и добра. Об этом мои стихотворения. Отдаю душу, сердце и стихи Вам, дорогие читатели!!! Только благодаря Вам, и зная, что сейчас Вы окупаетесь в мир поэзии, существует и живёт моя душа, и с ней мои стихи, написанные для Вас с любовью.

Любовь уходит в ночь

День исчезал в объятиях ночи,
В смятенье грёз и чувств своих.
Померкли солнечные очи,
Вздыхнул закатом слабый штрих.

Ночь разразилась шквальным ветром,
И в возмущении своём
Всё поглотила чёрным пеплом,
Идя усердно напролом.

Как будто зачеркнуть хотела
Всё то, что день наворотил,
И, память оторвав от тела,
От дня бежала что есть сил.

Самой себе была так рада,
Что наконец-то всё во тьме.
Была заслуженной награда –
Быть верной хоть самой себе.

Ночь упивалась темнотою,
Глотая слёзы струй дождя.
Она-то знала, что с любовью
Шутить не стоит никогда.

Ночью... невидимкой... под откос

Я невидимкой ночью прокрадусь к тебе,
Свои следы оставив на морском песке,
И буду властвовать, пока ты крепко спишь,
Пока не отрекаешься и в сладком сне молчишь.

Я невостробованной песней прозвучу,
Слова волшебные тебе на ухо прошепчу,
Поглажу пряди шёлковых твоих волос,
Потом отправлю поезд расставания под откос.

Пускай летит себе в неведомую даль,
Возврата нет, сниму невидимую шаль,
И побреду потом в далекое ТУДА,
Где не вернуть уже прошедшие года.

Мне не вернуть тебя, ни в снах и ни в мечтах,
Умчался с ветром ты на белых кораблях,
Ты раздвоился, растворился,
словно призрачный туман,
Как вся твоя любовь, – наигранный обман.

Я тёмной ночью прокрадусь к тебе,
В последний раз, пусть чуточку, но изменю себе,
Я лишь у изголовья тихо молча постою,
И вечной невидимкой навсегда потом уйду.

Спешишь в безбрежность ты разлукой

Спешишь в безбрежность ты разлукой,
Но стоном плачешь изнутри.
Тот самый бред навеян скукой,
Что изнывает взаперти.

Ты, унывая от бессилия,
Стремишься чмокнуть всё и всех,
Но жалит болью камарилья,
Нам причиняя только смех.

Откуда столько рьяной веры,
Во вседозволенность свою?
Струится кровью явь химеры,
Сражаясь воином в бою.

Но отстает от новолуния,
Теряя силы на ходу.
Ах, если б было дивнолуние,
Да в райском ангельском саду.

Но стёрто всё в пыли столетий,
Там в невесомость лицедей
Попал без всяких междометий,
Отринув общество людей.

Степи ковыльные

Степи ковыльные, степи безбрежные,
Море белесых волос,
Тонкою гранью в красотах обильные,
До горизонта покос.

Только не тронуты степи ковыльные
Острой железной косой,
Вот почему, улыбаясь, счастливые,
Так и зовут за собой.

Степи бескрайние, степи раздольные,
Вольного ветра задор,
Манят беспечные степи широкие
В свой беспредельный простор.

Я плачу от смеха

Я плачу от смеха,
Какая потеха.
Как бусинки, слёзы
Из глаз.
Устав от успеха,
Умру я от смеха,
Я словно
Священный
алмаз.
Но только безлико,
Всё стало вдруг тихо,
И голос безумства
Пропал.
Внезапно всё
Стихло,
Величие поникло,
И кто-то сражаться
Устал.
В мгновение ока
Взлетел он
Высоко
И камнем на землю
Упал.
Душа или тело,
Кому что за дело?
Он всё же, как птица,
Летал!!!

Я люблю тебя,
вечная вечность,
Где кумиров
не будет совсем,
Это явь,
что ушла
в быстротечность,
Что в преддверии
счастья
пред всем.
Что уже отболело,
отпало,
Что уже не вернуть
никогда,
Пусть когда-то
и в душу запало,
Но, как вечность, ушло
навсегда.
Всё исчезнет,
изменится явью
И предстанет
другую судьбой,
Только ясность ума
не представлю,
Когда голубь
кружит надо мной,
Он кружит
надо мной
уже с детства,
Предвещая
Предвечности
сон.
Но я здесь,
перед ней,
уже стоя
На коленях,
в душе один
стон.

Не держите меня,
улетаю.
Умоляю,
не плачьте.
Ведь я,
словно голубь,
взлетаю,
взлетаю.
Я прошу, –
не держите меня.

Мне боль приснилась откровений

Мне боль приснилась
откровений,
Приснилась явь мирских дорог,
Где столько было столкновений,
Когда покинут был чертог,

Когда усталость от безделья
Взломала душу до костей,
Мне было жаль благословенья,
Терзаясь чуждостью идей.

Увековечив дни разлуки,
Боль, озверев, рвала нутро,
И тело, застонав от муки,
Легло под едкое сверло.

И Откровение свершилось,
Не в муках Ада, – просто так!
Но напоследок помолилось,
Над головой сгущая мрак.

Идиллия любви и боли
Разгульно к звёздам понеслась,
И там, очнувшись на просторе,
Рекой печали разлилась.

Тревога-дорога

Тревога-дорога,
Дождлся иль нет?
Кто знает и скажет,
Найдёт мне ответ?

Дорога пылится,
Так в песнях сто раз,
Дорога клубится,
Слыхали не раз.

И я о дороге
Люблю говорить,
Мечтать, представляя,
Как движется жизнь.

Как ноги мелькают,
Пейзаж тот – не тот,
С годами стареет
Холста натюрморт.

С годами бурьяном
Всё так зарастёт –
Не то, что дороги –
Тропы не найдёшь.

Хочу постигнуть суть земли
И раствориться в зыбком мире,
Там, где не тонут корабли,
Где нет сигнала «SOS» в эфире.

Там, где в пустыне не пески,
А лишь ковры из разнотравья,
Не давит злоба на виски,
Ушла гордыня своенравия.

Тоскует вечность в тишине,
Блуждая с временем
в пространстве,
А в бесконечной высоте –
Планеты в сказочном убранстве.

Там, где ликует жизни суть
И в Лету канули знаменья,
А предначертанности путь –
Есть истина предназначения.

Характер

Во мне одном меня так много,
И точно так же и в других,
Душа, как маятник, лишь одиноко
Туда-сюда качается среди них.
Две стороны у жизни бело-чёрной.
Мы, как пружинки: разожмут,
сожмут...
У бездари чудеснейший характер,
А у таланта он бывает очень крут.

Как ни крути – то чёрно всё, то бело.
Бываешь и хорошим, и плохим,
Признайся ж сам себе однажды
смело,
Что часто был, характером водим.

А он такой непостоянный,
Любвеобильный и обидчивый
порой,
Игривый и застенчиво-стыдливый,
Какой угодно повернётся стороной.

Иной раз всё испортит жутко,
Да так, что переделать ничего уже
нельзя,
Жалеешь обо всём, конечно, глупо,
Что так бездумно ты ведёшь порой
себя.

Но что поделаться? Все мы от
рождения
Завистливы, эгоистичны и смешны,
Но за труды хотим благодаренья,
Чтобы хоть чуточку исполнились
мечты.

И жалко лет пустых. Времени дорога
сбита.
Размыты в памяти портреты, имена.
Вернуть бы всё. Исправить, где
пробита
Плохим характером бессмертная
душа.

Василий Толстоус

г.Макеевка, Донецкая обл.,
Украина

Родился в 1954 году в г. Свердловске Ворошиловградской (ныне – Луганской) области (СССР). Проживает в г. Макеевке Донецкой области (Украина).

Член двух союзов писателей. Автор нескольких книг стихов. Лауреат нескольких литературных премий. Побеждал на литературных фестивалях. В интернете с 2010 года. На конкурсах сервера Стихи.ру побеждал и добивался призовых мест.

Смерть

Умолкли птицы. Небо словно выше.
Звезда прожгла мерцанием простор.
Беззвучный вздох – полёт летучей мыши.
Затих дневной досужий разговор.
Повсюду тени. В бликах мостовая,
незримо шевеление листа.
Мелодия вечернего трамвая
так непередаваемо проста, –
но вдруг ушла, закончилась внезапно...
...Остывший воздух дрогнул незначай:
тупым стеклом по вечности царапнул
ночной мопед, стена и стуча,
сжимая звуки в шорохи и звоны...
...И движется, смыкается, страшна,
из каждой щели, тонкой и бездонной,
бескрайняя, сплошная тишина.
Одно лишь сердце с болью и тревогой
наружу рвётся, зная наперёд,
что рядом, здесь, без света и дороги
землёю Смерть полночная плывёт, –
её уснувшей тёмной половиной,
и выбирает время сладких снов.
Беспомощный, виновный ли, невинный,
и млад ли, стар, – для Смерти всё равно.
Застыв, стою. Она струится мимо,
касаясь мягко полами плаща...
...И до утра, до спазм, невыносимо
немеет ниже левого плеча.

У горя строгий стиль,
оно всегда достойно.
Веселье – беспокойно:
кружит, вздымая пыль.
Очерчивая круг,
приваживаем вечность,
мол, может уберечь нас
в соединенье рук.
Всё переплетено:
и финиш, и начало,
и танцы у причала,
и под руку в кино...
Покажут фильм на бис, –
от вехи к вехе жизни,
качнётся коромысло
весов, склонится вниз,
покатятся года –
что были, и что ныне.
И ждешь, когда наступит
летающая беда.

Воспоминание о Евпатории

...Зубчат разлом на плитке шоколада.
В бокалах стынет красное вино...
...Слышна гитара. Хор поёт «Гренаду»
за незначай раскрывшимся окном...
...Утихли в зале смех, стихи и тосты:
казалось, им струиться без конца, –
беспутной музе весело и просто
касаться захмелевшего лица.
Теперь лишь ветер в окна. Бьётся море,
слегка ворчит, невидимо в ночи.
Далёко слышно эхо на просторе,
сплетая звук и лунные лучи.
Глаза закроешь... Память вновь по кругу,
и слушаешь певучую строку.
Метафорами, пригнанными туго,
ты движешься, как флот к материку.
...Слова, как волны, схлынут и окатят,
и в облаке открывшейся души
забрежат сад и старенькая хата,
где жизнь как сон, и время не спешит...
...И снова море, – там, за дверью плещет,
где, кажется, и зябко, и темно.
Прибой считает вечно: чёт и нечет...
И в такт ему качается вино.

Шестидесятники

Початой тары тусклый блеск.
Фонарь качается, мигая.
Скамья. Шумит, невидим, лес,
чуть слышно листьями вздыхая.
На небе Дева и Весы,
и, словно в связке великана,
межзвёздной стаей мчатся Псы...
А мы – стакан и полстакана,
и – что нам Сталин, что – Хрущёв...
Вопросы. Смелые ответы.
Мы, прикурив от сигареты,
поймём, что верим в силу слов
и что нельзя сажать за это,
что рядом друг, а не сексот,
и полной мерой выпив грусти,
мы не споткнёмся у ворот
о черноту ночной «маруси».
Так наливай, браток, портвейн.
Сырок разломленный заветрен.
Скажи, дружище, не совей:
ведь, правда, клёво жить на свете?..

Я внешности души своей не знал.
 В далёком детстве в зеркале увидел
 неправильный мальчишеский овал,
 застывший в беспокойстве и обиде.
 Приблизился к холодному стеклу,
 ладонь прижал. И он прижал в привете.
 Во тьме зрачков гнездившаяся глубь
 меня в ответ окинула при этом.
 «Ты кто?» – неслышно задали вопрос.
 «А ты?» – я прошептал едва дыша.
 И показалось, кто-то произнёс:
 «Твоя душа».

Промчались годы друг за дружкой вслед.
 Исчезло детство, юность улетела,
 но каждый день единственный ответ
 упрямо ждёт стареющее тело.
 И тот, второй, он всё ещё внутри,
 рассеян и насмешливо коварен:
 секрета своего не приоткрыл
 дряхлеющий двойник за зеркалами.
 Теперь он смотрит вдаль, но чаще сквозь,
 туда, где жизни прожитой межа,
 где задают отечески вопрос:
 «Пора, душа?..»

в пять утра без будильника солнце
 прорвалось из-за дальних холмов
 рыжий кочет на крыше колодца
 прокричал что он жив и здоров
 рощу ветер погладил по кронам
 свистнул сын в ожидании сна
 и страну покрывалом зелёным
 застелила к восходу весна
 у ворот самодельную флейту
 в руки взял деревенский пастух
 под мелодию близкое лето
 тополёвый приветствовал пух
 он вздымался кружился вертелся
 и носился легко по дворам
 а совсем не имеющий веса
 плыл пастух и на флейте играл

Снова год окончился внезапно.
 Бьют часы. Чему-то рады все.
 Одурманил душу хвойный запах,
 он кружит, как в парке карусель.
 Сразу детство вспомнилось, и речка,
 три сосны, нагнувшихся над ней,
 облака пролётом в бесконечность –
 как следы полозьев от саней.
 На лету дыханье индевело,
 белый иней брови заплетал,
 ели – словно мачты каравеллы,
 у затона встретившей привал.
 Время остановлено нарочно.
 Чтоб остался в памяти закат,
 нужно пережить бессветность ночи,
 должен заболеть восходом взгляд...
 ...Жить бы долго в отблесках над лесом,
 чтоб закат струился и не мерк,
 чтобы время тяжестью железной
 сердце не тревожило и век.

Не входи в зелёное пространство,
 пусть оно колышется вдали...
 Усмири Летучего голландца,
 задержишься у краешка земли.
 Посмотри на домик у дороги,
 на фонарь, мерцающий в окне,
 где в безмолвье комнаты убогой
 стали тени глубже и длинней,
 обойди рассохшееся кресло,
 загляни в тетрадку на столе, –
 чтобы в новой памяти воскресли,
 не забылись в сутолоке лет...
 Посмотри без трепета на руку,
 на пол уронившую перо,
 не забудь глаза, их лёд и муку,
 головы последний поворот.
 А когда уйдёшь, с собой простившись,
 не гаси мерцающий фонарь,
 со стола листок четверостиший
 унеси на призрачный корабль.
 До утра уснёт безмолвный город,
 море к небу выгнется дугой.
 Обернись в пути: в окне за шторой
 до восхода теплится огонь.

Жизнь идёт, потом – проходит.
 Память копит день за днём:
 этот – годен, тот – не годен,
 надо – снова проживём!
 Друг надеялся на слово –
 ты смутился, отступил:
 не беда, попробуй снова.
 Лет немного, много сил.
 Вспомни, как она молчала,
 как ждала твоё «Люблю!» –
 не беда начать сначала,
 в новой жизни новый плюс.
 Что с того, что годы мчатся,
 дольше зимы, чаще дождь:
 превращенье в домочадца
 не ослабишь, не прервёшь.
 Поднимись однажды с кресла:
 видишь – тучи собрались.
 День октябрьский. Воскресный.
 Дождик льётся на карниз.
 Помоги плохой погоде
 горько плакать с ней вдвоём.
 Жизнь идёт, потом – проходит.
 Словно не было её.

Струится запах мокрых елей, –
 дитя полуденного грома.
 Ладья покинутых качелей
 неколебима, невесома.
 Забыт остывший чай в стакане,
 напоминая об измене,
 а на столе на алой ткани
 букет отвергнутой сирени.
 Всё дышит мудрой тишиною.
 Ни шевеленья в целом свете,
 и переполненность виною
 в небрежно брошенном букете.

Весть

Лихая весть так невесома,
и воеет тихо, словно пёс...
Ей нипочём засовы дома, –
восточный ветер в окна внёс.
Её избранница прекрасна,
улыбка, взор не замутнён...
Дыханье штор волнообразно,
и – то ли ветер, то ли – стон.
Наверно, надо было что-то
свершить такое... Но никто
не смог, а все вполоборота
сидели сразу и потом,
когда она вокруг летала,
дыханьем вея ледяным.
Чего-то в комнате не стало,
и лишь дрожание вины...
Одна избранница сидела
с улыбкой, словно бы во сне.
Качалась штора то и дело,
и ветра не было за ней.

Пожелать

Никогда не поздно повиниться
и сказать несложное «Прости...» –
так редки светящиеся лица
чистым светом тихой доброты, –
пожелать взлетающему – неба
и посадки мягкой у крыльца,
отыскать в жестокий голод хлеба,
а сиротам – маму и отца,
чтоб однажды, – тихим, безответным,
и не ждущим благодарных фраз,
первоцветом скромного букета
пересилить вежливый отказ,
на коленях вымолить прощенье...
...И тогда, конечно же, – тогда
в этот день настанет воскресенье,
пусть с утра и теплилась среда.

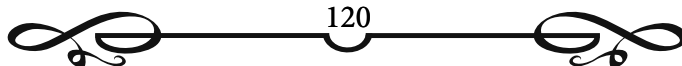
Мир взъерошенного детства,
босоногости и неба, –
прямо здесь, на этом месте,
только чуточку дрожит;
рыжекудрая соседка
с золотой краюхой хлеба,
и сосед, негодник редкий, –
нацепил невинный вид.
Наша старая лошадка
взглядом умным, невесомым
мне сказала: «Мир наш наткан,
и бесплотна эта шаль», –
и свои большие крылья
вознесла над нашим домом,
чтоб заботливо укрыли
то, чего до боли жаль.
Лишь моя седая мама,
улыбаясь грустно-грустно,
всё сидела, глядя прямо,
что-то видя там, вдали,
и они с лошадкой нашей
изъяснялись не изустно,
и смотрели дальше, дальше –
где терялся край земли.

Веслом от берега – и прочь,
в густом тумане затеряться.
Когда скрывает лодку ночь,
нетрудно с берегом расстаться.
Прохлада. Тени впереди.
Негромкий всплеск. Вода струится.
Ты в целом мире сам, один,
да у плеча ночная птица
бесшумно воздух рассечёт
и растворится без остатка,
а взмахи вёсел – нечет, чёт...
Зудит плечо призывно, сладко.
Веслом от берега – и прочь.
Свежее воздух, шире взмахи.
Ты лишь однажды в силах смочь
преодолеть ночные страхи.
Не окажись весла в руке,
и лодки не найдя в тумане,
ты канешь в ночь, навек – никем,
и ночь укроет, не обманет...

В галерее

Ты говоришь о тени на портрете,
что хороши раскосые глаза.
Я замечаю – чист и разноцветен
был Божий мир столетие назад.
Ты так смешно глядишь на древний облик
и прядь волос невольно теребишь,
задумавшись о странности символик
в изображённой розовости крыш...
А дальше – неразгаданный Куинджи,
чей холст уже невидим навсегда,
и кто-то шепчет: «Медленнее, ближе,
взгляните обязательно сюда...»
Но – ничего на выцветшей картине,
пожухли краски старого холста.
За равномерной блеклостью и синью
лишь силуэт идущего Христа.
Вдали, наверно, блеск Ершалаима, –
клубка ещё неизвестных угроз.
Но всё это в уме, неразлично.
Лишь ночь вокруг, дорога и Христос.
Ты вся в раздумье. Волосы оправив,
спросить о чём-то хочешь, но молчишь.
В твоих очках в серебряной оправе
лишь отражение розовости крыш.

Под тихий плеск вечернего прибоя,
под сонный свет загадочной луны,
струила можжевельная хвоя
разлив благоухающей волны.
Цикады захмелевшие шумели,
их песни долетали до небес,
и ты на самом краешке постели
сидела в ожидании чудес.
Окно раскрыто, штора недвижима,
негромко кто-то пел на берегу,
а время, пролетающее мимо,
чуть медлило у плеч твоих и губ,
и мягко можжевельные лапы
касались подоконника слегка,
где в свете серебристом очень слабо
твоя светилась лёгкая рука...

За туманами мир не кончается,
за рекою леса и луга.
Над страной весенняя здравица
и размашистые облака.
Небо прячет галактику белую,
и ещё, и ещё, – без конца...
Только я ничего не поделаю:
мне не жить без родного лица.
Что мне мир и чужая галактика,
переплывшая реки времён,
если, промельк увидев халатика,
понимаю, зачем мы живём.
В телевизоре страны с границами,
оболванив полмира с утра, –
всё толкают: в политику влиться бы, –
где обыденность воен и плах...
...А халатик и взгляд этот пристальный,
тонкий стан и несмелый кивок
намекают, что вот она, истина,
та, что людям загадывал Бог.

Как мало времени дано...
Оно неуловимо.
Какое терпкое вино,
и тонкой струйкой мимо.
Каким был чудным стройный стан,
и грешною – улыбка...
Природа празднует обман,
а счастье слишком зыбко.
Мои красавицы, увы,
с годами не стройнее.
Глаза остывшей синевы
глядят, уже не грея...
В хаосе времени мечусь
и, расплетая годы,
я страстью огненной лечусь,
пока на что-то годен.
Звенят, рассыпавшись у ног,
осколки юной чести...
...Я жив, пока сподобил Бог
летать с любовью вместе.
...Как мало времени дано.
Оно неуловимо.
Какое терпкое вино!..
и тонкой струйкой мимо.

Вечерний месяц, рыж и стар,
впечатал в небо след подковы,
накрывшей пятнышко Стожар –
нашлёп веснушки подростковой.
Лежала степь, глядела вверх,
качала травы и деревья.
Старая, тонкий месяц мерк,
чернея правым подреберьем.
Свечой на маковке холма
застыл понурившийся путник.
Простор охватывала тьма
и уплотнялась поминутно.
Стоящий словно выростал,
на посох грузно опираясь,
пока в степи звучал хорал
цикад, рассеивавших радость.
Она пронзала капюшон,
глаза подсвечивала белым.
Казалось, путник окружён
со звёзд осыпавшимся мелом.

Свободным махом перелётных облаков
летят сомнения в заоблачные дали,
а искры света, словно стаи лепестков,
пронзают облако с небесной вертикали.
Они ложатся рядом, радуясь: «Люблю!»,
и укрывают, словно бабочками, землю.
От цвета яблонь май подобен февралю,
но нежно тёпел и по-юношески зелен.
Большое море с ночи звёздной до утра,
как верный пёс, волной шершаво лижет пятки...
Весной закружится любовная игра,
и поместится рай в нейлоновой палатке.
Когда умчатся гривы лёгких облаков,
и мысли ветреные в воздухе растают,
войдут желания в недвижность берегов, –
зачем живём? – тогда никто и не узнает...

От развешенной одежды
над плитой пар валит.
Под загул пустыни снежной
в сон безудержно клонит.

Причитает тихо мама.
Приподняться силы нет.
За стеклом оконной рамы
льёт луна холодный свет.

Над застывшими полями,
над сугробом у окна –
ветер буйствует упрямо,
бьётся снежная волна.

Только здесь, у старой печи,
у спасительной плиты,
слушал вой пурги бы вечно,
замерев от теплоты.

Чтобы мама села рядом,
снова нежно обняла,
оглядела светлым взглядом
и спросила: «Как дела?»

Как тяжело даётся хлеб насущный,
за этот труд нет премий и наград...
Жизнь – как река, из множества излучин,
где плыть возможно только наугад.

В своих ковчехах, слаженных при Ное,
мы сквозь года, без карт и якорей,
несёмся, заколдованы судьбою,
предсказанных не ведая путей.

Ковчегов строгих мчитса вереница
над омутами канувших времён,
и не солгать, что это только снится,
что это просто морево и сон...

Бессонный бег вконец уставшей крови,
«собачьи» вахты ночью у руля,
бессмысленные поиски сокровищ,
сухая и бесплодная земля...

Летим упорно к рёву океана
вдоль берегов, в туманах и дождях.
Скрипит ковчег – один из каравана, –
и выцвел напрочь за кормою стяг...

Диана Цай

15 лет
х.Левобережный, Азовский район,
Ростовская обл.

Ищу приюта я у чести

Среди двуличия и лжи
Ищу приюта я у чести.
И сколько ждать ещё, скажи,
Не дай пробраться в душу лести.
Пусть велика цена чистот,
Пусть к ней далёкий путь лежит
Среди пустот. Среди высот
Свое величье хранит.
В просторном белом одеянье
Лучится преданная честь,
А рядом с ней моё сознание
Спешит молитву им прочесть.
Лишь им доверю я судьбу
И попрошу пристанища в Эдеме.
Приняв в который раз мольбу,
Святые подведут меня к богеме.

Звёздные россыпи тихо ложатся
На одеяло из синего шёлка.
Снежные хлопья беззвучно
кружатся.
Падают вниз. И от холода колко.

А за окном начинается вьюга,
Прячутся крыши под шапками
снега,
И от тоски без любимого друга
Сердце охватывает мёрзлая нега.

Серой дымкой застилая,
Покрывают небо тучи,
Нежным пламенем пылая
Над валами волн шипучих.
Затихает шум прибоя.
Тёплый бриз волнует море,
На краю тиши покоя
Позабыв о сильном горе.
Время тихо замирает,
Оставляя только трепет.
Ветер нежно обнимает
Каменистый влажный берег.

В последний раз

За все пороки и грехи
Нам суждено гореть в аду...
В последний раз пишу стихи,
В последний раз тебя краду.
В последний раз держу за руку,
Целую пламенно тебя,
Прошу простить такую суку,
Влюблённую тогда в себя.
Ты дышишь в шею мне огнём,
И первый раз я в жизни плачу.
Давай же насладимся днём...
Что для тебя теперь я значу?
А ночью спустят нас в огни,
Мы разлетимся тёмным
 пеплом...
Ни вместе, ни теперь – одни,
Сожжённые смертельным
 светом.

Опускается жаркое солнце,
Переливами блещет песок.
В небесах кружат белые кольца,
Создавая безумный поток.

Одаряет прохладой море,
Догорает бордовый закат,
А вдали всё виднеются горы
И всё слышится грома раскат.

Приближение осени

Дождь стучит в моё окно,
Ветер завывает,
И в мгновение одно
Осень наступает.

Вновь кружится листопад
Из багряных листьев,
Птицы мчатся наугад
От холодных мыслей.

Всё покрыто пеленой,
Воздух полон дыма,
Лишь согреет теплотой
Огонёк камина...

Околдованный лес сказкой

Околдованный лес сказкой
Наяву или во сне,
Прячет он под серой маской
Красоту свою во мгле.
Может, сердцем, может, лаской
Он чарует мои очи
Тёмно-синию окраской
В непробудной полуночи.
Тихий шум и шелест крыльев,
Блик мерцающей луны,

Лёгкий вальс осенних листьев,
Поднебесья звёзд полны.
Капли тёплого дождя,
Вой волчицы одинокой...
Уловить бы миг бытия
Ночью долгой и глубокой.
Тихо плачет млада ива,
И бушует старый пруд,
Как от жуткого нарыва,
Как от треска горных руд.
Не страшится моё сердце
Жутких тайн этих лесов...
Подобрать бы ключ к той дверце
С чистотой прозрачных слов.

Музыка

Сожжённые куплеты
И одинокий город.
Пустой бред пьяного поэта,
Для этого не нужен повод.
Холодные мосты,
Под ними грустная Нева.
В воспоминаниях – только ты
И голубая синева.
Поломанная скрипка
В моих руках играет,
Ещё одна ошибка
Из-под смычка слетает.
Её мелодия пленяет
И расставляет свои сети,
Она одна про нас всё знает
И сможет мне всегда ответить.
Она расскажет мне всю правду,
Она мне предана без лести –
Загладит музыкой досаду
И подтолкнёт на дело чести.
Друзья со временем уходят,
В итоге – пусто, одиноко,
Но судьбы с новыми нас сводят
Под звуки музыки глубокой.
Она всегда как будто рядом,
Но в то же время так далеко...
Когда нас ранит кто-то ядом,
Она излечит своим соком.

Незнакомец

Всего лишь раз
пришлось вас видеть,
Немым кино мелькнули вы.
Пустой был зал, а я в нём зритель –
Смотрел фрагменты, но, увы,
Сюжет запутан был, неясен,
Актёр в кино всего один –
Угрюм, застенчив и негласен,
И хладен, как молчанье льдин,
А может, просто был задумчив?...
В глазах сияла неба гладь,
И всё сплилось в одно созвучье.
Его, увы, не разгадать...

Татьяна Цымбал

г.Санкт-Петербург

Волшебство хрустального веера

Не нужна мне палитра
Всех цветов и оттенков.
Не нужны мне ни кисти,
Ни мольберт, акварель...
Только белый и льдистый,
Что бывает у снега,
Вой полночной метели,
А потом – ясный день,

Подойдут мне отлично,
Как узор из снежинок,
Что хрустально звенели,
Веерами ложась.
И немножечко солнца,
Чтоб сверкало чудесно
Фейерверком пушистым,
Вихрем в танце кружась.

Волшебство – это просто!
Я взгляну на картину,
Что застыла мгновеньем
И исчезнет сейчас.
Перехватит дыхание –
Нереально красиво!
Это просто волшеббно
У меня. А у Вас?

Снежная Королева

Бела лицом и безмятежна
взглядом.
И ровный голос холодом звенит.
Ей недоступна страсть самокопанья.
Её не тронет боль твоих обид.

В неё влюбиться – проще не бывает.
Ну кто перед красоткой устоит?
Её любить – и сердце замерзает.
А отойдёт – и ноет, и болит.

Никто не соберёт ей слово
«Вечность».
Она хотела быть такой, как все,
Но Кай пропал, и ледяная корка
Закрывает доступ к Солнцу и Весне.

Теперь идёт, охваченная инеем,
Не согревая никого своим теплом,
Высокомерная. Спокойная.
Надменная...
Внутри она закованная льдом.

Сон, который снится Лету

В просторах зелёных,
Где трав ароматы витают,
Ромашки глазают
И клевер мохнатый кивает,
Закинув за голову руки,
На троне из сена
Она возлежит,
Вся в объятиях
Сонного плена.

В холстинковом платье,
Что зеленью радуется взоры,
Коса цвета спелой пшеницы
И ленты узоры.
И тень от ресниц,
Что туманом на щёки ложится,
И губ земляничных –
Отведает – и не напьётся.

Ах, Лето...
Ты спишь так спокойно!
И что тебе снится?
Наверно, прохлада снегов,
Ледяная водица.
Гирлянды из тех снегирей,
что краснеют невольно.
Ты спи, пусть исполнятся сны,
Может, будешь довольна!

Взгляд на проходящую Осень

Огненно-рыжая буйная
шевелюра
И конопушек россыпь
на бледной коже,
Зонтик раскрыв,
и... пирует аллюром –
Ты окатила дождём просто
прохожих.

Те, недовольно хмурясь, окинут
взглядом
Ног бесконечность в мини
из алой «шотландки».
И, покорённые этой ирландской
нахалкой,
Галстук поправят, чтоб выяснить –
всё ли в порядке?

Девочке-Осени холодно,
руки в кармашках.
Утром, когда ты невольно
на улицу взглянешь –
В шапочке кипенно-белой
на рыжих кудряшках,
Может, успеешь заметить –
лишь взглядом поймаешь.

Весна

Весна – это свежесть
И клейкая зелень,
И щебет, и гомон
Проснувшихся птиц.
Весна – это прелесть
И высшая степень
Внезапной свободы.
Весна без границ!!!

Я зимнюю кожу
Надолго бросаю
И греюсь на солнышке,
Словно змея.
Высокая шпилька,
Чулочки со стрелкой.
В витрине увижу –
Как будто не я!

И даже к дождю
Отношусь я терпимо.
Он тёплый и нежный.
Подставлю лицо.
На этом холсте
Из весенних мотивов
Рисует мой дождик
Своё письмецо.

Чёртовое колесо

Я руки раскину
И ветер поймаю.
Я с солнцем на «ты»,
И с дождём я играю!

Мне звёзды на небе,
Как малые детки.
Ко мне прибегают
Планеты-соседки.

И всё это миг.
Я лечу в небеса!!!
Пока на вершине...
Чёртова колеса.

Срок не истёк

Немного времени –
И снова холода...
Разжечь камин
И, взяв любимый плед,

Мурлыкать песенку:
«Сегодня и Всегда»,
А для другого
Оснований нет.

Гарантия – всего лишь
На века –
Любовь в глазах,
Твоей улыбки свет.

Андрей Цыпляев

г.Новомичуринск, Рязанская обл.

Страшная месьть

Всем известно, чёрный кот
Коль дорогу перейдёт –
Принесёт вам сто несчастий,
Много горестей, напастей.
Вот бы Мишку проучить!
(Только может, что зубрить!)
У доски когда ж «тонул»,
Он с улыбкой подмигнул
И никто не подсказал –
Я же «лебедя» поймал!)
Мой бы Лорд не оплошал –
Мигом бы перебежал!
Но проблема велика –
Он белее молока!
Где же чёрного мне взять?!
...Надо в туши искупать!

Грозный страж

Грустный Бобик у забора –
У него большое горе:
Ведь хозяин целиком
Отобрал у Бобки дом!

В будку сам залез и лает
Так, что голубей пугает.
Нацепил ошейник он
И рычит на всех кругом!..

Грозный сторож огорода –
Ванечка в четыре года!

Огорчение маленькой мамы

«Дочки» все мои готовы
Примерять весь день обновы,
Спать в кроватках на боку,
Не играя в чехарду,
Как мой маленький «сынок»,
Что матрасик вмиг сволок,
Носить шляпку не желает,
Пелеринку что срывает,
И не хочет «духариться»*,
Норовя под шкаф забиться,
Щуря глаз, шипя презло...
...С «сыном» мне не повезло!

*«духариться» – в переводе
с детского языка означает
«пользоваться мамиными духами».

Наш учитель очень умный –
Всё на свете должен знать:
Для чего на небе Солнце,
Сколько будет пять плюс пять,
Как сидеть за партой в классе,
Как в гостях себя вести...
Только он ведь не ответит,
Кто придумал конфетти,
Для чего узор на окнах
Нам рисует Дед Мороз,
А сосульки на припёке
«Слёзкой» целяется мне в нос
И, подобно бриллиантам,
Нам искрятся с высоты...
Для чего нужны сосульки?
Думаю, для красоты!

Глаза сына

Этим чистым глазам не солгать,
Взгляд, потупясь, не отвести –
Они в душу наивно глядят
И мерцают, как бакен в пути
По коварной и быстрой реке,
Что готовит и стрежень, и мель...
Но надёжный фарватер найдёшь,
Только детским глазам этим верь!

Мы гуляем с папой в парке,
И погода хороша –
Облачка бегут, не жарко,
Много луж – поёт душа!
Можно прыгать в них с разбега
(Будут брызги до небес!),
Танцевать под старой липой
(На неё с трудом я влез),
С визгом бегать по аллеям
(Папку смог едва поймать),
Спрятавшись за куст сирени,
Из засады нападать.
Можно весело смеяться,
Во весь голос песни петь,
И никто в сердцах не скажет,
Что «на ухо сел медведь»,
Так вести себя негоже...
Я открою вам секрет:
Просто мы одни гуляем,
Строгой мамы рядом нет!

Для чего так дует ветер
И поёт мне что-то в ушко?
Для того, чтоб змей воздушный
Мог подставить своё брюшко
И подняться выше дома,
Выше облака над горкой,

И увидеть с поднебесья
Проню, луг и нас с Егоркой,
Как прекрасен край родимый,
Солнца лик как чист и светел,
Что нас ждёт за горизонтом...
Не о том ли пел мне ветер?

Я ладошкой проведу –
Щёчка папы колется.
«Милым ёжиком» зову –
Он в ответ щекочется.

Его крепко обниму –
И «небритиком» люблю!
Папка дорог мне любой –
Он же родненький такой!

Другая

Закрывать глаза
и отключить все чувства,
А в грёзах вспоминать
совсем другую,
Всем существом,
душою потянуться...
И вот уже ЛЮБИМУЮ целую!..

Полвека – много или мало?!

Полвека – много или мало?..
Отвечу ли на сей вопрос,
Не знаю – стал ли Человеком
Иль жизнь пускаю под откос.

Морально тихо разлагаюсь
И отравляю всё вокруг?
...Полвека – много или мало?
Ответа нет, мой милый друг!

Даше

Прости, мой милый друг,
что резок был порой
И маленькой считал
девчужкой-егозой...
Ты незаметно так
меж тем росла-росла,
В свои пятнадцать лет
столь дивно расцвела,
Что странно прозвучал
невинный твой вопрос:
«Как Вас поцеловать –
«по-детски» иль «всерьёз»?!

Даше (Последнее)

Как жить мне дальше?!
Как дышать,
Встречать зарю и видеть лица
Твоих подруг?... Луны печать
Пеплом души в окно стучится...

Мария Шмигельская

г.Кустанай, Казахстан

Дождь

Я люблю свежий запах дождя,
Эти капли, снующие в душу,
Дождь стирает из мыслей тебя...
Словно окунь, попавший на сушу,

Капли влаги губами ловлю,
Тушь течёт ручейками по коже,
Боль во мне оседает к нулю.
Под дождём становлюсь я моложе.

Размывает...
Ненужная грязь,
Под ногами останется лужей,
Капли, радостно в ней суетясь,
Карусельками мутными кружат.

Чисто станет в душе и свежо,
Засверкают в ней радуги искры,
Летний дождь – он как первый снежок,
невесомый...
И...
Высохнет быстро...

Самая!

Слава тебе, деревенская женщина!
С первым рассветным лучом просыпаешься.
Раннее утро, бельё уж развешено.
Ты в одиночку с хозяйством справляешься.
Слава ладоням, работой натруженным!
Нежной душе, и характеру доброму,
Сильным рукам, жарким солнцем иссушенным,
И колоскам, что тобою подобраны.
Запахом хлеба ржаного пропитана.
Пахнешь уютом, заботой и мамою,
Жизнью суровой в деревне воспитана.
Низкий поклон до земли тебе – «Самая!»

В золотистых степях, где под солнцем ковыль
серебрится,
Где свободой пьянящей наполнено сердце сполна,
Лихо к небу возносится гордая вольная птица.
Ты воистину создана Богом – моя целина!
Я вдыхаю родной чистый воздух, я пью свежий
ветер!
И горжусь тем, что я – дочь бескрайних казахских
степей!
Для меня нет прекрасней просторов на всём белом
свете
Той великой земли – что рождает таких дочерей!

Между нами, без правил и слов

Между нами, без правил и слов...
Мне к тебе бы прижаться,
На секунду вдохнуть незнакомость –
и сразу понять,
Что тобой никогда, ты поверь, не смогу надышаться,
Мне секунды достаточно, чтобы тебя осознать.
Я привыкну к тебе за одно лишь мгновение рядом,
Если честно, я даже чуть-чуть нашей встречи боюсь,
Потому что нам стоит единожды встретиться
взглядом,
И я в прошлую жизнь – никогда, ни за что –
не вернусь...

Безумие

Серыми пятнами
Пласт наслоения,
Вроде бы тяжесть,
Но есть кислород,
Грудой бесформенной
Столпотворение,
Мне бы на выход,
Но давит вперёд.
Мозг поутру разрывает
Бессмыслица.
Стены... внутри нет окна
И дверей,
Дикая боль!
Лишь в сознании – «выспаться»...
Вырваться в жизнь
И вдохнуть поскорей...
Молча в бессилии
Рухнуть на прошлое,
Скрипнув зубами,
Скатиться на дно.
Веки сомкнув,
Провалиться в истощное,
Там за меня уже всё решено...

Тебе

Пусть туманом укроет остывшие капельки влаги,
И замедлит размеренный ритм
твой полуночный пульс,
Сколько пройдено было преград,
чтоб набраться отваги,
Я дыханию навстречу своим «еле вдохом» тянусь...

Взбунтовалось охрипшее Я, на куски разлетевшись,
Исцарапав горячую плоть, утонув в хрипотце,
Вновь ты тянешь тиски на себя, поддаюсь,
чуть зардевшись,
И стремясь побольней уколоть,
задыхаюсь в кольце...

Нет камней между нами, разрушены стены из игр,
Всё серьёзно, и в тысячный раз я, наверно, клянусь,
Мой релакс неземной, нежной ночи немой –
верлибр,
Никогда, ты поверь, от тебя больше не отрекусь...

Игорь Шандра

г. Москва

Родился в Одессе. По образованию – математик. Закончил механико-математический факультет Одесского университета.

Работаю в Финансовом университете при Правительстве РФ. Кандидат физико-математических наук. Автор пяти учебников для вузов и более 60 научных статей и учебных пособий по математике.

Публикации: авторская книга «Бегемот и остров», а также в журналах «Мурзилка», «Кукумбер», «Мишутка», «Мост», «Кважды Два», «Дошкольник», «Окна», «Лексикон» и в газетах «Школьник», «Про нас», «Зверьё моё» и др.

Победитель II-го Международного литературного конкурса юмористической поэзии и прозы «Жизнь прекрасна!» в номинации Поэзия.

Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2010».

Золотой лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2011».

Призёр II-го Всероссийского открытого литературного конкурса «Хрустальный родник – 2012».

Фонарь и Люстра

Светил Фонарь, мерцая тускло,
И вдруг в окне увидел Люстру,
Он от любви офонарел.
И прокричал:
– Мой друг сердечный,
Любить тебя я буду вечно! –
А через час перегорел.

О странностях любви

Сказал Пиджак, увидев Моль:
– Как ты прелестна, ангел мой,
Красы небесной, неземной
И очень редкой!

– И ты мне люб, – сказала Моль.
И он увёз её домой,
И стала Моль его женой,
А он – Жилеткой.

Птичья идиллия

Цепочкою длинной
Спокойно и чинно
С рыбалки
Домой
Возвратились
Пингвины.

На птичьих правах
(Это значит –
Законно)
Теперь порыбачить
Отправятся жёны.

Верблюд удивлён

Посмотрел Верблюд на Ламу.
Удивился:
– Что за дама?
Как уродлива, груба –
Ни единого горба!

Почему краб жил на пальме?

Мирно жил на тропической
пальме
Добрый краб, обитатель морей,
Все считали его ненормальным,
Звали в море вернуться скорей.

Никогда и ни с кем он не спорил,
Но и с пальмы не пробовал
слезть.
Отвечал,
что вернулся бы в море,
Но не может –
морская болезнь!

Сюрприз

– Какой сюрприз! –
Сказал Сервиз,
Свалившись .
С верхней .
Полки .
Вниз. _ _ _ _ _

Весёлый дождик

Я прыгаю !
! ! !
! ! ! ! !
Я радуюсь !
! ! !
! ! ! ! !
У тучек
на виду , ,
" "
И пусть " "
всегда
я падаю , ,
" "
Но всё равно " "
иду !
! ! !
! ! ! ! !

Забывчивая корова

Однажды корова пошла на луга.
Гуляла там гордо и смело.
И вдруг – поняла, что забыла рога.
И чуть от стыда не сгорела.

Хитрая корова

Паслась корова целый день,
Одна паслась, без стада.
Она считала, что в еде
Компании не надо!

Корова безрогая

Сказала корова безрогая:
– Ребята, ведь я вас не трогаю,
Зонтом не цепляю за ногу я
И пальцем не тычу в живот.

И лучше вам, честное слово,
Уйти подобру-поздорову,
Тем паче, что я не корова,
А в общем-то я – бегемот!

Встреча

По дороге тополь
Мне навстречу топал,
Я катил велосипед
И конфеты лопал.

Тополь зашумел:
– Привет!
Как дела, Андрюха?
Вот иду купить конфет.

Я махнул рукой в ответ
И сказал:
– Ни пуха!

**Как аббат
не попал под камнепад**

Как-то шёл один аббат
По делам в епископат
И попал под
ШИШКО-ВОДО-
ЛИСТО-ЗВЁЗДО-
СНЕГОпад.

И бедняга тот аббат
Стал немного странноват.
На вопрос: что с ним случилось, –
Отвечал он невпопад,
Что попал под
ШИШКО-ЛИСТО-
ЗВЁЗДО-ВОДО-
СНЕГОпад.

Но ему одно твердят:
– Что-то ты напутал, брат!
Разве есть такое слово
ШИШКО-ЛИСТО-
ЗВЁЗДО-ВОДО-
Да ещё и СНЕГОпад?

– Если нет такого слова, –
Нервно отвечал аббат, –
Отчего я забинтован?
Кто же в этом виноват?
Да! Попал под
ШИШКО-ВОДО-
ЛИСТО-ЗВЁЗДО-
СНЕГОпад!

Недоверием измучен,
Захворал совсем аббат,
И к нему был самый лучший
Приглашён гомеопат.

Прописал он:

ШИШКИ хмеля,
ЛИСТЬЯ чая и ВОДА.
Размешать и пить в постели,
нюхать днём бальзам «ЗВЕЗДА»,
Утром босиком по СНЕГУ
Два часа вприпрыжку бегать.

И теперь, как говорят,
Стал почти здоров аббат
И уже не вспоминает
То, что пару лет назад
Он попал под
ШИШКО-ВОДО-
ЛИСТО-ЗВЁЗДО-
СНЕГОпад.

Покрывало убежало

Надоело Покрывалу
Одеяло закрывать.
Покрывало убежало
И упало за кровать.

И весь день оно лежало
И вело там разговор –
Покрывало убеждало,
Что оно теперь – ковёр!

**Как злюки
стали добрыми**

Как-то раз
В открытый люк
Провалились
Тридцать злюк.

И летели
Две недели
Эти злюки
Сквозь тоннели
По спирали
Чёрных Дыр
И попали
В Антимир.

Там всё сразу
Изменилось –
Поменялись
Плюс и минус.
Стали злюки
Добряками
И обрадовались
Сами.

Гири из шоколада

Подарили
Как-то Владу
Пару гирь
Из шоколада.

Раз-два,
Три-четыре,
Поднимает
Владик гири.

Досчитал
До цифры пять –
Стало
Трудно
Поднимать!

А дойдя
До цифры шесть,
Понял:

Гири
Лучше
Съесть!

Мой самый лучший друг

Я очень быстро плаваю,
Гоняюсь за волной.
Руками: левой, правую –
Гребу, как заводной.

В воде лечу ракетой
Быстрее всех вокруг,
И страха я не ведаю –
Со мной мой верный... круг.

Меня он держит бережно,
Так прочен наш союз,
Что даже с ним по берегу
Хожу, не расстаюсь.

Мы с Луной играли в прятки

В небе тучи. Ночь темна.
Мы с Луной играем в прятки.
Первой спряталась она.
Я подсматривал украдкой.

Я кричу ей:
– Ты видна!
Ты бы спряталась получше!
Выходи-ка из-за тучи,
Твой черёд водить, Луна!

Не забыл!

Я нашёл в шкафу конфеты.
Отдохнуть решив от дел,
Сел и как-то незаметно
Всю коробку быстро съел.

Если папа удивится,
Я скажу ему в ответ,
Что не мог остановиться –
Я забыл бы вкус конфет!

Не успели!

Захотелось как-то с братцем
Нам на люстре покататься.
Люстра – тоже ведь качели.
Жалко только – не успели!
Не успели мы забраться,
Та успела оборваться!

Брат отправился в полёт

Хоть не лётчик брат мой Колька,
Но отправился в полёт.
Потому что – очень скользко,
Потому что – гололёд!

В музее шоколада

Побывали всем отрядом
Мы в музее шоколада.
Отчего же нам не рады?
Почему нас все бранят?

Мы ходили мирно в зале,
Ничего не разбивали.
Так, немного облизали
Там какой-то экспонат.

Мы катались на слоне

Я и братик мой, Виталий,
На слоне весь день катались.
Дело близилось ко сну.
Я тогда сказал:

– Виталька,
Дай же бедному слону
Хоть немного отдохнуть!
Как тебе его не жалко?!
Хочет спать наш слон-качалка.

Елена Шевченко

г. Калининград

Марш улитки

Уйду в себя неслышными шагами.
Скользну в свой мир. И просьба: не искать.
Сухой листок, фигурка оригами,
Стихов безумных старая тетрадь...

Уйду в себя без тени сожаленья.
Такая мной затеяна игра.
Свернусь клубком, раскрою на коленях
Стихов безумных старую тетрадь.

Уйду в себя и там перезимую.
А боль утихнет, если подождать.
Со мной всегда мой Бог и, аллилуйя,
Стихов безумных старая тетрадь.

Осознание

И так, и этак, попере́к и вдоль
Измерены сомнения шагами.
Приходит осознание: «не с нами» –
И медленно перерастает в боль.

И с комом в горле чувствуешь: беда.
Ладонь сжимаешь в безысходном жесте.
Приходит осознание: «не вместе»,
Перерастая с болью в «никогда».

Легко

Мне так легко сегодня! Да и эти крылья...
И этот зов морозной синевы...
Наверное, взлетели бы и вы,
Когда бы вдруг в себе такое же открыли.

Откуда это всё? Была же «клуша клушей».
Теперь – перо совы, язык огня.
И этот шёпот, эта болтовня.
Её не перебить никак, не переслушать...

И, кажется, совсем не то сказать хотела.
А хочется, хоть знаю, не права,
Запутавшись, нагромоздив слова,
Но говорить. Пусть и не складно, не по делу.

Как будто только что с души свалился камень.
И танцевать, считая: раз, два, три...
Прислушиваясь к музыке внутри.
И жить. И петь. И изливать себя словами.

Колдовское

Сама себе наворожу да наколдую,
Набормочу бессмысленных бессвязных слов.
Накличу на себя беду очередную,
Хоть было их уже несметное число.

И облачусь я в шёлк, струящийся до пяток,
И зелья наварю, и раскурю кальян.
Пусть безрассуден взгляд, в причёске беспорядок –
Я ветра жду! И он примчится, свеж и прян.

Я смело взмою ввысь, взмахнув крылом из шёлка,
Преодолею то, что держит на Земле.
И песню затянув, безумная девчонка,
С тем ветром улечу, как ведьма – на метле.

Депрессуха

Осколки льда несёт по небу ветер,
Как будто небо и не небо, а река.
Осели на земле сугробы-облака.
За всё весна беспутная в ответе.

За уют, за «сухо» и за «влажно»,
За обновление ненужного старья.
За то, что радостные мелочи даря,
Заставила забыть о самом важном.

За оттепель и за кошачьи крики,
За драку галок возле прошлогодних гнёзд,
За грязь, вмерзающую за ночь прочно в лёд,
И за сквозняк. За солнечные блики,

Что бритвой по глазам – такая мука –
Не спрятаться уже, не избежать весны...
И за мои бессмысленные сны.
Весна. Начало марта. Депрес...сука...

К апрелю

Через страх, через боль – к апрелю.
Через холод и мрак – к весне.
Я уже сомневаться не смею.
Вот и ты сомневаться не смей.

Лёд сошёл. И душа-подснежник
Потянулась опять к теплу.
Сколько слов накопила я нежных,
Снов, и звёзд, и заплаканных лун.

Пряный запах... Пустого неба
Голубая дрожащая пыль...
Кто-то правильный зимнюю небыль
Переделал в весеннюю быть.

Ещё зима

Ещё зима прощально машет
И поцелуй в воздух шлёт.
А здесь, в кругу, уже все наши,
Кто празднует её уход:
Любовь, свобода, свежий ветер,
Апреля первые цветы
И день, что так беспечно светел,
И я, и где-то рядом ты.
Ах, пряный запах тополёвый,
Ажурны кроны на просвет...
Само собой родится слово.
А боли нет. И скуки нет.
Скрипит на ветке мятый ворон.
Шумит, играя, детвора.
И возвестил весёлый кворум:
«Весна, сограждане. Ура!»

Ну и пусть

Не продай меня, слышишь, Мальчиш!
Говорят, что хотят, ну и ладно.
Поцелую тебя. Троекратно
Опечатаю губы – молчи!

Ну и пусть пересуды взахлёб.
Мне не страшно. И даже не больно.
Я тебе надоела с любовью?
Ну и пусть! Мне что по лбу, что в лоб!

Шею выгну. Лишь взглядом коснись –
Дрожь по телу, как скрытая ласка.
Жаль, забыли придумать лекарство
От несносной крысиной возни!

Ну и пусть из песка города
Дождь размыл и ветра раскидали.
Ты меня остановишь едва ли.
Только ты не предай. Не продай...

Простенькое

Мне больно, любимый. Мне больно.
Закрою глаза и терплю.
Ослабить бы эту петлю,
Но лишь затянула невольно.

Я плачу, любимый. Я плачу.
Мне горько прощаться с тобой.
Но мучить не буду мольбой.
Иди, раз не можешь иначе.

Устала, любимый. Устала.
Дождусь ли? Достанет ли сил?
А впрочем, ты ждать не просил.
Лишь дал мне надежду. Не мало...

Обычное дело

Какая на перроне тишина...
Все будто молча отпраздненья ждут
И замерли на несколько минут
По ту и эту сторону окна.

Сейчас-сейчас зашевелится всё,
Все загалдят, руками замахав.
И, вздрогнув, тихо сдвинется состав.
Она в стекло «пока» произнесёт.

И боль не будет силы превозмочь,
Наружу вдруг запросится слеза.
Мелькнут за шторкой милые глаза...
Всё как обычно – уезжает дочь.

Прощай, собака

Сухой шершавый нос уткни в мою ладошку.
Какой горячий!
Уходишь, верный пёс? Побудь ещё немножко.
Смотри, я плачу.

Дыхание сквозь хрип. Труднее вдох за вдохом.
Дыши, мой милый!
Прости меня, старик. Хоть чувствую, что плохо,
Помочь не в силах...

Беспомощен клубок расцветки «априкото».
И нет желаний.
На коврике у ног, охваченный дремотой,
Уже на грани.

Я вижу, ты устал. Пришла пора проститься.
И как не плакать?
Ну вот и всё – финал. Душа взлетает птицей.
Прощай, собака...

Сорок песен

Когда-нибудь закончится зима,
Мы перестанем кутаться и зябнуть.
И тополино-шелуховой рябью
Начнём с весны задолженность взимать.

И сорок птиц к нам спустятся с небес.
И сорок песен нам споют о разном.
О том, что жизнь безумна, но прекрасна,
Какая есть – и с бедами, и без.

Апрелями отсчитаны года.
Но перестань печалиться об этом.
Чтоб было бесконечным наше лето,
Ты в свой весенний праздник загадай.

Пусть сорок звёзд нам светят с высоты,
Не затмевая свет Кассиопеи.
Понять себя я, может, не сумею.
Но так надеюсь, что сумеешь ты.

Жар

Жар. Плывёт перед глазами пелена.
Боль меня зажала в цепких лапках.
Ты лечи меня, баюкай, обнимай.
Песни пой, пои микстурой сладкой.

Бред... откуда-то огромные мячи
Падают и душат. Как их много!
Страшно мне. Спасай меня, лечи.
Приходи скорее на подмогу.

Ты прижми меня, пожалуйста, к себе
И укутай зябкие коленки.
Кто так громко барабанит по трубе?
Прочь его, стучащего за стенкой!

Всё слабей моя надежда на успех.
Этой ночью я неизлечима.
Ртуть настойчиво карабкается вверх.
Мне бы только продержаться зиму...

Мы с тобой все дела забросили
И умчались в тот край зелёный,
Где в канун бесконечной осени
Хороводят беспечно клёны.
Закрываем глаза усталые.
Нас качает в ладонях нежность.
Наше счастье, такое малое,
Так бездонно и так безбрежно.
Собираются в стаи ласточки,
Над лугами тревожно кружат.
Но так солнце сегодня ластится,
Что не верится в силу стужи.
И какая нам к чёрту разница –
Пить ли грог или дуть на воду?
Так давай же продолжим празднество!
Пусть шампанским вскипает воздух.
И пусть ветер играет листьями,
Хороводят беспечно клёны.
Жаль, что в поисках вечной истины
Мы покинем тот край зелёный...

Снотворное

Отражается в дверце серванта
Безупречной дугою луна.
Музыкальное слово «анданте»*
Нас не смеет оставить без сна.

Сочиняется грустная небыль.
Лезет в голову всякая муть.
Это зыбкое зябкое небо
Не даёт нам надежды заснуть.

Мы взираем на звёзды покорно
И не можем друг другу помочь.
В этой странной борьбе со снотворным
Побеждает, конечно же, ночь.

*«Анданте» – название снотворного.

Наш апрель

Опять апрель, звенящий серебром,
Врывается к нам в спальни спозаранок.
А помнишь, я была твоим ребром?
Ты по моей вине теперь – подранок.
И вся надежда только на апрель.
Он должен исцелить больную душу.
Забудь о том, как зла была метель.
Открой окно, дыши, смотри и слушай.
Там, за окном, всё то, о чём мечтал –
Мгновенья счастья, кадры киноплёнки:
Апрель. Лица любимого овал.
И крик новорождённого ребёнка.

Нескончаемо

Дождь нескончаем. Льёт и льёт
В листву осин. А я люблюсь
И мысль гоню свою любовь,
Которая сбивает влёт.

Мысль нестерпимую гоню,
Что мы с тобой совсем чужие
И зря беспечно так кружили,
Подставив крылышки огню.

Дождь нескончаем. Но в ветвях
Свистит безумная синица.
Что надо нам с судьбой смириться,
Мысль отгоняю второпях.

И под дождём бреду, промок.
Под ноги лист летит монеткой.
Я за надежду, как за ветку,
Держусь – беспомощный листок.

Дождь краску смыл с ветвей осин.
Любуюсь: грустно и красиво.
Я мысль одну прогнать не в силах:
Ты не одна, я не один...

Недосказанное

Как долго длилась та зима.
Всё проморозила насквозь.
Я думала, сойду с ума.
Но обошлось...

Как остро хочется тепла.
Сжимаю зябкую ладонь.
Хотела счастья. Не смогла...
Теперь не тронь.

Как скоро отгорит закат,
Вобрав в себя последний свет.
Опомнись, глупая! Назад!
Надежды нет...

Расскажи мне про снег

А знаешь, скоро будет снег.
И всё увидится светлее.
И мы по той, ночной, аллее
Сбежим куда-нибудь от всех.

Окажемся с тобой в плену
Зимы. И под фонарным кругом
Увидим мы глаза друг друга
Сквозь звёзд и пуха пелену.

И невесомый этот пух
Укроет нас от посторонних.
И станут жаркими ладони
От слов, что мы не скажем вслух.

Мы будем, сдерживая смех,
Летающий снег ловить губами.
И удивляться – что же с нами?
И улетать – всё выше вверх!

Один глоток

Прильни. Испей. Какая нега!
Дарю тебе глоток любви.
Твоим он будет оберегом.
И отпусти... Благослови.

Меня хранит воспоминанье,
Как постигали волшебство –
Дышать вдвоём одним дыханьем.
Молчи... Не будет ничего.

Ну, всё. Иди. В своих ладонях
Храни мой слабый аромат,
Вдыхай, дыши, люби и помни.
Молчи... Никто не виноват.

Вновь минув год

Вновь минув год. Сигнальные огни
Уже горят для будущего взлёта.
Я провожу тебя до поворота,
Перекрещу: «Господь тебя храни!»

Уж манит ввысь небес голубизна.
Расправь же крылья, пробуя в размахе.
Я отгону свои смешные страхи:
«Храни тебя, летящего, Весна!»

Лети. Ликуй. И пой, как юный Лель.
Вплетай свой голос в птичьи переливы.
Махну рукой и вслед шепну: «Счастливо.
Храни тебя, поющего, Апрель!»

Я не скажу тебе заветных слов.
Живи как прежде – безо лжи и фальши.
Чем выше вверх, тем от меня всё дальше.
«Храни тебя, живущего, Любовь!»

Игра

Пронзая расстояние
Меж мною и тобой,
Колелется молчание
Звенящею струной.

Вселенское безмолвие
Заполнило миры.
Нам чуждо пустословие
По правилам игры.

Я той игрой измучена –
Всё та же немота,
И то же всё беззвучие.
Но я уже не та.

Эксперимент

Давай расстанемся с тобой.
Наверное, пора.
Мы перетерпим эту боль.
Сотрём все номера.
И всё пройдёт когда-нибудь,
Желанью вопреки.
Забуду я. И ты забудь.
Пусть гибнут мотыльки
В огне. Бесцельна толчея
Фонарной суеты...

Посмотрим, выживу ли я.
И выживешь ли ты.

Такой день

Что за день?! Пустота. И вопросы, вопросы...
Я бездарно на них подбираю ответы.
На ресницах сверкают солёные росы.
Где ты?

От домов звук шагов отражается гулко.
Как в груди шевельнулось сомнение колко!
Жду в кафе, пью какао горячее с булкой
Долго.

Бьют по стёклам небесные горькие капли.
Мне тебя не дожидаться. Решаю со вздохом,

Что опять наступила на вечные грабли.
Плохо.

Выхожу, укрываясь отчаянья шалью.
Под дождём пробегают озябшие люди.
Неужели и завтра друзьями с печалью
Будем?

Камикадзе

Я не могу с тобой расстаться.
Болит, терзается душа.
Листва в своём последнем танце
Так неуместно хороша...

Я не могу с тобой расстаться.
Твой поцелуй жив на губах.
На ум, теснясь, приходят стансы
И исчезают второпях...

Я не могу с тобой расстаться.
И всё тону в глазах твоих.
Они грустны. Прохладны пальцы.
Как бледен ты. Как голос тих...

Я не могу с тобой расстаться,
Разрушив нежный наш союз.
И рву вперед, как камикадзе!
Я не могу. Но расстаюсь...

Свидание

Впитать, запомнить, надышаться...
А после, в муке долгих дней,
Вдруг замирать и погружаться
В воспоминания о НЕИ.

Закрывать глаза, ласкать губами
Лишь воздух, чувствуя восторг.
И, пустоту обняв руками,
Сквозь пальцы пропускать песок.

Всё вспоминать ЕЁ касанье
И бархат кожи, шёлк волос.
И слышать через расстоянья
Немой ответ на свой вопрос.

И представлять, как откровенье,
Не важно – ночью или днём,
Что к НЕИ приходит на мгновенье
Воспоминание о НЁМ.

Ботаническое

Пионы, пионы, их запах повсюду.
Вдыхаю, вздыхаю, немного грущу.
Я знаю, я верю: я счастлива буду.
Когда ж это будет, я знать не хочу.

Люпины, люпины, их синие свечи
Колышет, колышет июнь на лугу.
Я знаю, я верю: ты выйдешь навстречу.
А где это будет, я знать не могу.

Гвоздики, гвоздики, их бархат так нежен,
Пылает, пылает пурпурным огнём.
Я знаю, я верю: ты будешь повержен.
А как это будет, не знаю о том.

Марина Якубовская г.Воскресенск, Московская обл.

Дом

Не скажу о том, что было до.
Да и важно разве, как зовут?
Вот ладонь – моей ладони дом,
Вот глаза – моим глазам приют.

Хочешь, имя выдумаю мне вновь –
Я не против. Лишь бы не забыл.
И давай не будем про любовь –
Не сейчас. Сейчас так мало сил.

Если можешь, тоже промолчи
О былых любимицах и снах.
Много крыльев видел ты в ночи –
У моих и днём сильнее взмах!

Говорят, своё полвека ждут.
Но давай не будем о «потом»!
Вот глаза – глазам твоим приют.
Вот ладонь – твоей ладони дом.

Журавли

Все говорили: в поле ветра жду,
И не найти иголку в стоге сена.
Сопротивлялась. Видела мечту,
Закрывать глаза считала за измену.

Все говорили: что мне журавля? –
Синичку бы – уже большой подарок.
Протестовала. Всех святых моля,
Раздула в пламя гаснущий огарок

Своей надежды. И слетелись вмиг
Чужих синиц щебечущие стаи.
Средь них был крик...
Был журавлиный крик,
Что в унисон с моим!
Слетел, растаял...

Забилось в сердце вечное «люблю»
И до последних вдохов
будет биться.
Попалась я в объятья к журавлю,
Хоть для него я тоже – не синица.

Ты за ним следы не заметай –
Я по ним иду не первый день.
Слева – край. И справа – тоже край.
Впереди – нетающая тень.

Не сверну. Ты, Боже, не суди!
Я себе кумира не творю.
Просто с тем, чей образ впереди,
Хоть в огонь к чертям,
хоть к алтарю.

Мне хватает вида со спины,
Мне не нужно срочно видеть глаз.
Только б раз в ответ из тишины
Раздалось: «Люблю!».
Он всё бы спас.

Собирать наше счастье по крохам,
По кирпичикам строить обитель.
Кто сказал, что любить – это плохо, –
Априори не лучший учитель.

Разве грех – отдавать без остатка?
Если грех, я согласна быть грешной.
Бог простит, если слишком
уж сладко,
Слишком искренне вечером
вешним...

Разорви всё бывшее на части,
Укради! Развенчай меня
с прошлым!
Обвенчай меня с мыслью
о Счастье.
Я люблю. Видит Бог, что ты –
тоже...

Смеяться

Ты заново учишь смеяться –
В голос смеяться, звонко.
Научат умелые пальцы
Завязывать там, где тонко.
Подслащивать там, где горько,
Залечивать то, что больно.
Ужиться с тобою? – не только:
При этом остаться вольной.

Однажды научишь влюбляться
В мир, в горизонта кромку.
О жизни рассказывать вкратце,
Но дерзко и очень громко.
Рассказывать то, что будет,
Умалчивать то, что в прошлом.
Ты учишь смеяться – людям
Любовь раздавать по крошкам.

Сестра

Мы с тобой различаемся многим,
Мы с тобой не похожи, родная.
Ты смелей. Выбираешь дороги
Без следов, и маршрута не зная.

Голос твой... Он и слаще, и громче.
Слов не знаешь ни лживых,
ни лестных.

Твой характер –
извечный твой кормчий,
Но куда приведёт – неизвестно.

Ты всё больше на маму похожа,
Тем же клеим
судьбу свою клеишь.
А бывает – мурашки по коже –
Замечаю, как ты хорошеешь...

Посторонним не будет, не станет
Человек, что зовется сестрою.
И для нас лучше нет сочетаний
Слова «счастье» со словом
«построю».

Я отвезу тебя к морю, родная.
Пены прибрежной
коснёшься стопою.
Молча от счастья смеясь и рыдая,
Жизни начало увидим с тобою.
Я отвезу тебя к морю, родная.

Я отвезу тебя, милая, скоро
К чайкам – крикливым от вечной
свободы.
Радость укроет невидимой
шторой
От сожалений. От злой непогоды
Я увезу тебя, милая, скоро.

Я покажу тебе, мамочка, море –
Место, где мы с тобой будем
похожи.
Место, где люди с природой –
не в ссоре,
Счастье солёною каплей на коже.
Я покажу тебе, мамочка, море...

Прелыми листьями под сапогами
Те, кто старается влезть
в одиночество,
Те, кто с собою знакомили сами,
Но забывали и имя, и отчество.

Все они – временны,
все преходящие,
Все превращаются
в ветрено-встречное.
Мне остаётся одно настоящее –
Ты, эта осень и наше извечное...

Спрячь от чужих, заberi!
И без времени
В медленный вальс...
В бесконечные повести.
Знаю – нелёгким
тебе буду бременем.
Верю – любить тебя
буду по совести.

Юные голоса посёлка Астапово Луховицкого района Московской области**Прокофьева Елизавета, 9 кл.****МОЯ РОССИЯ**

Люблю поля бескрайние,
Люблю эту красу,
Лесов молчанье тихое,
Прозрачную росу.
Люблю, как пахнет вечером
Сирени куст в саду.
Люблю, как лист кленовый
Танцует на ветру.
Люблю я осень, зиму,
И лето, и весну.
Всё красками играет,
Природа вся в цвету.
И где бы ни была я,
В какой другой стране,
К тебе меня всё тянет,
К любимой стороне.
И как же хороша ты,
Моей мечты земля!
Я знаю, что ты – Родина,
Россия ты моя!

Афанасьева Мария, 9 кл.**РОДИНА**

Россия моя ты родимая,
Хранимая Богом земля!
Люблю твои воды хрустальные,
Зелёные вечно поля.
Люблю я берёзонки белые,
В лесу звонкий свист соловья,
Москвы златоглавой могучие,
Высокие стены Кремля.

Ах, сколько боёв ты же вынесла,
Татарово иго прогнав,
Французов, морозами скованных,
Фашистов с землею сравнив.
Гордись же своими героями!
Они отстояли тебя!
Для них ты навечно останешься
Родимая сердцу земля!

На тысячи вёрст ты раскинулась.
Ты мать всех народов святых.
Полна несусветных сокровищ ты:
От угля до камней златых.
Держава великая, сильная,
Другой и не сыщешь такой!
И гордо зову я Россиюю
Край милый и самый родной!

Андреева Алёна, 9 кл.

Родилась в посёлке я.
Это родина моя.
Здесь живёт моя семья:
Мама, папа, брат, сестра,
А также бабушка и дед
Живут много-много лет.
Друзей много у меня,
И конечно, есть родня.
Край родной любим навек!
Я – счастливый человек!

Рябова Алина, 9 лет**МАМА**

Мамочка моя милая, прекрасная,
Ты делаешь всё,
чтобы была я счастлива.
Я люблю тебя,
мы две родные кровинки,
Это знаю я –
мы с тобою две половинки.
Ты мне подарила жизнь,
Сидела у кровати все ночи,
Учила ходить, говорить,
Вы с папой радовались очень,
Что я появилась на свет.
Дороже вас
никого в моей жизни нет.

ОСЕНЬ

Осень. Клёны голые.
Листья все внизу.
Осень такая сонливая,
Дождь роняет слезу.
Пройдусь я по дорожке,
Слушая шорох листвы,
Всё падают и падают
Листья во дворе...

Главицкая Екатерина, 13 лет

День матери!
Какой же величавый день!
Подарки мамам дарят все.
Но вот беда – не знаю я,
Что маме в праздник подарить
И чем её развеселить?
Быть может, песенку ей спеть?
А может, стих мне свой прочесть?
А может, вылепить игрушку
И маме с розой подарить?
А лучше маме мне помочь,
Обнять её, поцеловать.
Прогнать её печали прочь
И нежно, ласково сказать:
«Ты лучшая на свете мать!»

Главицкая Татьяна, 9 кл.**РОДИНА МОЯ!**

Есть в мире огромная страна,
Всех роднее и милее мне она.
Россия – Родина моя!
Бесценная, любимая страна.

Я в многих странах побывал
И много в жизни повидал,
И так скажу я вам, друзья:
Нет краше края для меня!

Как сильно я люблю леса,
Поля, моря и реки,
Ни за какие бы гроши
Свой край не променял вовеки.

Друзья, любите родную страну
И защищайте от набегов,
Не встретите вы на своем веку
Страны прекраснее – поверьте!

Борисова Полина, 9 кл.

Каждый место своё родимое
Под сердцем всегда бережёт,
Каждый годы помнит счастливые,
Что волнуют и сердце, и кровь,
Каждый, вдруг вспоминая
о прошлом,
Тихо Родину вспомнит свою.
Кто-то вспомнит звуки гармошек,
Кто-то, тихо роняя слезу,
Вспомнит мать свою,
вечно уставшую,
Часто сыну сквозь боль говоря
Со слезами, как звёзды, упавшими:
«Тяжело нам, сынок, без отца...»
Кто-то вовсе засветится счастьем,
Нежным взглядом смотря на жену.
Вспоминая минуты свидания,
Тихо скажет ей нежно «Люблю!»
Кто-то вовсе ничто и не вспомнит,
И не знает, кто есть он таков,
Потому-то он только родился,
Божий ангел из ангельских снов.
Но пройдёт ещё время – узнает
Он и радость, и боль, и любовь.
И однажды в конце своей жизни
Вспомнит милую сердцу Россию,
Милый край, милый дом,
милый кров.

Брусаянская Настя, 11 лет**9 МАЯ**

9 Мая! Ура! Наступило!
Сегодня мы празднуем праздник
России.
В этот праздник священный
Мы выиграли бой!
Не забудем мы праздник 9 Мая,
Не забудем войска
Те, что выиграли бой!

МОРСКАЯ ГЛУБИНА

Если ты взглядишься
В морскую глубину,
То увидишь рыбку,
И даже не одну:
Акула, медуза
И рыба-пила,
Посмотришь пониже –
Морская звезда.
В глубине морской
И трав не считаешь,
Там прекрасное житьё
Для трав и рыб,
Ты знаешь!
Невозможно рассказать
И описать словами
Красоту морской природы,
Мы должны её увидеть сами.

Призёры конкурса «Наша зелёная планета» 2013г. (г.Новомичуринск Рязанской обл.)

Денисенко Влада
(3 «А» кл. МОУ «НСОШ №3»)

ПРИРОДА РЯЗАНИ

Как красива природа Рязани!
Здесь леса и просторы полей,
Речек синь, птичек звонкое
пенье
И весенний журчащий ручей.

Солнце светит, теплом согревая.
Муравей тащит веточку в дом.
Колокольчик смешно, чуть кивая,
С ветром в поле пропели:
«дин-дон».

И берёзки качаются в танце,
Белогривые мчат облака.
Как прекрасна природа Рязани,
Как она для меня дорога!

Как же здорово, что рождена я
На земле, где Есенин рождён!
О природе любимого края
Я пишу, как когда-то и он.

ЦВЕТОК

Я рассматривала цветок,
Любовалась его лепестками.
Вот на листике, вижу, жучок
Шевелит, притаившись, усами.
Серединка желтеет цветка,
Сам он бархатный
и белоснежный,
Необычный, красивый, лесной
Средь зелёной травы,
очень нежный.
И роса, капля влаги земной,
Заблестела, от ветра дрожа.
Я дотронулась нежно рукой
И от счастья прикрыла глаза.
Я не знаю название цветка,
Его вижу лишь в первый раз.
Так какой же волшебник в лесу
Посадил это чудо для нас?!

Семячкина Татьяна
(7 кл. МОУ «НСОШ №1»)

ГРИБНОЕ ПОЛОВОДЬЕ

В лесу половодье грибное.
В грибах по колено кусты.
Тут с пуговку величиною,
Там крупные, словно зонты.

Тут парой, и тройкой, и стайкой.
Кольцом, и кружком,
и спиралькой.
В россыпь, семьёй, этажами,
Ярусами, козырьками.

То тёмные, словно чернила,
То синие, как васильки.
То цвета болотного ила,
То чёрные, как угольки.

В тени, и заметные сразу,
Как блюдца, тарелки, как вазы.
Со шляпкою ровной и ёмкой.
В полосках и в пятнах, с каёмкой.

Грибы на пеньках, под берёзой,
Под дубом, ольхой и сосной.
Зимой, накануне морозов
И самую ранней весной.

Грибная пошла полоса.
Грибы затопили леса!

РЯБИНА

Вновь зима. Почернела калина.
Без серёжек берёза стоит.
Лишь одна молодая рябина
На снегу ярким солнцем горит.

Своих ягод не спрячет, не скинет,
Сбережёт для пернатых певцов.
Будет много гостей на рябине.
Даст она им и пищу, и кров.

Хлебосольна, щедра и ранима,
Потому и прекрасна зимой.
И недаром рябина сравнима
С милосердною русской душой.

Потому на далёкой чужбине,
Вспоминая любимый свой дом,
Каждый русский вздохнёт
о рябине,
Что алеет в саду под окном.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

В небе белый пух кружится
И на землю оседает.
Это сказочные птицы
Перья снежные теряют.

Появились из-за моря
И крылом взмахнули нежным.
Понеслись снежинки роем,
Быстрым, чистым, белоснежным.

Над уставшею землёю
Длинной стаей пролетели.
Унесли дожди с собою,
А оставили метели.

Андреева Даша
(5 кл. МОУ «НСОШ №1»)

РЕЧКА

Радовалась речка
Красоте своей:
Не было на свете
Чище и милей.
Но однажды люди
К речке подошли:
Набросали мусор,
Разожгли огни.
И с тех пор у речки
Грязны берега,
И течёт под ними
Чёрная вода.

Не поёт у речки
Песни соловей,
Не приходят звери
Искупаться в ней.
Кто поможет речке
Снова стать красой?
Ну конечно, дети:
Ты да я с тобой!

Полещук Сергей
(4 «А» кл. МОУ «НСОШ №3»)

КОТЁНОК

Однажды я на улице
Котёнка подобрал.
Он грязный был и слабенький,
Никто его не брал.

Мне жаль его, он, бедненький,
Прижался носом в грудь,
Сопит, мурлычет, кашляет,
Пытается уснуть.

Принёс домой котёнка,
Дымком его назвал.
Так счастлива сестрёнка,
Серьёзным папа стал.

Но мама улыбнулась,
Сказала: «Пусть живёт!»
Погладила котёнка:
«Он радость принесёт!»

Буянова Дарья
(4 «А» кл. МОУ «НСОШ №3»)

МНЕ ХОЧЕТСЯ ОБНЯТЬ ВСЬ МИР

Мне хочется обнять весь мир!
Ведь он, как солнца луч,
прекрасен.
Он полон таинств и чудес
И в то же время прост и ясен.

Мне хочется обнять поля,
К листе губами прикоснуться.
И солнышку сказать: «Привет!»,
И с первым лучиком проснуться.

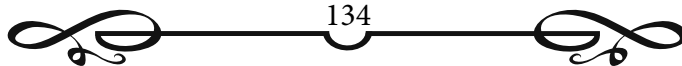
И, прибежав босой к реке,
Вдохнув живительной прохлады,
Закрывать глаза и прошептать,
Что мне другой Земли – не надо!

ВЕСНА

Весна идёт к нам быстрыми шагами,
Несёт в ладошках солнышка лучи.
И под горячими его лучами
Снег тает, и бегут ручьи.

ОСЕНЬ

Если жёлтый лист берёзы
На землю влажную упал,
То скоро к нам придут морозы,
А день осенний меньше стал.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

Лучик солнца очень смело
По подушке пробежал.
Он поднял меня с постели
И тихонько прошептал:
«Просыпайся! С добрым утром!
Лето в гости приглашай!»
Ну а я, конечно ж, рада
Встрече с солнцем и рекой,
С васильковыми полями
И клубничкой луговой.
И в лесу грибов лукошко
Неприменно наберём.
У пруда совсем немножко
Посидим и отдохнём.
А лягушки-хохотушки
Нам концерт покажут свой,
И кувшинки, распускаясь,
Покачают головой.
Ранним утром, знаю, будут
Соловьи мне песни петь.
Ведь прекрасней лета точно
Ничего на свете нет!

ЗАБОТЛИВЫЙ ЁЖИК

Я в лесу нашла ежонка,
Он сопел и фыркал громко,
А на спинке нёс грибок
Да осиновый листок.

А ещё один – с рябины,
Два с берёзы, три с калины.
Я спросила: «Милый ёж,
И куда ж ты всё несёшь?»
Ёж ответил: «Гриб домой,
Листья – бабушке родной.
Чтоб зимой в её постели
Было мягче и теплее».

ОСЕНЬ

Осень – рыжая плутовка –
Незаметно подкралась
И своим хвостом пушистым
Природу красить принялась.
Стали рыжими рябинки,
Клёны, ясени, осинки,
Золотые купола
На берёзках подняла.
Расстелила по дорожкам
Разноцветные ковры
И каштаны разбросала,
Словно осени дары.
Ну а ёлочки-принцессы
Наряжаться не спешат –
Так зелёными остаются
До весны они хотят.

МУХОМОР

Мы летом с мамой в лес пошли
И там красивый гриб нашли.
В красной шапке на бочок,
А под ней воротничок.
На шляпке белые горошки.
Он вырос прямо на дорожке.
Вот грибочек – загляденье
И, наверно, объеденье!
Я долго на него глядела,
А потом сорвать хотела.
Но сказала мама: «Стой!
Грибочек этот непростой,
Хоть красивый он на вид,
Но только очень ядовит!
И человек, и зверь лесной
Его обходят стороной.
Мухомор его зовут
И никогда его не рвут».

СНЕГ ИДЁТ

Это что за чудеса?
С неба сыплется крупа.
Засыпает все дорожки,
И деревья, и дома.
Оглянуться не успела,
Вся земля белым-бела.

Подарок деткам от члена жюри Андрея Цыпляева

Вредная косичка

Мою левую косичку –
Как её мне воспитать?
Как заставить быть послушной –
Смирно за спиной лежать?

Лезет вдруг в тарелку с супом,
Окунуться хочет в чай
Иль испачкать маслом бантик
(Мой любимый) невзначай.

А когда учу уроки,
То щекочет мне в носу...
Всё, достала, ей же хуже –
Заплету одну косу!

Старый директор

– Мой Ангел, в девять лет негоже
Реветь, забившись в тёмный
уголок.

Опять сосед по парте?! Всё же
Не стоит нам прогуливать урок.

Ах, дело вовсе не в той белой
крысе
С противным голым розовым
хвостом?
И даже не в лягушке,
что на «русском»
За шиворот засунул он тайком?

Так в чём беда?
Да-да, я понимаю...
Глядит на Валю не спуская глаз?

И подарил ей две открытки
с Барби?
...Осушим слёзки и пойдём-ка
в класс.

Я летаю!

К небу, ветру, облакам –
К сильным папиным рукам.
К жаворонку в вышине –
К милой родненькой щеке.
Снова к Солнцу я лечу:
Я весь Мир обнять хочу!

Спросил директор в классе,
Кем мы мечтаем быть?
Профессию какую
Желаем получить?

Кто хочет стать пилотом,
Отважным моряком,
Практичнее кто –
Фирму открыть свою потом.

Подружки все –
Актрисы, певицы и модели,
Зубные протезисты,
Конечно, бизнес-леди.

Но есть одна профессия –
Нельзя ей обучить,
К тому же без неё
На свете не прожить.

Не поднимаю руку,
Кем стану я – молчу,
Хорошей стану мамой:
Я этого хочу.

«Папа, папа, почему
(Сама никак я не пойму)
Есть зимние сапожки
(Тепло чтоб было ножке),
Шапка из козлёнка
И, как пух, дублёнка,
Шарфик есть, перчатки есть –
В общем, всё не перечсть,
Обойдён лишь бедный нос –
Его щиплет злой мороз!»

Кто же я?!

Я для бабушки – «лисёнок»,
А для мамочки – «зайчонок»,
«Мышка», «солнышко»,
«галчонок»,
«Ненаглядный мой котёнок».
Тёте – «милый шалунишка»,
А для брата я – «мартышка».
Папе – «продолжатель рода».
Дедушке – «Антихрист», «шкода»,
Также «Божье наказание»
За грехи и в испытанье».
Дядя кличет «оголец»...
Кто я всё же, наконец?!

Содержание:

Анастасия Русских <i>Пройти сквозь время</i>	3
Лев Котюков	4
Григорий Осипов	6
Эдуард Хандюков	8
Леонид Дудин	10
Ольга Новикова	13
Сергей Антипов	16
Сергей Калабухин <i>"О крахе русской культуры"</i> (Из книги "Спорные мысли")	19
Владимир Когтев <i>"Три "Исаакя" крестьянина Максима Салина"</i>	22
Ирен Авенеберг	26
Людмила Андреева	29
Екатерина Андросова	30
Даниил Белов	31
Александр Беляев	32
Марина Блюз	33
Наталья Брылёва	36
Александр Васин	40
Максим Головки	41
Ли́ка Градо	42
Владимир Голубев	44
Оксана Дашковец	49
Николай Дик	50
Светлана Донченко	51
Елена Дроздова	54
Оксана Дудкина	57
Валентина Дьяченко	58
Сергей Иванов-Мехнин	59
Александр Ильин	62
Людмила Катаргина	68
Пётр Красильникян	71
Елена Качина	72
Елена Кубекина	74
Лизаветушка	76
Арина Ладенка	79
Светлана Моисеева	82
Ирина Морозова	84
Денис Минаев	87
Людмила Михеева	88
Александр Негодаев	89
Алексей Никонов	90
Эмилия Офледи	96
Клавдия Орлова	98
Ирина Павленко	99
Максим Прокофьев	100
Эльмира Рахматулина	101
Ирина Розенберг	102
Максим Ролик	104
Елена Рощина	106
Нина Сазонова	114
Галина Самусенко	115
Антонина Тесленко	116
Василий Толстоус	118
Диана Цай	122
Татьяна Цымбал	123
Андрей Цыпляев	124
Мария Шмигельская	125
Игорь Шандра	126
Елена Шевченко	128
Марина Якубовская	132
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА	
Юные голоса посёлка Астапово Луховицкого района Московской области	133
Призёры конкурса «Наша зелёная планета» 2013г. (г.Новомичуринск Рязанской обл.)	134

**ООО Издательский Дом «Серебро Слов»
предлагает новые книги:**

С.С.Антипов

**«Дегустаторы Реальности,
или Записки странного бизнесмена»**

Книга рассказывает о том, как с помощью определённых систем взглядов достигать поставленных целей. Автор, успешный бизнесмен, ссылаясь на многие известные практики, а так же на свой личный опыт, даёт конкретные методы и приёмы управления реальностью, которые могут помочь как начинающему бизнесмену, так и любому человеку, желающему улучшить свою жизнь.

Д.В.Минаев

Книжка-раскраска для детей «Одуванчик»

Книга стихотворений и рисунков для раскрашивания станет замечательным подарком Вашему ребёнку.

И.В.Морозова

Сборник стихотворений «Поцелуй с горчинкой»

В книге представлена яркая палитра человеческих чувств, с помощью которой автор мастерски описывает разные жизненные ситуации, рисует знакомые каждому картины отношений между мужчиной и женщиной, подсказывает интересные варианты решения запутанных житейских головоломок.

ISBN 978-5-906438-05-8

9 785906 438058